M-63

Библіотека Н. Н. МИХАЙЛОВСКАГО
Шкафъ XVIII полка 2 № 2

пр 22/VI 48
М С

М-63

ГОСПОЖА РОЛАНЪ.

Историко-литературный этюдъ

Н. Мировича.

4934

Изданіе журнала „Пантеонъ Литературы“.

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

БИБЛІОТЕКА
Отд. для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

250
Б. М.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. А. Лебедева, Невскій просп., д. № 8.
1890.

XI.2.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 марта 1890 года.

Госпожа Роланъ.

Историко-литературный этюдъ.

«Чѣмъ дальше проникаешь въ жизнь г-жи Роланъ, тѣмъ болѣе цѣльнымъ представляется ея характеръ: вездѣ, во всемъ—тѣ же мысли, тѣ же слова; нигдѣ не встрѣчаемъ мы въ ея жизни ни одной темной стороны, ни одного осложненія противоположныхъ страстей или стремленій». (Lettres autographes de M-me Roland á Bancal des Issarts, publiées par M-me Bancal des Issarts. Introduction par S-te Beuve, p. 46).

— «Все было гармонично и ничего не было дѣланнаго въ этой знаменитой женщинѣ».

Она представляетъ собой не только самый сильный, но и самый правдивый характеръ нашей революціи. Исторія не относится къ ней съ пренебреженіемъ....» (Dauban «M-me Roland et son temps». Отзывъ о г-жѣ Роланъ современника ея).

Въ большей части характеристикъ, посвященныхъ г-жѣ Роланъ и ея партіи, преобладаетъ, до извѣстной степени, духъ той исторической школы, представителемъ которой является данный авторъ. И это вполнѣ естественно: великія событія, въ которыхъ она принимала дѣятельное участіе, слишкомъ еще близки къ нашему времени,—слишкомъ живо и глубоко затрогиваютъ многіе вопросы общественной жизни, чтобы относиться къ нимъ вполнѣ объективно, съ спокойнымъ, холоднымъ безпристрастіемъ. Вотъ почему общественная дѣятельность и самая личность г-жи Роланъ нерѣдко принимаютъ въ историческихъ очеркахъ не совсѣмъ правильное освѣщеніе. Чтобы получить вѣрное и правдивое представленіе о характерѣ и жизни этой замѣчательной женщины, необходимо обратиться къ первоначальнымъ источникамъ,—къ запискамъ современниковъ, близко ее знавшихъ, и, главнымъ образомъ,—къ ея собственнымъ мемуарамъ и перепискѣ.

ГЛАВА I.

Дѣтство г-жи Роланъ.—Воспитаніе.—Первыя впечатлѣнія.—Годъ пребыванія въ пансіонѣ монастыря конгрегаціи.—Сближеніе съ Софи Каннэ.—Религіозное увлеченіе.

Дѣтство г-жи Роланъ мало извѣстно; мы знаемъ о немъ лишь то немногое, что она сама сообщаетъ въ своихъ мемуарахъ.

По большей части, автобіографіи даютъ невѣрное представленіе какъ о фактахъ, такъ и о характерѣ дѣйствующихъ лицъ: невольно, безсознательно, авторъ, въ одномъ случаѣ, усиливаетъ, въ другомъ смягчаетъ краски, умалчиваетъ, подчасъ, о весьма важныхъ подробностяхъ, придаетъ своимъ дѣйствіямъ невѣрную окраску.

Едва-ли можно сдѣлать этотъ упрекъ г-жѣ Роланъ. Ревностная послѣдовательница Ж. Ж. Руссо, она и въ своихъ мемуарахъ старается подражать его «Исповѣди». Въ описаніи какъ себя, такъ и близкихъ лицъ, она не щадитъ красокъ, до педантизма придерживается истины,—иногда даже въ ущербъ скромности и чувству приличія.

Правда, провѣряя «мемуары» по сохранившейся перепискѣ г-жи Роланъ, мы видимъ, что нѣкоторые эпизоды ея жизни представлены не совсѣмъ точно и соотвѣтственно дѣйствительности (напр., отношенія г-жи Роланъ къ Лабланшери). Но случаи эти весьма рѣдки; при томъ же, не слѣдуетъ забывать, что не одно десятилѣтіе отдѣляло ее отъ тѣхъ фактовъ и событій, которые она по воспоминаніямъ передавала въ своей автобіографіи, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти.—Въ общемъ, несмотря на эти немногія, неизбѣжныя погрѣшности противъ истины, образъ г-жи Роланъ, какъ передаетъ намъ ея автобіографія, вполнѣ соотвѣтствуетъ, въ главныхъ чертахъ, тѣмъ отзывамъ и характеристикамъ, которые даютъ намъ современники. Въ своихъ мемуарахъ, г-жа Роланъ является не только представительницей политической партіи, мужественно боровшейся за свои идеи, отстаивавшей ихъ цѣною личнаго счастья и жизни: она является здѣсь не только героиней, но и женщиной—семьянинкой, со всѣми своими слабостями и недостатками, порой заблуждающейся въ пылу увлеченія, несправедливой и даже жестокой ко всѣмъ тѣмъ кто уклоняется отъ ея пути,—порой изнемогающей подъ бреме-

немъ тяжелыхъ испытаній,—но всегда, съ начала до конца, вѣрной себѣ, своимъ убѣжденіямъ и нравственнымъ принципамъ.

Г-жа Роланъ, въ дѣвицахъ Manon Phlipon, родилась въ Парижѣ 17 марта 1754 года. Родители ея принадлежали къ среднему сословію—буржуазіи. Отецъ ея по ремеслу гравёръ (г-жа Роланъ называетъ его въ своихъ мемуарахъ «артистомъ»), кромѣ своей спеціальности, занимался покупкой и перепродажей драгоцѣнныхъ вещей и брилліантовъ. Это былъ человѣкъ весьма невысокаго полета—самолюбивый, тщеславный, увлекающійся и поверхностный. «Не будучи человѣкомъ образованнымъ», говоритъ о немъ г-жа Роланъ («Mèmoires» v. 3-me, p. 7), «онъ обладалъ той степенью познаній и вкуса, которую даютъ хотя бы самыя поверхностныя занятія искусствами; поэтому, несмотря на все его уваженіе къ богатству, онъ имѣлъ сношенія съ купцами, но поддерживалъ связи только съ артистами, живописцами и скульпторами».

Но, по всей вѣроятности, причиной этого было не столько развитіе, полученное отъ общенія съ искусствами, сколько свойственное ему безграничное тщеславіе. Главной, преобладающей страстью его было стремленіе къ наживѣ, къ денежнымъ спекуляціямъ,—несчастная страсть, которая впослѣдствіи, по смерти жены его, привела къ разоренію семьи. Дочь свою, умомъ и красотой льстившую его самолюбію, онъ любилъ по-своему, но въ воспитаніе ея почти не вмѣшивался.

Полный контрастъ съ этимъ буржуа—bon vivant представляла жена его, въ дѣвушкахъ Маргарита Бимонъ. Съ привлекательной наружностью, симпатичная по нравственнымъ своимъ свойствамъ, она вышла замужъ безъ любви, покорная волѣ родителей. «Душевныя и умственныя качества ея», говоритъ о ней г-жа Роланъ, «казалось бы, дѣлали ее достойной человѣка болѣе просвѣщеннаго и нравственно-чуткаго; но родители просватали ее за человѣка порядочнаго, хотя посредственнаго,—способности котораго обезпечивали для нея средства къ существованію—и разумъ побудилъ ее согласиться на этотъ бракъ. За неимѣніемъ счастья, котораго она не могла ожидать, она чувствовала, что будетъ наслаждаться въ семьѣ мирнымъ спокойствіемъ, которое можетъ замѣнить счастье. Благоразумно умѣть сокращать свои требованія», сентенціозно замѣчаетъ при этомъ г-жа Роланъ; и наслажденія—гораздо рѣже, чѣмъ мы воображаемъ; но утѣшеніе всегда найдется въ добродѣтели» («Mèmoires» v. 3-me, p. 8).

Отъ страстно любимой матери г-жа Роланъ унаслѣдовала за-

датки нѣкоторыхъ природныхъ свойствъ. Въ жизни какъ матери, такъ и дочери, столь различной по внѣшнимъ обстоятельствамъ, преобладаетъ та же идея долга, та же выдержка характера, та же непоколебимая строгость въ нравственныхъ принципахъ, рядомъ съ свободомысліемъ, свойственнымъ XVIII вѣку, та же страстная потребность вѣры... Всѣ эти черты, уже проглядывающія въ характерѣ матери, широко развиваются въ дочери, отъ природы богато одаренной, впечатлительной, отзывчивой, унаслѣдовавшей отъ отца его страстный, живой, сангвиническій темпераментъ. Вѣроятно, сочетаніе всѣхъ этихъ свойствъ, столь различныхъ и, отчасти, даже противоположныхъ, въ значительной степени усиливало то неотразимо обаятельное впечатлѣніе, которое она производила на всѣхъ близко ее знавшихъ.

Первоначальное, домашнее воспитаніе Manon велось безъ всякой опредѣленной системы. Четырехъ лѣтъ она уже умѣла читать, и съ этихъ поръ, по собственному ея свидѣтельству, главный трудъ ея воспитателей, по отношенію къ обученію, заключался лишь въ томъ, чтобы удовлетворять ея неутолимой жаждѣ знанія. Благодаря прекрасной памяти и рѣдкимъ способностямъ, всѣ книги, попадавшіяся ей подъ руку, начиная съ Ветхаго и Новаго Завѣта, краткаго и пространнаго катехизиса, и кончая «Символомъ св. Аѳанасія»,—всѣ прочитывались и запоминались съ неимовѣрной быстротой. Семи лѣтъ, дѣвочку начали посылать въ воскресные классы приходской церкви, для приготовленія къ конфирмаціи; и уже здѣсь необыкновенныя ея способности обратили на нее вниманіе преподавателей и доставили первую награду по окончаніи годичнаго курса ученія. Дальнѣйшее образованіе продолжалось дома, подъ руководствомъ цѣлой фаланги самыхъ разнообразныхъ преподавателей; перечисляя ихъ, г-жа Роланъ называетъ, между прочими, дядю, аббата Бимона, преподававшаго ей латинскій языкъ, Маршана — учителя чистописанія, географіи и исторіи, Кажона,—бывшаго солдата, затѣмъ капуцина и наконецъ сидѣльца, потерпѣвшаго неудачу во всѣхъ этихъ карьерахъ, и обратившагося, вслѣдствіе этого, къ преподаванію пѣнія, танцмейстера Мазона, скрипача Ватена и т. д. Очевидно, мать ничего не жалѣла для развитія умственныхъ способностей и, въ особенности, талантовъ дочери; но при этомъ, обученіе наукамъ и искусствамъ велось настолько безпорядочно и непослѣдовательно, что едва ли могло бы привести къ хорошимъ результатамъ, еслибы недюжинныя способности, въ соединеніи съ природнымъ здравымъ

смысломъ, не помогли дѣвочкѣ разобраться въ хаосѣ всѣхъ преподававшихся ей премудростей. Хаосъ еще болѣе увеличивался, благодаря чтенію книгъ, такъ-же разнообразныхъ по содержанію, какъ мало соотвѣтствовавшихъ ея дѣтскому возрасту.

Черезъ руки семилѣтней дѣвочки прошли всѣ книги, хранившіяся въ библіотекѣ родителей,—«Жизнеописанія Святыхъ», «Библія», «Комическій романъ Скаррона», старинный переводъ исторіи Аппіана, и даже трактатъ «Объ искусствѣ геральдики». Въ возрастѣ девяти лѣтъ, глубокое впечатлѣніе произвели на нее «Жизнеописанія» Плутарха, впервые внушившія ей республиканскія идеи и повліявшія впослѣдствіи на образованіе ея политическаго міросозерцанія. Въ тотъ же періодъ дѣтства, воображеніе ея увлекалось Фенелономъ и Тассомъ. При чтеніи «Телемака» и «Освобожденнаго Іерусалима», разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ г-жа Роланъ, «у меня захватывало дыханіе и лицо пылало какъ въ огнѣ... Я была Евхарисой для Телемака, и Герминіей для Танкреда; но мысленно воплощаясь въ личности этихъ героинь, я не думала еще о себѣ, не обращалась къ собственной личности и ничего не искала вокругъ себя: я какъ бы сама перерождалась и видѣла лишь тѣ предметы, которые существовали для моихъ героинь. То былъ сонъ безъ пробужденія» («Mémoires» v. 3, p. 27).

Но этому періоду дѣтской чистоты и невинности не суждено было продлиться. Г-жа Роланъ, съ нескромной откровенностью свойственной послѣдовательницѣ Руссо, подробно разсказываетъ въ «Мемуарахъ», какъ общество одного развратнаго юноши, ученика ея отца, при помощи чтенія романовъ, преждевременно просвѣтило ее и открыло такія тайны природы, которыя могли пагубно повліять на воображеніе и нравственную чистоту ребенка. Цинизмъ, съ которымъ г-жа Роланъ передаетъ эти эпизоды своего дѣтства, навлекъ на нее строгое осужденіе со стороны нѣкоторыхъ біографовъ и историковъ *), упрекающихъ ее въ отсутствіи стыдливости и скромности. Дѣйствительно, если въ «Исповѣди» Руссо нравственное чувство читателя нерѣдко оскорбляется грубой его откровенностью, въ женщинѣ подобный цинизмъ возмущаетъ еще болѣе: въ «Мемуарахъ» г-жи Роланъ онъ является

*) «Мы видимъ здѣсь полное отсутствіе истинной скромности», замѣчаетъ Тэнъ («La Conquête Jacobine»), говоря о «Мемуарахъ» M-me Roland,—«за то постоянно встрѣчаемъ возмутительныя непристойности, вызванныя чванствомъ и желаніемъ стать выше своего пола».

какъ бы фальшивымъ аккордомъ, который производитъ на читателя самое удручающее впечатлѣніе. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что черта эта навязана ей какъ бы извнѣ, и является слѣдствіемъ реакціи, смѣнившей въ то время господствовавшую прежде въ литературѣ искусственность и ходульность.

Это новое направленіе, главнымъ представителемъ котораго является Руссо, отрицательно относится ко всѣмъ условіямъ внѣшней благопристойности, которыми обычай связывалъ человѣка. Скромность, стыдливость, чувство приличія,—всѣ узды, сдерживающія проявленіе чувства,—оно считаетъ пустымъ предразсудкомъ, изобрѣтеніемъ, такъ же безполезнымъ, какъ и унизительнымъ для человѣческаго достоинства. Направленіе это, установившееся какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ второй половины XVIII вѣка, косвеннымъ образомъ отразилось и на г-жѣ Роланъ; мы говоримъ «косвеннымъ образомъ», потому что, какъ мы увидимъ далѣе, оно выразилось лишь въ нѣкоторыхъ ея внѣшнихъ пріемахъ, не затронувши нравственной ея стороны.

Преждевременное развитіе дѣвочки, при темпераментѣ страстномъ и увлекающемся, легко могло загрязнить воображеніе ея и нравственную чистоту. Она избѣгла этой опасности, благодаря вліянію матери. «Мать моя», разсказываетъ г-жа Роланъ въ «Мемуарахъ» («Mémoires» v. 3, p. 41), «искусно воспользовалась чувствомъ стыдливости, свойственнымъ моему возрасту... Проступокъ мой, заключавшійся въ томъ, что я не разсказала ей все съ самаго начала и сочла за пустякъ вольность, которую позволилъ себѣ молодой человѣкъ,—проступокъ мой она изобразила въ такомъ ужасномъ свѣтѣ, что я сочла себя погибшей. Религія, добродѣтель, честь,—она воспользовалась всѣми аргументами, чтобы подѣйствовать на меня убѣжденіемъ, и предохранить отъ дальнѣйшихъ опасностей. Не знаю, она ли хотѣла представить все въ преувеличенномъ видѣ, или моя впечатлительность преувеличила произошедшее; но я чистосердечно вообразила себя величайшей преступницей въ мірѣ и не успокоилась, пока мать моя не отвела меня на исповѣдь». И вотъ, подавленная сознаніемъ своей грѣховности и чувствомъ раскаянія, она ищетъ успокоенія въ религіи. Уже съ ранняго дѣтства, религіозные догматы и обряды привлекали ея воображеніе. «Благоговѣніе, съ которымъ мнѣ внушались религіозныя понятія», говоритъ г-жа Роланъ въ «Мемуарахъ» («Mémoires» v. 3, p. 34), «расположило меня принять ихъ со вниманіемъ: они должны были произвести глубокое впечатлѣніе

на сильное воображеніе; и не смотря на смущеніе, въ которое повергалъ меня зарождающійся разумъ, съ сомнѣніемъ относившійся къ превращенію дьявола въ змія, я вѣрила въ Бога и поклонялась ему».—Натура страстная, увлекающаяся и непосредственная, она всецѣло отдавалась всякому чувству, всякой идеѣ. И теперь, подавленная чувствомъ раскаянія, она доходитъ въ своемъ религіозномъ увлеченіи до экзальтаціи. «Религіозность, въ которую я впала», разсказываетъ г-жа Роланъ, «совершенно измѣнила и преобразила меня; я сдѣлалась въ высшей степени смиренна и робка; всѣ мужчины, вообще внушали мнѣ чувство почти ужаса, которое еще болѣе усилилось, когда нѣкоторые изъ нихъ показались мнѣ привлекательными. Я строго слѣдила за всѣми своими помыслами; малѣйшій образъ, который, хотя бы смутно, могъ представиться моему воображенію, казался мнѣ преступленіемъ. Я пріобрѣла такую привычку воздержанія, что и впослѣдствіи, уже не будучи религіозной, при чтеніи естественной исторіи Бюффона, пропускала всѣ мѣста, которыя касались размноженія человѣческаго рода,—съ поспѣшностью и страхомъ человѣка, который видитъ себя на краю пропасти» («Mémoires», v. 3 p. 24).

Но добровольная, строгая нравственная дисциплина, соблюденіе церковныхъ уставовъ и чтеніе житія святыхъ—не удовлетворяли потребностямъ ея страстной натуры. Подобно фанатикамъ первыхъ вѣковъ христіанской эры, она мечтала всецѣло принести себя въ жертву божеству,—мечтала о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда изувѣрство язычниковъ доставляло вѣнецъ мученичества вѣрнымъ послѣдователямъ Христа. Напряженное настроеніе религіознаго увлеченія еще болѣе усиливалось вслѣдствіе приближавшагося таинства перваго причастія,—великаго событія, которое представлялось, въ ея глазахъ, первой стадіей на пути къ вѣчному спасенію. И вотъ, въ пылу религіознаго увлеченія, у нея явилась мысль, постепенно созрѣвшая въ твердое намѣреніе,—покинуть свѣтскую жизнь и удалиться на время въ уединеніе монастыря, для подготовленія къ великому таинству. Пылкое воображеніе манила обстановка и жизнь монастыря, представлявшаяся въ образѣ таинственномъ и романтичномъ. Тяжесть разлуки съ родительскимъ кровомъ и любимой матерью не могла остановить ея: чѣмъ тяжелѣ представлялась жертва, тѣмъ угоднѣе была она Богу. Зрѣло обдумавши свое рѣшеніе, она немедленно приступила къ исполненію его. Родители не сочли разумнымъ стѣснять ея религіозное

настроеніе. По настоятельной ея просьбѣ, они согласились помѣстить ее на годъ въ пансіонъ монастыря Конгрегаціи, пользовавшійся репутаціей хорошаго воспитательнаго заведенія. Въ «Мемуарахъ» г-жи Роланъ чрезвычайно живо и образно описываются первыя впечатлѣнія ея по прибытіи въ монастырь.

Тревожное состояніе духа смѣнилось настроеніемъ мирнымъ и спокойнымъ; страстная религіозная экзальтація уступила мѣсто тихой мечтательности.

«Первая ночь, проведенная мною въ монастырѣ», разсказываетъ г-жа Роланъ («Mémoires», v. 3, p. 48), «была тревожна. Я разсталась съ родительскимъ кровомъ и чувствовала себя далеко отъ дорогой моей матери... Слабый свѣтъ освѣщалъ комнату, гдѣ я спала съ четырьмя дѣвочками моего возраста. Я подошла къ окну; свѣтъ луны позволялъ разглядѣть очертанія сада, въ который выходило окно. Глубокая тишина царила здѣсь; я прислушивалась къ ней съ нѣкотораго рода благоговѣніемъ. Громадныя деревья бросали мѣстами свою гигантскую тѣнь, обѣщая вѣрное прибѣжище для уединенныхъ мечтаній: я подняла глаза къ небу,—оно было ясно и спокойно; мнѣ представилось, что я чувствую присутствіе божества, которое съ улыбкой принимаетъ мою жертву и ниспосылаетъ уже мнѣ награду въ утѣшительномъ мирѣ небесной обители: счастливыя слезы наполняютъ глаза мои; съ священнымъ трепетомъ, я повторяю свой обѣтъ,—и предаюсь сну праведныхъ».

Годъ, проведенный въ монастырѣ конгрегаціи, былъ счастливымъ годомъ въ жизни г-жи Роланъ. Впослѣдствіи, во время своей бурной политической карьеры, она любила переноситься мысленно къ этому періоду своего дѣтства, мирному и безмятежно счастливому. Съ первыхъ дней вступленія въ монастырь, нравственныя ея свойства и характеръ привлекли ей всеобщія симпатіи. Подруги полюбили ее за доброе сердце и за характеръ, открытый, прямой и кроткій; учителя и преподавательницы видѣли въ ней прилежную и даровитую ученицу, успѣхи которой льстили ихъ самолюбію; монахини и прислужницы превозносили ея христіанское смиреніе, кротость и усердіе въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ. Одновременно съ удовлетвореніемъ душевныхъ потребностей, дѣятельный умъ ея, только что начинавшій пробуждаться къ сознательной жизни, находилъ новыя наслажденія въ постоянныхъ разнообразныхъ занятіяхъ. Не по лѣтамъ развитая дѣвочка всѣхъ поражала своей серьезностью и вдумчивостью. Въ часы прогулокъ и отдыха,

вмѣсто игръ, свойственныхъ дѣтскому возрасту, она удалялась въ садъ отъ своихъ подругъ, чтобы предаваться въ уединеніи своимъ любимымъ мечтаніямъ и созерцанію природы: культъ ея уже въ то время начиналъ соединяться и смѣшиваться, въ ея воображеніи, съ культомъ божества.

Два событія отмѣчаютъ пребываніе въ монастырѣ Manon. Одно —таинство причастія, къ которому, въ видѣ исключенія, она была допущена до истеченія года, на четвертомъ мѣсяцѣ по вступленіи въ монастырь. Другое событіе, еще болѣе важное по своимъ послѣдствіямъ, было зарожденіе новой страсти, освѣтившей всѣ первые годы ея юности и косвенно повліявшей на всю ея жизнь, — начало дружбы ея съ Софи Каннэ. Изъ всѣхъ подругъ Manon, только она, по своему развитію и серьезнымъ наклонностямъ, привлекла ея довѣріе и симпатію. Софи Каннэ была на три года старше ея, и характеромъ представляла скорѣе противоположныя, чѣмъ сходныя черты. Спокойная и разсудительная, она жила болѣе разумомъ, чѣмъ чувствомъ, вдумываясь во всѣ явленія жизни и все подвергая анализу пытливаго, но безстрастнаго ума. Но при всемъ различіи характеровъ, между двумя подругами было нѣчто общее, родственное. Натуры глубокія и цѣльныя, обѣ съ раннихъ лѣтъ почувствовали необходимость осмыслить свое существованіе и выработать себѣ извѣстные принципы и взгляды, чтобы, согласно съ ними, направить всю свою жизнь; обѣ, стремясь найти точку опоры, прежде всего обратились за поддержкой къ религіи.

Общія религіозныя вѣрованія значительно способствовали сближенію ихъ. Но впослѣдствіи, умственное ихъ развитіе, отправившееся изъ однихъ основаній, приняло у той и другой весьма различное направленіе. Между тѣмъ какъ у Софи Каннэ религіозное міровоззрѣніе принимало все болѣе узко ортодоксальное направленіе, съ оттѣнкомъ мистицизма, г-жа Роланъ—натура болѣе широкая, живая и воспріимчивая, увлеклась другимъ направленіемъ, болѣе яркимъ и болѣе соотвѣтствовавшимъ умственнымъ ея потребностямъ,—раціоналистическими идеями XVIII вѣка.

Но не смотря на такой различный ходъ умственнаго развитія, дружба между двумя пріятельницами съ годами не ослабѣвала, но все болѣе росла и крѣпла: лишившись связи въ общихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ,—въ теоретическихъ взглядахъ, онѣ продолжали руководствоваться въ жизни одинаковыми нравственными принципами.

Годъ пребыванія Manon въ пансіонѣ прошелъ быстро и неза-

мѣтно, въ классныхъ занятіяхъ, чтеніи и бесѣдахъ съ Софи. Не безъ сожалѣнія разсталась она съ мирной обителью, встрѣтившею ее такъ тепло и радушно. Въ эпоху выхода ея изъ пансіона, отецъ Manon долженъ былъ вступить въ отправленіе общественной должности, вслѣдствіе чего руководство торговыми дѣлами всецѣло перешло къ ея матери. Не имѣя возможности заниматься дочерью, она временно помѣстила ее къ бабушкѣ,—г-жѣ Флипонъ, которая жила неподалеку отъ нея, на островѣ Св. Людовика. Этотъ періодъ жизни Manon представляетъ какъ-бы продолженіе предъидущаго. Тѣ же занятія, подъ руководствомъ прежнихъ учителей, наполняли большую часть дня ея. Отъ времени до времени, въ свободные часы, она посѣщала родителей и подругъ въ монастырѣ, переписывалась съ Софи Каннэ.

Такъ прошелъ другой годъ, по истеченіи котораго Manon возвратилась въ домъ родителей. Слѣдующіе три года въ ея жизни, отъ 14-ти до 17-ти-лѣтняго возраста, лишь весьма сжато и поверхностно очерчены въ «Мемуарахъ». Они являются какъ-бы переходной эпохой отъ дѣтства къ юности,—эпохой полной самыхъ разнообразныхъ, нерѣдко противорѣчивыхъ впечатлѣній и чувствъ. Одновременно съ развитіемъ умственнымъ, также быстро шло развитіе физическое, и вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣлый міръ новыхъ ощущеній открывался передъ молодой дѣвушкой.

Избытокъ юныхъ силъ, темпераментъ увлекающійся и страстный, въ соединеніи съ сознаніемъ обаятельной красоты и молодости,—плохо мирились съ самоуничиженіемъ и аскетизмомъ, предписываемыми монастыремъ. И чтеніе житій святыхъ, молитва, посѣщеніе церковныхъ службъ—не удовлетворяли пылкое воображеніе; идеалы отшельнической, монашеской жизни не отвѣчали требованіямъ страстной природы, жаждавшей широкой, живой сферы дѣятельности. Этотъ разладъ во внутренней жизни явился источникомъ новыхъ нравственныхъ страданій, сопровождавшихся тяжелой внутренней борьбой. Подобно фанатикамъ-аскетамъ, молодая дѣвушка, стремясь подавить въ себѣ всѣ инстинкты физической природы, подвергаетъ себя всевозможнымъ лишеніямъ и испытаніямъ «Ночью, раздѣтая, босикомъ на холодномъ полу», разсказываетъ г-жа Роланъ («Mémoires», v. 3, p. 106), «я молила Бога спасти меня отъ діавольскихъ соблазновъ... Я подвергала себя разнымъ лишеніямъ. Не разъ случалось мнѣ примѣнять на практикѣ слова царя-пророка, и ѣсть хлѣбъ, посыпанный пепломъ и орошенный моими слезами».

Наконецъ, послѣ долгой борьбы, она успокоивается на мысли, что испытанія эти неизбѣжны,—что само небо ниспосылаетъ ихъ человѣку, чтобы поддерживать въ немъ постоянное чувство недовѣрія къ себѣ; какъ-бы въ подтвержденіе этой мысли, воображенію ея предстали примѣры великихъ святыхъ—Павла, Бернара и Іереміи, также подвергавшихся мірскимъ соблазнамъ и, въ концѣ концовъ, поборовшихъ ихъ съ помощью молитвы, поста и воздержанія. Но успокоившись на мысли о неизбѣжности испытаній, кающейся грѣшницѣ предстояло исполнить еще одинъ тяжелый долгъ,—который предписывала церковь,—покаяться въ своемъ преступленіи на исповѣди. Трагикомичный эпизодъ этой исповѣди подробно описывается въ Мемуарахъ. Главное затрудненіе состояло въ томъ—какъ назвать, обобщить совершенный грѣхъ? «Отецъ», промолвила я, «я грѣшна...» Но что-же далѣе? Сердце усиленно билось во мнѣ, лицо покрылось яркой краской... «я грѣшна... въ помыслахъ, противныхъ христіанской чистотѣ». Слава Богу,—подходящее слово было найдено. Архимедъ, рѣшивши свою задачу, не испыталъ бо́льшей радости, какъ я, отыскавши это удачное выраженіе. Но еслибы онъ вздумалъ предложить дальнѣйшій вопросъ?—это его дѣло, я ни слова не могла прибавить къ сказанному. Въ этотъ день, я закрыла вуалью все лицо, и съ ногъ до головы дрожала, стоя на колѣнахъ въ священномъ судилищѣ». («Mémoires», v. 3, p. 108).

Къ счастью, аббатъ оказался настолько скромнымъ и разсудительнымъ, что не сталъ предлагать дальнѣйшихъ вопросовъ: трагическій эпизодъ кончился благополучно, и Manon съ облегченнымъ сердцемъ возвратилась отъ исповѣди.

Борьба съ влеченіями страстнаго темперамента не одна нарушала мирное теченіе жизни Manon въ описываемый періодъ ея отрочества. Еще болѣе опаснаго врага, чѣмъ въ свойствахъ природы, религія встрѣтила въ раціоналистическихъ идеяхъ вѣка, постепенно овладѣвавшихъ ея умомъ. Но развитіе этихъ идей и борьба ихъ съ догматами католической вѣры относится къ болѣе позднему періоду жизни Manon, къ которому мы и перейдемъ въ слѣдующихъ главахъ. Начиная съ 17-ти-лѣтняго возраста, она вступаетъ въ постоянную переписку съ другомъ своего дѣтства—Софи Каннэ. Переписка эта, обнимающая періодъ времени отъ 17-ти до 26-ти-лѣтняго возраста,—даетъ болѣе или менѣе ясное представленіе о внутреннемъ и внѣшнемъ содержаніи ея жизни. Весь этотъ періодъ своей жизни, т. е. всю первую молодость, до

замужества, Manon провела въ Парижѣ, въ прежней скромной обстановкѣ своего дѣтства, вдали отъ свѣта, лишь изрѣдка прерывая литературныя и научныя занятія посѣщеніемъ нѣсколькихъ кружковъ знакомыхъ. Главнымъ развлеченіемъ и отрадой въ ея жизни была постоянная переписка съ пріятельницей. По этимъ письмамъ, представляющимъ попеременно то философско-нравственныя разсужденія, то исповѣдь, то дружескія изліянія,—мы можемъ слѣдить за постепеннымъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ этой замѣчательной женщины.

Повѣряя другу всѣ выдающіеся такъ-же, какъ и мелкіе факты своей жизни, всѣ свои чувства, впечатлѣнія и мысли,—Manon является здѣсь въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ,—всегда вѣрная самой себѣ, всегда правдивая, прямая и честная.

ГЛАВА II.

Общество XVIII в.—Семейная обстановка.—Мистическое настроеніе.

Переписка m-lle Phlipon съ пріятельницей за 70—78 годы представляетъ интересъ не только автобіографическій, но, до извѣстной степени, и историческій. Собирая различныя черты понятій и нравовъ той эпохи, разбросанныя въ Мемуарахъ и Перепискѣ г-жи Роланъ, мы можемъ составить себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе о характерѣ современнаго ей общества.—Общій колоритъ его, при всемъ его внѣшнемъ блескѣ, далеко не привлекательный. Характерной чертой общества XVIII вѣка является преобладаніе салонной, свѣтской жизни; подъ вліяніемъ этого главнаго фактора, складываются нравы его, понятія, привычки и обычаи. Утонченность манеръ, привѣтливость, любезность, свѣтскій тактъ, словомъ—всѣ тѣ качества, которыя составляютъ то, что называется «savoir vivre»,—являются главными, самыми необходимыми аттрибутами человѣческой личности; къ развитію ихъ должно стремиться какъ воспитаніе, такъ и вся жизнь.

«Быть всегда веселымъ, замѣчаетъ одинъ современникъ, путешественникъ — англичанинъ (John Andrews), — «отличительное свойство французовъ, предписываемое кодексомъ свѣтскихъ приличій».—Вся жизнь того времени представляется вѣчнымъ, непрерывнымъ праздникомъ. Визиты, пріемы, всякаго рода развлеченія

и увеселенія—всецѣло наполняютъ её, не оставляя мѣста серьезнымъ интересамъ.

Хорошее общество требуетъ постоянныхъ развлеченій; оно находитъ, что «короли существуютъ лишь для того, чтобы ежедневно устраивать празднества, каждый разъ съ новымъ содержаніемъ; что процессы, интриги, войны, раздоры священниковъ, сокращающіе человѣческую жизнь,—нелѣпыя и возмутительныя явленія; что человѣкъ созданъ лишь для удовольствій и веселья». (Вольтеръ).

Отношеніе общества къ религіознымъ вопросамъ поверхностно и легкомысленно. Упадку уваженія къ религіи въ значительной степени способствовало само духовенство, своими нравами и образомъ жизни представлявшее самую полную противоположность правиламъ католической церкви. «Побольше свободы», говорилъ своему секретарю кардиналъ де-Роганъ, прославившійся своими романическими похожденіями,—«иначе жизнь наша будетъ слишкомъ скучна». (De Valfons. «Souvenirs», p. 60).—Политическими вопросами занимались лишь въ высшихъ правительственныхъ сферахъ; въ обществѣ же, устраненномъ отъ всякаго вмѣшательства въ административныя и политическія дѣла,—они являются лишь предметомъ для остроумныхъ эпиграммъ и bon-mots. Общественные интересы отсутствуютъ, существуютъ лишь интересы узко сословные; все общество раздѣлено на іерархическіе круги, строго обособленные, съ презрѣніемъ относящіеся ко всѣмъ низшимъ общественнымъ ступенямъ.

Въ такомъ же пренебреженіи и семейная жизнь; вѣрнѣе,—семейной жизни въ ту эпоху совсѣмъ нѣтъ. Многочисленныя мелкія обязанности, налагаемыя свѣтомъ, всецѣло поглощаютъ человѣка; при томъ же, всякое проявленіе чувства считается неприличнымъ нарушеніемъ правилъ бонтонности. Каждый шагъ, каждое движеніе человѣка въ семьѣ и внѣ ея,—манера дѣлать предложеніе, изъясняться въ любви, способъ выраженія при обращеніи къ женѣ, дѣтямъ, къ подчиненнымъ, къ прислугѣ,—все заранѣе соразмѣрено и регулировано кодексомъ свѣтскихъ приличій.

И вотъ, при господствѣ этой деспотической регламентаціи, развиваются двѣ главныя черты, характеризующія общественную жизнь Франціи въ первой и началѣ второй половины XVIII вѣка,—искусственность и сухость. Начиная съ внѣшности,—съ костюма, манеръ, разговора—все подчинено извѣстнымъ условнымъ формамъ, малѣйшее отступленіе отъ которыхъ преслѣдуется безпощадно.

«Проявленіе всякаго естественнаго движенія такъ рѣдко», за-

мѣчаетъ одинъ современникъ, «что возвращаясь изъ Версаля, я останавливаюсь иногда на улицѣ, чтобы посмотрѣть на собаку, которая гложетъ кость» (Champfort. 110).

Всякая самобытность, всякая личная инициатива—не допускаются въ хорошемъ обществѣ: человѣкъ не свободенъ располагать собой, своими чувствами и мыслями,—онъ всецѣло принадлежитъ свѣту и подчиняется его законамъ. Поэтому выраженіе всѣхъ сильныхъ чувствъ, свойственныхъ человѣку, какъ бы сглаживается, притупляется,—и самая любовь является не столько страстью, сколько забавой, легкимъ развлеченіемъ.

«Ne soyez point époux, ne soyez point amant,—«soyez l'homme du jour,—et vous serez charmant», такъ характеризуетъ общество той эпохи современная поговорка. Таковы были нравы, и таково было общество, современное г-жѣ Роланъ. Фривольное и легкомысленное, блестящее по внѣшности, но холодное, сухое и безсердечное по нравственнымъ своимъ качествамъ, оно представляло полную дисгармонію съ ея умственными и нравственными стремленіями. Какъ мелки и ничтожны казались ей интересы этого общества въ сравненіи съ возвышенными идеалами, къ которымъ она стремилась съ первой минуты сознательнаго своего существованія! Какъ презрѣнны всѣ пружины, двигавшія и управлявшія всей этой жизнью! «Нѣтъ»! восклицаетъ она въ письмѣ къ Софи (14 марта 1772 года [1])—«не въ этомъ обществѣ людей, вѣчно скучающихъ и невыносимыхъ для самихъ себя, безъ устали преслѣдующихъ идолъ наслажденія, которому они все приносятъ въ жертву, но который, подобно призрачной тѣни, убѣгаетъ отъ нихъ и исчезаетъ въ ту минуту, какъ они думаютъ схватить его,—не въ этой средѣ можно наслаждаться счастьемъ, освященнымъ разумомъ и являющимся плодомъ добродѣтели»....

Но не одно нравственное чувство вызываетъ протестъ молодой дѣвушки противъ общества, а и чувство самолюбія такъ-же, какъ справедливости, которое глубоко оскорблено его высокомѣрно-презрительнымъ отношеніемъ. Уже въ дѣтствѣ, когда однажды бабушка, г-жа Флипонъ, взяла ее съ собой въ одинъ аристократическій домъ (г-жи Буаморель), гдѣ родные ея занимали положеніе какъ бы подчиненныхъ,—уже тогда надменно-покровитель-

[1]) «Léttres inédites de M-me Roland aux demoiselles Cannet» publiées par Auguste Breuil.—Dauban «Letters (en partie inédites) de M-me Roland aux demoiselles Cannet».

ственный пріемъ, оказанный бабушкѣ и ей самой,—за живое задѣлъ ея самолюбіе. «Я почувствовала, что краснѣю», разсказываетъ г-жа Роланъ въ своихъ воспоминаніяхъ («Mèmoires» v. 3-me p. 84), «сердце мое усиленно билось. Я еще не спрашивала себя, почему бабушка не сидѣла на диванѣ, и почему она занимала положеніе, столь несходное съ положеніемъ г-жи Буаморель; но у меня уже было чувство, которое ведетъ къ этому размышленію, и я была рада окончанію этого визита, какъ избавленію отъ страданія».

Впечатлѣнія эти возобновились и усилились въ юности, при поѣздкѣ въ Версальскій дворецъ, предпринятой родителями для ея развлеченія. Изъ скромнаго и тѣснаго помѣщенія одной знакомой—камеристки дофины, она увидѣла, во всемъ блескѣ, роскошь и великолѣпіе придворной обстановки, представлявшей, въ ея глазахъ, такой рѣзкій контрастъ съ нищетой крестьянскаго сословія.

1934

Высокомѣрное, презрительное отношеніе придворнаго круга къ лицамъ, ниже стоящимъ по соціальному положенію,—отношеніе, проглядывавшее даже въ тонѣ комплиментовъ, съ которыми обращались къ ней,—произвело на нее такое же тяжелое впечатлѣніе, какъ низкопоклонство и лесть, расточаемыя титуламъ и чинамъ, помимо всякихъ личныхъ заслугъ. Чувство собственнаго достоинства и справедливости были задѣты въ равной степени, и когда мать спросила ее,—довольна-ли она своей поѣздкой: «да», отвѣчала она, «лишь бы это кончилось поскорѣе; еще нѣсколько дней,—и я такъ возненавижу этихъ людей, что не буду знать, что дѣлать съ своей ненавистью» («Mémoires p. 117, v. 3-ème).

Впослѣдствіи, эта ненависть къ подобному режиму, инстинктивно возникшая въ дѣтствѣ при чтеніи Плутарха, усилившаяся впечатлѣніями юности,—должна была перейти въ ея политическое «credo» и сдѣлаться исходной точкой ея политической дѣятельности. Но въ ту эпоху, о которой мы говоримъ, политическіе идеалы ея только намѣчены и не приняли еще яснаго очертанія.

Съ аристократическимъ кругомъ общества, съ такъ называемымъ «свѣтомъ», Манон приходилось сталкиваться лишь случайно. Буржуазная среда, къ которой принадлежала семья ея, носила нѣсколько иной характеръ. И въ ней господствовало полное отсутствіе серьезныхъ умственныхъ интересовъ, полное равнодушіе къ вопросамъ общественнаго блага. Но главный стимулъ, управляющій здѣсь жизнью,—не успѣхъ въ салонахъ, а стремленіе къ

обогащенію, къ наживѣ: коммерческіе обороты, торговыя сдѣлки, биржевая игра—также всецѣло поглощаютъ здѣсь человѣка, какъ свѣтская жизнь въ высшихъ кругахъ.

Какъ-бы переходную ступень между этими двумя сферами общества представляли такъ называемые интеллигентные кружки средняго сословія, соединявшіе внѣшнюю грубоватость буржуазной среды съ фривольностью и легкомысліемъ аристократическаго общества. Г-жа Роланъ съ большимъ юморомъ описываетъ въ своихъ мемуарахъ одинъ такой кружокъ г-на Ваза, гдѣ на литературныхъ вечерахъ собирались, между прочимъ, лица, пользовавшіяся извѣстностью въ мірѣ литературы и искусствъ. Между ними она называетъ, въ числѣ наиболѣе выдающихся,—женщину поэтессу, г-жу Бенуа, bel esprit и искательницу приключеній, занимавшуюся не столько отвлеченными, сколько личными романами и видѣвшую въ литературѣ лишнее средство покорять сердца; хозяина дома, Ваза, сочинявшаго, между прочимъ, стихи въ прославленіе любимой собачки старой маркизы—его знакомой; драматурга Дельпеша, автора крайне посредственныхъ драмъ и т. д. Времяпрепровожденіе этихъ вечеровъ состояло, главнымъ образомъ, въ чтеніи хвалебныхъ одъ, посвященныхъ членамъ кружка и пересыпанныхъ двусмысленными комплиментами. Такимъ образомъ, подъ маской любви къ наукамъ и искусствамъ, одни искали здѣсь случая пококетничать, завязать интригу, другіе—удовлетворить своему тщеславію, легкимъ способомъ стяжавъ себѣ литературную славу.

Описывая впечатлѣнія свои при посѣщеніи литературнаго вечера г-на Ваза, г-жа Роланъ замѣчаетъ («Mémoires» v. 3-ème p. 166): «Я думала о томъ, какъ современные нравы и придворная жизнь должны способствовать искаженію ума и сердца: я видѣла здѣсь изнѣженныхъ людей, которые восхищались безнравственными стишками и пустыми талантами, поддавались бездушному кокетству... Подъ этими впечатлѣніями, я уже начинала испытывать отвращеніе и мизантропію и, опечаленная, возвратилась въ свое уединеніе».

Сближеніе съ различными общественными средами оставляетъ молодую дѣвушку разочарованной и недовольной. Чувство одиночества, среди всѣхъ этихъ чуждыхъ элементовъ, тѣмъ болѣе тяготитъ ее, что и съ своей собственной семьей она мало находитъ нравственныхъ связей: и здѣсь господствуетъ то же мѣщанское, узко-практическое направленіе, какъ и во всѣхъ заурядныхъ буржуазныхъ семьяхъ. Исключеніе въ ея семьѣ составляли лишь два

лица: аббатъ Бимонъ, дядя (по матери), человѣкъ образованный и даже ученый, въ значительной степени способствовавшій ея умственному развитію,—и страстно любимая мать. Въ своихъ мемуарахъ и перепискѣ г-жа Роланъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ отзывается о своей матери; взаимное чувство глубокой привязанности озаряло свѣтлымъ лучомъ дѣтство ея и юность. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе-ли природныхъ свойствъ г-жи Флипонъ—характера скрытнаго и сосредоточеннаго, или подъ вліяніемъ современныхъ педагогическихъ традицій, — въ отношеніяхъ матери и дочери была извѣстная оффиціальность, натянутость. «Впослѣдствіи», говоритъ г-жа Роланъ въ своихъ мемуарахъ («Mémoires» v. 3-ème p. 129), «я часто думала, что на мѣстѣ моей матери я желала бы вполнѣ быть другомъ своей дочери... Но мать моя, при всей своей добротѣ, была холодна; въ ней было болѣе благоразумія, чѣмъ чувствительности, сдержанности, чѣмъ нѣжности. Быть можетъ, она провидѣла во мнѣ стремленія, которыя поведутъ меня далѣе, чѣмъ ее. Обращеніе ея, хотя и свободное, не поощряло фамильярности; она не была ласкова, и хотя я чувствовала нѣжную любовь ея ко мнѣ, выражавшуюся во взглядѣ ея, постоянно обращенномъ на меня,—сдержанность ея постоянно связывала мои отношенія къ ней; съ тѣхъ поръ, какъ я вышла изъ дѣтства, разстояніе между нами какъ будто увеличилось».

Такимъ образомъ, и въ семьѣ, несмотря на горячую любовь къ матери, молодая дѣвушка чувствовала себя одинокой и не удовлетворенной. Быть можетъ, эти условія ея жизни—изолированность и отчужденность отъ окружающей среды,—въ значительной степени способствовали развитію въ ней того мистическаго элемента, задатки котораго мы видѣли уже въ дѣтствѣ,—въ монастырѣ и въ первые годы по выходѣ изъ него.

Религіозное увлеченіе, вызванное стремленіями экзальтированной натуры—постепенно развиваясь, создаетъ себѣ идеалъ созерцательной жизни, отрицающей всѣ наслажденія земного существованія.

Подобно философу, познавшему суетность земной дѣятельности человѣка, и взирающему на нее съ высоты своихъ отвлеченныхъ идей, 17-ти лѣтняя дѣвушка, въ полномъ расцвѣтѣ силъ и молодости, пишетъ своей подругѣ:

«Человѣкъ, созданный изъ земной персти и неизбѣжно предназначенный возвратиться въ нее, создаетъ себѣ идола изъ этого бреннаго тѣла на тѣ короткіе дни, которые ему остается

прожить, и изъ которыхъ онъ ни въ одномъ не увѣренъ... Какая разница между человѣкомъ, котораго смерть похитила среди земныхъ наслажденій,—и мудрецомъ, который посвятилъ жизнь свою на приготовленіе къ переходу въ иной лучшій міръ, гдѣ онъ соединится съ своимъ Создателемъ!» (3 іюля 1770 г.)—«Напрасно будетъ человѣкъ искать въ природѣ предмета для наслажденій», пишетъ она въ другомъ письмѣ къ Софи, полтора года позднѣе,—«онъ найдетъ въ ней лишь печаль и скуку, если не прислушается къ краснорѣчивому внутреннему голосу, убѣждающему его вознестись къ высшему, всеблагому Существу, которое одно можетъ доставить ему счастье, для котораго онъ созданъ. Да, человѣкъ сотворенъ для одного Бога,—истина эта утѣшительна и отрадна»....

Единственную цѣль человѣка въ жизни и единственный источникъ счастья она видитъ въ добродѣтели, основанной на твердой вѣрѣ.—«Нерѣдко», пишетъ она, «страсти затемняютъ и ослѣпляютъ самый разумъ, если онъ не освѣщенъ свѣточемъ вѣры. Тщетно будетъ человѣкъ преклоняться предъ добродѣтелью, если, думая найти источникъ ея лишь въ самомъ себѣ, онъ полагается на свои собственныя силы: она вскорѣ погибнетъ, за неимѣніемъ болѣе могущественной опоры»... «Душа, которая руководствуется однимъ лишь разумомъ, не имѣетъ силы избѣжать предстоящихъ опасностей. Деистъ, какъ бы ни былъ онъ привязанъ къ добродѣтели, измѣняетъ ей въ извѣстныхъ случаяхъ; лишь та честность и та мудрость имѣютъ твердую основу, которыя являются результатомъ религіи — необходимой опоры разума... Вотъ конечный результатъ всѣхъ моихъ размышленій; они приводятъ меня къ утѣшительной истинѣ религіи, которая одна можетъ быть источникомъ счастья».

Но иногда, въ страстномъ стремленіи доказать преимущество вѣры надъ разумомъ—какъ бы проглядываетъ уже начало внутренней борьбы.

Въ письмѣ къ Софи Каннэ (20 марта 1772 года), она пытается примирить и согласовать между собой эти два начала—вѣры и разума.—«Какого уваженія», говоритъ она, «заслуживаетъ философія, которая пытается вмѣшиваться въ божескія повелѣнія, или создавать свою собственную религію?... Нельзя не сознавать необходимости откровенія: слѣдствіемъ бытія Бога является необходимость почитать Его и поклоняться Ему, а для этого необходимо откровеніе Его воли. Слѣдовательно, чтобы быть христіаниномъ по разуму, а не по привычкѣ и предразсудку, необходимо удосто-

вѣриться, что наши вѣрованія внушены намъ самимъ Богомъ (что доказывается божественностью священнаго писанія), и что мы должны вѣрить въ божественную премудрость, даже и тогда, когда она предписываетъ намъ то, что свыше пониманія нашего разума... О гордый разумъ! признай свою слабость! Дерзнешь ли ты вопрошать Всемогущаго? Кто осмѣлится изслѣдовать величіе Бога, тотъ будетъ пораженъ его славой»...

Обращаясь къ пріятельницѣ съ этимъ profession de foi,—могла ли она предугадать, что въ непродолжительномъ времени, подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній, тотъ самый разумъ, къ которому она относится такъ недовѣрчиво и враждебно,—сдѣлается для нея исходной точкой новаго міросозерцанія?

Мистическо-религіозное увлеченіе характеризуетъ первые два года переписки Manon съ Софи Каннэ,—отъ 70 до 72 года; къ концу этого періода уже намѣчаются признаки внутренняго переворота.

Теперь посмотримъ, какъ, подъ вліяніемъ религіозныхъ вѣрованій и помимо ихъ,—слагались другія ея понятія и взгляды.

ГЛАВА III.

Отношеніе къ любви и браку.—Измѣненіе взглядовъ подъ вліяніемъ столкновенія съ дѣйствительностью.—Разочарованіе. — Отрицательное отношеніе къ любви.

Сознаніе глубокой пропасти, отдѣлявшей ее отъ окружающей среды, явилось у Manon лишь постепенно, по мѣрѣ расширенія собственныхъ умственныхъ и нравственныхъ понятій. Въ первый годъ переписки съ Софи Каннэ, мы видимъ съ ея стороны попытки сблизиться съ этой средой, войти въ ея интересы, привести въ гармонію свой внутренній міръ съ міромъ внѣшнимъ; проникнутая этой мыслью, она пытается подавить въ себѣ духъ критики, и замѣнить его христіанскимъ отношеніемъ смиренія и любви.

Но помимо естественнаго стремленія сблизиться съ окружающей сферой и найти въ ней удовлетвореніе, сфера эта, при всей своей пустотѣ и суетности, до извѣстной степени, представляла для нея и притягательную силу. Общество, съ перваго появленія ея въ немъ, окружало ее поклоненіемъ, къ которому она не могла оставаться вполнѣ равнодушной. Эта притягательная сила свѣта

внушаетъ ей еще болѣе ужаса, чѣмъ отталкивающія его стороны. Молодая дѣвушка сознаетъ въ себѣ опасные задатки развитія самолюбія и тщеславія, и всѣми силами стремится подавить ихъ въ себѣ; но побѣда не легко дается ей, и она, въ отчаяніи, восклицаетъ въ письмѣ къ другу (14 марта 1772 г.); «Увы! мы находимся въ положеніи человѣка, которому предстоитъ пройти черезъ лѣсъ, гдѣ цвѣтущіе луга скрываютъ тысячу опасныхъ пропастей. Онъ полонъ злодѣевъ съ привлекательной наружностью и чарующимъ языкомъ, который невольно притягиваетъ насъ, на нашу погибель. Свѣтъ—тотъ же лѣсъ, который намъ предстоитъ проходить въ теченіе всей нашей жизни»...

Чтобы оградить себя отъ мірскихъ соблазновъ, она ищетъ поддержки въ религіи.

«Для избѣжанія опасностей, которыя представляетъ свѣтъ, пишетъ она пріятельницѣ, (14 марта 1772 г.) «необходимо избрать себѣ надежнаго руководителя... внимательно прислушиваться къ его велѣніямъ,... вооружиться молитвой, вѣрой въ Бога и недовѣріемъ къ самому себѣ»...

И вотъ, проникнувшись чувствомъ христіанскаго смиренія, она во всемъ стремится видѣть лишь идею долга и исполненіе воли божества.—Эту же точку зрѣнія она примѣняетъ и къ вопросу о любви и бракѣ. Взгляды ея, въ этомъ отношеніи, представляютъ любопытное смѣшеніе религіознаго фанатизма съ понятіями, навязанными ей извнѣ. Какъ бы наперекоръ свойствамъ своей природы, увлекающейся и страстной, молодая дѣвушка ищетъ въ бракѣ не романтической любви, а сухого, разсудочнаго исполненія долга. Характеренъ въ этомъ отношеніи одинъ эпизодъ, который она разсказываетъ въ письмѣ къ пріятельницѣ—первое серьезное столкновеніе ея съ вопросомъ о бракѣ.—Одинъ зажиточный коммерсантъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, ищетъ руки ея. Родители ея ничего не имѣютъ противъ этой партіи, считая ее вполнѣ приличной по состоянію, какъ и по положенію претендента. Сама она не чувствуетъ къ нему ни малѣйшей склонности, но по ея убѣжденію,—главная цѣль брака—не личное счастье, а исполненіе воли Божьей; слѣдовательно, весь вопросъ сводится къ тому, какъ провидѣть волю Всевышняго, и согласно ей рѣшить свою судьбу.

Въ своемъ недоумѣніи, Manon обращается къ пріятельницѣ за совѣтомъ и поддержкой, во имя дружбы умоляя ее помочь ей въ разрѣшеніи труднаго вопроса.—«Сообщаю тебѣ о предложеніи, которое я получила сегодня утромъ. Дѣло идетъ о рѣшеніи, имѣю-

щемъ большое значеніе, такъ какъ отъ избранія образа жизни зависитъ спокойствіе мое и спасеніе. Религія—главный руководитель, къ которому я должна прибѣгнуть. Я въ большомъ затрудненіи... Исключительно озабоченная стремленіемъ исполнить волю божественнаго провидѣнія,... я вполнѣ равнодушна ко всякому положенію въ жизни, и равно готова выйти замужъ или постричься въ монастырь, или остаться въ прежнемъ моемъ положеніи: единственное мое стремленіе—поступить такъ, какъ будетъ угоднѣе Богу и исполнить то, что предназначено мнѣ въ этой жизни. Родители мои предлагаютъ мнѣ партію, которую они находятъ подходящей; должна-ли я видѣть въ ихъ рѣшеніи указаніе воли Всевышняго»? (октября 1771 г.).—Вопросъ этотъ одинъ заботитъ ее. Ко всѣмъ, внѣшнимъ качествамъ своего жениха она относится съ философскимъ равнодушіемъ, и даже не безъ нѣкотораго юмора описываетъ Софи его далеко не привлекательную наружность. «Не богато надѣленный дарами природы, онъ далеко нехорошъ собой, но ты знаешь, по моему образу мыслей, насколько это для меня безразлично; онъ могъ бы быть еще болѣе некрасивъ, лишь бы, подъ внѣшней оболочкой, скрывалась хорошая душа. Впрочемъ, я ничего не вижу въ немъ прямо безобразнаго... Онъ—средняго роста, блондинъ ли онъ, или брюнетъ—не помню въ точности; кажется, у него желтый цвѣтъ лица, съ сильными слѣдами оспы, острый подбородокъ, худое длинное лицо... Во всей его особѣ ничего нѣтъ привлекательнаго, но и ничего прямо отталкивающаго»...

Словомъ, общій обликъ героя романа представляетъ печальную безцвѣтность, менѣе всего способную воспламенить воображеніе молодой дѣвушки. При этомъ она не дѣлаетъ себѣ иллюзій и по отношенію къ чувствамъ своего жениха. «Главную причину, побуждающую его искать моей руки», пишетъ она подругѣ, «я вижу въ матеріальныхъ интересахъ; не знаю, есть ли у него иные мотивы. Принужденный предпринимать частыя поѣздки, онъ поручаетъ всѣ дѣла свои прикащику, который, естественно, болѣе заботится о собственныхъ интересахъ, чѣмъ объ интересахъ своего хозяина; вслѣдствіе этого, дѣла не идутъ такъ хорошо, какъ если-бы они велись женой его»...

Несмотря на такую прозаическую постановку романа, Manon готова принять предложеніе и цѣной личнаго счастья исполнить то, что она считаетъ предписаннымъ свыше. Тѣмъ не менѣе, принесеніе въ жертву чувства на алтарѣ долга дается нелегко; и она заключаетъ письмо къ другу пессимистическими размышленіями о бракѣ вообще:

«Надо признаться, въ большинствѣ случаевъ, бракъ обставляется страннымъ образомъ: Люди соединяются самыми священными узами, клянутся вѣчно любить—и кого же? человѣка, лишь поверхностно знакомаго, часто недостойнаго тѣхъ чувствъ, которыя предписываетъ намъ долгъ».

Къ счастью, на этотъ разъ Манон избѣгла такой печальной судьбы: неизвѣстно почему, претендентъ ея отказался отъ дальнѣйшихъ исканій ея руки и не сдѣлалъ формальнаго предложенія. Молодая дѣвушка съ облегченнымъ сердцемъ сообщаетъ объ этомъ подругѣ: «Признаюсь, развязка эта доставляетъ болѣе радости, чѣмъ печали...Я съ новымъ удовольствіемъ возвращаюсь къ своей прежней жизни—къ миру и спокойствію»...

Такъ кончился первый романъ въ жизни Манон. Мы остановились на немъ подробно, такъ какъ онъ характерно обрисовываетъ понятія ея и образъ мыслей въ этотъ періодъ ея жизни.—Эпизодъ этотъ не прошелъ для нея безслѣдно. Близость развязки, едва на всю жизнь не связавшей ее съ нелюбимымъ человѣкомъ и съ чуждой ей сферой, впервые заставила ее серьезно взглянуть на этотъ вопросъ,—и она ужаснулась при мысли о всѣхъ послѣдствіяхъ, которыя могло бы вызвать пассивно-покорное отношеніе къ своей судьбѣ. Благодаря столкновенію съ жизнью, взгляды ея постепенно расширяются и переступаютъ за предѣлы узко-квіетистическаго міросозерданія. Правда, соотвѣтствіе религіозныхъ возрѣній еще долго будетъ казаться ей необходимымъ условіемъ семейнаго счастья; но она уже не ищетъ откровенія воли Божьей въ волѣ родителей, и начинаетъ относиться къ послѣдней критически, тѣмъ болѣе, что видитъ въ ней исключительное преобладаніе матеріальныхъ разсчетовъ.

«Въ большинствѣ случаевъ», пишетъ она другу (13 февраля 1773 г.), «интересъ играетъ главную роль въ вопросѣ о бракѣ; это обычное злоупотребленіе въ законныхъ связяхъ—ненавистно мнѣ. Большинство браковъ представляютъ лишь торговыя сдѣлки».

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ столкновенія съ дѣйствительностью и критическаго отношенія къ ней она постепенно отрѣшается отъ наивно ребяческой точки зрѣнія. Тѣмъ не менѣе, взглядъ ея на бракъ, по прежнему, остается чисто разсудочнымъ, теоретическимъ. Молодая дѣвушка составляетъ цѣлый реестръ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, необходимыхъ для ея будущаго мужа,—помимо состоянія и положенія—условія, которыя категорически предъявляетъ отецъ ея. Естественно, что при этихъ

данныхъ, всѣ партіи, представлявшіяся въ кругу знакомыхъ Manon, оказывались неподходящими. А между тѣмъ, партіи эти были такъ-же разнообразны, какъ и многочисленны. Лица самыхъ разнообразныхъ положеній и званій, начиная съ хозяина мясной лавки, куда Manon ходила за провизіей, и кончая представителями интеллигентнаго міра,—всѣ наперерывъ искали руки единственной дочери богатаго коммерсанта. Manon лишь вскользь упоминаетъ о нихъ въ письмахъ къ Софи: большинство такъ-же мало соотвѣтствуютъ ея идеалу, какъ и требованіямъ отца ея. Только одинъ изъ массы претендентовъ на короткое время останавливаетъ ея вниманіе,—молодой врачъ Гардоннъ, котораго сватаетъ ей одна благожелательная родственница, принимающая живое участіе въ ея судьбѣ. Правда, лично она его не знаетъ, но по репутаціи, онъ, повидимому, совмѣщаетъ въ себѣ главныя качества, которыя требуются отъ мужа. «Свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ объ этой личности», пишетъ она Софи (8 сентября 1773 г.), « свидѣтельствуютъ въ пользу его нравственныхъ свойствъ и характера... Онъ ищетъ въ своей будущей женѣ чувствительное сердце, образованность, твердые принципы: надо предполагать, что онъ обладаетъ всѣми этими качествами»... Но, по тону письма, ясно, что сердце ея молчитъ,—что она разсуждаетъ подъ вліяніемъ лишь разума. И дѣйствительно, когда, послѣ двухъ-трехъ свиданій, дѣло расходится, Manon весьма равнодушно относится къ этому повороту въ своей судьбѣ: въ тонѣ, которымъ она сообщаетъ объ этомъ пріятельницѣ, проглядываетъ лишь чувство уязвленнаго самолюбія.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на то, что эти жизненныя невзгоды не затронули ея сердце, онѣ не могли не оставить на ней глубокаго и тяжелаго впечатлѣнія. Семейная жизнь представляется Manon самой полезной и привлекательной сферой дѣятельности; она инстинктивно ищетъ ея, чувствуя къ ней врожденное призваніе. Но все то, что представляетъ окружающая среда, такъ мало соотвѣтствуетъ ея мечтаніямъ,—такъ ничтожно и мелко сравнительно съ ея идеаломъ!—И вотъ, не испытавши чувства любви, Manon относится къ нему недовѣрчиво, съ скептицизмомъ человѣка, испытавшаго самыя тяжелыя разочарованія.—«Нѣтъ сомнѣнія», говоритъ она въ одномъ изъ своихъ юношескихъ произведеній той же эпохи («La plainte secrete)—«любовь почти всегда обязана своимъ могуществомъ иллюзіи; это—волшебное стекло, представляющее предметы въ привлекательномъ образѣ. Преувеличенное представленіе о наслажденіи—главный источникъ жгу-

чести желаній и стремленій, такъ-же, какъ разочарованія послѣ перваго испытанія»... «Сердце мое вполнѣ свободно», пишетъ она около того же времени своей подругѣ (25 ноября 1773 г.). «Но, признаюсь тебѣ, радуясь равнодушію моему и спокойствію, я, въ то же время, пеняю на свою разборчивость, мѣшающую мнѣ сближаться съ людьми. Я создала себѣ идеалъ человѣка, котораго могла бы полюбить,—но общество не представляетъ мнѣ ничего подобнаго; быть можетъ, образъ этотъ—прекрасная химера, которую мнѣ никогда не суждено встрѣтить въ жизни»...

Дѣйствительно, идеалъ, создавшійся въ воображеніи молодой дѣвушки, едва ли могъ найти осуществленіе въ жизни. Истинное чувство не мирится съ холодной, разсудочной теоріей; между тѣмъ, теорія преобладала въ отношеніи Manon къ любви и браку.

Подчинивши чувство требованіямъ отвлеченнаго идеала, она съ свойственной ей твердостью и послѣдовательностью, ни на шагъ не отступаетъ отъ принятой программы; и чѣмъ болѣе жизнь представляетъ ей затрудненій на пути къ осуществленію ея, тѣмъ болѣе программа эта дѣлается прозаичнѣе и суше. «Я вижу въ супружествѣ безконечныя испытанія», пишетъ она Софи (24 іюля 1774 г.),—«которыя вознаграждаются лишь удовольствіемъ давать обществу полезныхъ людей. Удовольствіе это, безъ сомнѣнія, превышаетъ испытанія; но, чтобы наслаждаться имъ, мнѣ необходимъ человѣкъ одинаковыхъ со мной понятій и, при томъ, способный достойно воспитать своихъ дѣтей. По отношенію къ мужу, я должна предъявлять тѣ-же требованія, какъ человѣкъ, который ищетъ хорошаго воспитателя для сына, не имѣя возможности самому исполнить эту задачу: я чувствую необходимость помощника, съ здравымъ образомъ мыслей, который пополнилъ бы, чего не достаетъ мнѣ чтобы воспитать дѣтей такъ, какъ я хочу».

Любовь представляется ей уже не столько радужной мечтой, сколько страшнымъ, иногда враждебнымъ призракомъ, который грозитъ нарушить спокойное и мирное теченіе ея жизни.

«Лишь тогда, когда мы еще наслаждаемся свободой», пишетъ она въ одномъ изъ своихъ разсужденій («De l'Amour»),—«мы имѣемъ возможность изучить любовь, предугадать ея стрѣлы, предотвратить ея западни...—Счастливъ тотъ, кто умѣетъ подчинять и направлять чувство любви; еще болѣе, быть можетъ, счастливъ тотъ, кто никогда ни покоряется ея внушеніямъ.... Въ большинствѣ случаевъ, любовь—источникъ несчастій».

Всѣ эти размышленія приводятъ ее къ отрицательному взгля-

ду на любовь. Но холодныя, разсудочныя теоріи противорѣчатъ ея природѣ, довѣрчивой и любящей; чувство, насильственно заключенное въ тѣсныя оковы, предъявляетъ свои права. Не встрѣчая въ средѣ поклонниковъ предмета, достойнаго своей привязанности, молодая дѣвушка ищетъ удовлетворенія потребности любви въ чувствѣ дружбы.—«О моя дорогая!» пишетъ она (30 января 1774 г.), «вся моя нѣжность къ тебѣ оживляется и сосредоточивается, когда я вижу столько предметовъ, недостойныхъ моей любви»... «Я люблю самое чувство моей дружбы къ тебѣ», пишетъ она въ другомъ письмѣ (20 декабря 1774 г.),—«и считаю его необходимымъ для моего счастья... Душа моя, свободная и гордая, любитъ цѣпи, связывающія ее съ тобой; онѣ—единственныя, которыя она признаетъ и которымъ хочетъ вѣчно подчиняться».

Потребность иного, болѣе сильнаго чувства проглядываетъ въ самой страстности дружескихъ изліяній, съ которыми она обращается къ пріятельницѣ.

«Послѣднее время я все мечтаю», пишетъ она (8 мая 1772 г.), не получая долго письма отъ Софи,—«я постоянно тревожно ищу чего-то, постоянно думаю о тебѣ; я перечитываю твои письма, которыя составляютъ отраду для моего ума и сердца, скучаю и волнуюсь, не получая отъ тебя вѣстей»... «Дружба твоя—тотъ нектаръ, который облегчаетъ для меня жизненныя невзгоды... Я живу, чтобы любить тебя и выражать тебѣ мою любовь» (23 апрѣля 1773 г.).

Чувство дружбы тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ значенія и цѣнности въ ея глазахъ, чѣмъ болѣе любовь представляется ей неосуществимой мечтой.

«Изъ всѣхъ чувствъ, на которыя человѣкъ способенъ, по отношенію къ своимъ ближнимъ», говоритъ она въ письмѣ къ пріятельницѣ, «дружба—единственное, которое не унижаетъ его, единственное, которое не подвержено иллюзіямъ, единственное, наконецъ, которое можетъ прочнымъ и дѣйствительнымъ образомъ способствовать его счастью».

Перечисляя всѣ преимущества дружбы, она старается доказать, что всякое другое, болѣе страстное чувство, — недостаточно ей.

«Я способна на глубокую, нѣжную дружбу», пишетъ она Софи (5 іюня 1772 г.), «но сердцу моему, при всей его чувствительности, не свойственна страстная любовь; волненіе, являющееся слѣдствіемъ страсти,—слишкомъ противорѣчитъ моему непреодолимому стремленію къ покою»...

Но она напрасно пытается обмануть свое сердце, заглушить его стремленіе. Дружба не даетъ ей того душевнаго удовлетворенія, къ которому она стремится. Въ письмахъ ея къ пріятельницѣ все чаще и чаще проскальзываетъ грустная нотка. Сравнивая свою жизнь, однообразную и одинокую, съ жизнью Софи, окруженной друзьями, вращавшейся въ обширномъ кругу свѣтскихъ знакомыхъ, она грустно замѣчаетъ: «Положенія наши слишкомъ различны, чтобы мы могли раздѣлять тѣ же удовольствія. Среди постоянныхъ развлеченій, ты не можешь испытывать тѣ же потребности... Весна твоихъ дней проходитъ въ удовольствіяхъ, свойственныхъ твоему возрасту; но я, испытавшая преждевременно бури,—я стремлюсь къ болѣе спокойнымъ радостямъ... Въ противоположность тебѣ, мой жизненный путь не усѣянъ розами».

Тѣмъ не менѣе, несмотря на эти временные припадки меланхоліи, она не падаетъ духомъ и не унываетъ. Изолированная среди окружающаго ее міра, разочарованная уже отчасти въ жизни, она ищетъ удовлетворенія и находитъ его въ многочисленныхъ и живыхъ интересахъ, которые представляетъ ей умственная дѣятельность.

ГЛАВА IV.

Разносторонность умственныхъ интересовъ.—Этика.—Постепенное измѣненіе религіозныхъ понятій.—Вліяніе писателей XVIII вѣка.—Руссо.

«Я чувствую въ себѣ потребность дѣятельности», пишетъ Manon пріятельницѣ (24 іюля 1774 года), — «которая мучаетъ меня, какъ скоро я ея не удовлетворяю; серьезныя умственныя занятія необходимы для меня, безъ нихъ я, противъ воли, волнуюсь и скучаю... Эта потребность дѣятельности составляетъ, въ одно и то же время, мое счастье и мое мученіе».

Стремленіе къ знанію является у нея не столько результатомъ привычки или сознательной склонности къ извѣстной области науки, — сколько инстинктомъ, прирожденной потребностью; она сама какъ-бы сознаетъ это, говоря, что умственный трудъ—«условіе жизни, такъ-же необходимое для нея, какъ насущный хлѣбъ».

Отличительной чертой этого врожденнаго стремленія является разносторонность. Какъ въ дѣтствѣ она не оставляла безъ вниманія ни одной книги, попадавшейся подъ руку, ни одного учебника—до трактата о геральдикѣ включительно, — такъ и въ

юности ее привлекаютъ всѣ сферы знанія, самыя разнообразныя и самыя отвлеченныя—математика, алгебра, физика, географія и т. д. «У меня ненасытное воображеніе», пишетъ она Софи (13 іюля 1773 г.) — «воображеніе, постоянно требующее существенной пищи. Чтобы занять его, я бросилась въ алгебру и геометрію. Судя по рвенію, съ которымъ я предаюсь изученію этихъ наукъ, можно подумать, что дѣло идетъ о самыхъ важныхъ предметахъ».

Умственный трудъ представляетъ для нея не только развлеченіе, отдохновеніе отъ мелочности и безсодержательности окружающей среды,—онъ всецѣло поглощаетъ её; она увлекается имъ, и увлеченіе это, какъ и все, на чемъ она останавливается, — доходитъ до страсти, до экзальтаціи. Но при этомъ, она сознается въ своихъ увлеченіяхъ только одной Софи и тщательно скрываетъ ихъ отъ постороннихъ; при всей независимости характера и взглядовъ, она боится оскорбить общественное мнѣніе, — боится прослыть синимъ чулкомъ. «Изученіе геометріи очень занимаетъ меня», пишетъ она Софи (16 августа 1773 г.)... Я уже вполовину математикъ, но, конечно,—тайно: я уважаю общественное мнѣніе и не хочу прослыть ученой».

Между разнообразными науками, которымъ она предается, есть одна, особенно привлекающая ее, такъ какъ она отвѣчаетъ не только умственнымъ, но и нравственнымъ ея потребностямъ. Вопросъ о смыслѣ и цѣли жизни всегда занималъ ее болѣе всего, и поэтому, сравнительно съ этикой, всѣ остальныя области знаній представляютъ для нея лишь временный, второстепенный интересъ. Прежде, разрѣшенія вопроса о смыслѣ жизни она искала въ догматахъ католической вѣры,—въ идеѣ Всевышняго, открывшаго свою волю намѣстникамъ своимъ на землѣ. Но такое міровоззрѣніе не въ состояніи было долго удовлетворять ее. Умъ ея, независимый, живой и пытливый, не могъ отказаться отъ права личнаго убѣжденія и совѣсти; между тѣмъ, первымъ требованіемъ католической церкви является слѣпое, безусловное повиновеніе авторитету и церковному преданію.

Трудно прослѣдить, съ самаго начала, процессъ умственнаго развитія, постепенно освободившій ее отъ оковъ внѣшней католической догматики. Начало этого процесса несомнѣнно относится къ ранней эпохѣ ея жизни—къ періоду дѣтства: уже въ то время являются попытки анализа, самостоятельнаго изслѣдованія,—протестъ разума противъ авторитета папства.

По собственному свидѣтельству, впервые протестъ этотъ возбужденъ былъ католическими догматами непогрѣшимости и вѣчнаго осужденія: противъ перваго возставалъ разумъ, противъ второго—сердце. «Первое, что отвратило меня отъ религіи, которую я исповѣдывала», говоритъ г-жа Роланъ въ своихъ Мемуарахъ («Mémoires» v. 3-éme, p. 102) — «это всеобщее осужденіе всѣхъ тѣхъ, которые не признаютъ ея или не знаютъ. Когда, изучая исторію, я обняла взоромъ безконечныя пространства міра, ходъ развитія имперій, заблужденія столькихъ націй,—я нашла нелѣпымъ и жестокимъ представленіе о Создателѣ, который осуждаетъ на вѣчныя муки эти безчисленныя слабыя существа, имъ же сотворенныя, брошенныя на землю среди столькихъ опасностей и во мракѣ невѣжества, отъ котораго они уже столько пострадали... Послѣ жестокости вѣчнаго осужденія, меня поразила нелѣпость догмата непогрѣшимости, и я должна была отбросить какъ его, такъ и другое вѣрованіе. Что же послѣ этого оставалось истиннаго въ католицизмѣ?... Къ разрѣшенію этого вопроса молодая дѣвушка обращаетъ всѣ свои умственныя и нравственныя силы. И вотъ, между разумомъ ея и религіозными вѣрованіями завязывается борьба, тѣмъ болѣе упорная, чѣмъ болѣе могущественно было господство послѣднихъ надъ всѣмъ ея духовнымъ существомъ. Но первые шаги ея на пути къ освобожденію—робки и нерѣшительны. Въ началѣ, отрицаніе ея не идетъ далѣе вопросовъ непогрѣшимости и вѣчнаго осужденія и не затрогиваетъ основныхъ принциповъ католицизма. «Атеизмъ», говоритъ она въ письмѣ къ другу, «представляется мнѣ столько же вѣрхомъ нелѣпости, сколько источникомъ безчисленныхъ золъ... Я держусь мнѣнія канцлера Бэкона, что поверхностное философствованіе можетъ привести къ атеизму, но болѣе глубокое и серьезное изученіе философіи возвращаетъ насъ къ религіи».

Въ борьбѣ съ разумомъ, она пытается проникнуться духомъ смиренія и пассивной покорности; при этомъ, она ссылается на счастье, какъ на аргументъ въ пользу слѣпой вѣры. «Еслибы религія была заблужденіемъ», говоритъ она (письмо къ Софи въ маѣ 1772 г.).—«Богъ простилъ-бы мнѣ его... такъ какъ оно способствуетъ добродѣтели... Чистая и возвышенная, религія соотвѣтствуетъ нашимъ потребностямъ и можетъ сдѣлать насъ лишь счастливыми; по этому одному, я должна признавать ее».

Но когда разумъ вступилъ на путь анализа и изслѣдованія, авторитетъ преданія поколебленъ безвозвратно. Она сама какъ-бы

предчувствуетъ уже неизбѣжный исходъ борьбы, въ то время, какъ ухватывается еще за обломки стараго религіознаго зданія.

«Я слишкомъ привыкла», говоритъ она, «не довѣрять моему внутреннему убѣжденію, чтобы думать, что настоящіе мои религіозные взгляды, оживляющіе и успокоивающіе меня,—никогда не пошатнутся даже и не рушатся». И дѣйствительно, сомнѣніе вскорѣ приводитъ ее къ отрицанію. Постепенный ходъ этого внутренняго переворота изображается въ слѣдующемъ письмѣ ея къ Софи Каннэ: «Первое, что поразило меня, при спокойномъ обсужденіи, что религія не можетъ имѣть иной цѣли, какъ счастье людей и славу божества. Все, что, въ этихъ двумъ отношеніяхъ, открыто нарушаетъ природу и понятіе о справедливомъ и всеблагомъ высшемъ существѣ,—показалось мнѣ подозрительнымъ... И сколько вѣрованій поколебалось при этомъ въ моихъ взглядахъ! Я не могла примириться съ мыслью, что всѣ тѣ, которые не думаютъ такъ-же, какъ я,—погибли безвозвратно; что столько невинныхъ созданій и добродѣтельныхъ людей преданы вѣчному огню за то только, что они не слыхали о римскомъ папѣ, проповѣдующемъ строгую мораль, которой самъ онъ такъ рѣдко слѣдуетъ. Я нашла этотъ принципъ нелѣпымъ, жестокимъ и нечестивымъ. Но если нетерпимость, проповѣдуемая моей церковью,—возмутительный догматъ, въ чемъ я твердо убѣждена, слѣдовательно—церковь эта можетъ ошибаться и заблуждаться» (17 мая 1776 г.). Какъ видно изъ переписки Manon съ пріятельницей, послѣдняя, одновременно съ ней, проходитъ черезъ ту же внутреннюю борьбу вѣры съ сомнѣніемъ и скептицизмомъ. Но у Софи исходъ этой борьбы былъ совершенно обратный: послѣ нѣкоторыхъ колебаній, она возвращается на лоно католической церкви,—и возвращается, усвоивши себѣ тотъ духъ нетерпимости и исключительности, который такъ возмущалъ Manon. Отнынѣ между двумя пріятельницами устанавливается полное разногласіе по основнымъ вопросамъ религіи. Софи истощаетъ всѣ силы убѣжденія, чтобы «спасти» друга и возвратить ее къ прежнимъ вѣрованіямъ. Manon старается отклонить эти другіе вопросы; съ своей стороны, она не пытается обратить ее въ свою новую вѣру: «католицизмъ—химера, но химера, которая вноситъ лучъ свѣта въ печальную жизнь, и потому химера благотворная; да и что не химера въ жизни!» [1]) Но прежніе идеалы ея уже кажутся ей сухими и безжизненнымн. Въ аскетизмѣ, такъ увлекавшемъ

[1]) Письмо Софи, 26 августа 1776 г.

прежде ея пылкое воображеніе, она видитъ теперь лишь безполезное посягательство на человѣческую природу,—напрасную трату силъ. И когда Софи сообщаетъ ей о своемъ намѣреніи постричься въ монастырѣ, она умоляетъ ее одуматься: «Неужели же», говоритъ она,—«высшее, благое существо, создавшее насъ для совмѣстной жизни, можетъ желать, чтобы люди оставляли трудъ, покидали общество, которое они должны поддерживать,—чтобы составлять отдѣльную, безполезную касту?.. Неужели-же въ методическомъ порядкѣ монастырскихъ службъ, единственная цѣль которыхъ—убить праздное время... неужели же въ этомъ видитъ свою славу высшій разумъ? И неужели всегда будетъ у насъ настолько узкое понятіе о божествѣ, чтобы представлять его себѣ капризнымъ, противорѣчивымъ, жестокимъ и кровожаднымъ! Не значитъ-ли это ставить діавола на престолъ, гдѣ мы поклоняемся Богу!..» (17 мая 1776 г.).

Такъ постепенно измѣнялось міросозерцаніе Manon, подъ вліяніемъ просвѣтительной литературы XVIII вѣка. По мѣрѣ знакомства съ ней, цѣлый міръ новыхъ идей и понятій открывается передъ молодой дѣвушкой, — и міръ этотъ тѣмъ болѣе кажется ей привлекателенъ, чѣмъ болѣе рѣзкій контрастъ онъ представляетъ со всѣмъ окружающимъ строемъ жизни. «Новый свѣтъ озарилъ душу мою», пишетъ она Софи (22 февраля 1774 г.), «чувства мои расширились, соразмѣрно тѣмъ точкамъ зрѣнія, при которыхъ я обняла взоромъ все цѣлое... Прекрасная химера полезнаго (если надо называть ее химерой) притягиваетъ и привлекаетъ меня»... «Общее благо близко моему сердцу», говоритъ она въ письмѣ 9-го мая 1774 г... «Душа моя нѣсколько космополитична; чувство гуманности соединяетъ меня со всѣми живыми существами: судьба кафра или караиба близко трогаетъ меня. Александръ Великій желалъ новыхъ міровъ, чтобы покорить ихъ, а я — чтобы любить ихъ...»

Со свойственнымъ ей пыломъ, она страстно увлекается новыми идеями. Вмѣсто стараго отжившаго общества, подавленнаго клерикальнымъ и политическимъ деспотизмомъ, основаннаго на неравенствѣ,—на преобладаніи одной небольшой его части надъ массой народа,—вмѣсто этого общества, передъ воображеніемъ ея выростаетъ идеалъ новаго соціальнаго строя, основаннаго на принципахъ, вытекающихъ изъ человѣческаго разума,—на принципахъ терпимости, гуманности и свободы.

«Общее благо—мой идолъ», говоритъ она въ письмѣ къ Софи

(6 декабря 1775 г.), сообщая о впечатлѣніи, которое произвела на нее «Философская исторія Рейналя»,—«потому что благо это—результатъ и разумная цѣль всего... Подчиненіе частныхъ интересовъ общему благу—единственная основа нравственной системы и мудрой администраціи. Гуманность, всеобщая терпимость, священная любовь къ человѣчеству — чувства справедливыя и необходимыя, которыя будутъ восприняты всѣми, когда умы просвѣтятся»...

Разнообразныя теченія французской литературы просвѣщенія—всѣ, до извѣстной степени, отразились на ея міросозерцаніи; но не всѣ имѣли на нее одинаковое вліяніе. Религія разума, открывшая эру просвѣтительной философіи, повліяла лишь на отрицательный ходъ ея умственнаго развитія, вызвавши духъ критики по отношенію къ догматической сторонѣ католической церкви; но положительная сторона ученія деистовъ,—холодная и разсудочная, не могла удовлетворить требованіямъ чувства, и замѣнить ей прежнія вѣрованія. Къ Вольтеру она относится не только безъ увлеченія, но даже съ явнымъ предубѣжденіемъ; въ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ упоминается имя его въ перепискѣ, она отзывается о немъ съ оттѣнкомъ ироніи:

«Г-нъ Питте [1]) и я—одинаковаго мнѣнія объ этомъ знаменитомъ писателѣ», говоритъ она, въ письмѣ 6 марта 1778 г.: «мы восхищаемся имъ какъ поэтомъ, какъ человѣкомъ умнымъ и съ изящнымъ вкусомъ; но въ области политики и философіи мы не придаемъ ему большого значенія. Мы думаемъ, что ему слѣдовало-бы, по прежнему, мирно наслаждаться своей славой въ фернейскомъ замкѣ, вмѣсто того, чтобы выставлять передъ насмѣшливой толпой слабости старика, который жаждетъ ѳиміама».

Это враждебное отношеніе къ Вольтеру объясняется, съ одной стороны,—сухой разсудочностью его теорій, съ другой,—самой формой ихъ изложенія—легкомысленной, поверхностной и циничной. Вольтеръ, въ противоположность Руссо, представляетъ собой отрицательную силу вѣка; проповѣдуя великія идеи терпимости, свободы ума, справедливости, онъ, въ то-же время, относится къ людямъ и къ жизни какъ реалистъ, безъ малѣйшей идеализаціи, и скорѣе отрицательно, съ оттѣнкомъ презрѣнія. Чтобы увлекать такія натуры, какъ г-жа Роланъ, Вольтеру не достаетъ согрѣвающаго свѣта любви; къ нему,—быть можетъ, болѣе чѣмъ ко вся-

[1]) Знакомый Manon.

кому другому писателю, могутъ быть примѣнены слова апостола: «Если бы я говорилъ языкомъ людей и ангеловъ и не имѣлъ любви,—я былъ бы только мѣдью звенящей и тимпаномъ бряцающимъ».

Еще менѣе могло удовлетворить г-жу Роланъ другое теченіе французской литературы XVIII вѣка—доктрина матеріалистовъ. Если Вольтеръ безпощадно выставлялъ на посмѣяніе всѣ пороки и слабости человѣчества, въ его нравственной проповѣди заключалось, тѣмъ не менѣе, нѣчто возвышенное и идеальное. Ученіе же матеріалистовъ всю этику и метафизику сводило на естествознаніе. Въ основѣ всего мірозданія лежитъ, въ ихъ теоріи, понятіе о движеніи матеріи; самая мысль человѣческая представляетъ лишь продуктъ движенія, привязаннаго къ міру матеріи. Въ этомъ ученіи, которое низводило человѣческую личность на степень всѣхъ прочихъ созданій матеріи, которое отрицало присутствіе высшаго разума въ мірозданіи и весь существующій міръ представляло въ образѣ механизма, дѣйствующаго по механическимъ причинамъ,—въ ученіи этомъ исключались всякія идеальныя стремленія и цѣли. Г-жа Роланъ такъ отзывается о впечатлѣніи, которое впервые произвели на нее теоріи матеріалистовъ: «Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, читая Декарта и Малебранша, я смотрѣла на мою кошку, когда она мяукала, какъ на механизмъ, находящійся въ дѣйствіи. Но, отрывая такимъ образомъ чувство отъ его проявленія, мнѣ казалось, что я разлагаю міръ и уничтожаю всѣ привлекательныя его стороны. Я предпочитала во всемъ видѣть живую душу и, скорѣе чѣмъ лишиться ея, я готова была воспринять ученіе Спинозы. Гельвецій произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе; вездѣ выставляя отталкивающее побужденіе личной выгоды, онъ уничтожалъ самыя чудныя мои иллюзіи». «Но», прибавляетъ она,—«сколько въ немъ проницательности! сколько вѣрныхъ выводовъ! Я пришла къ заключенію, что Гельвецій описывалъ людей такими, какими они сдѣлались послѣ паденія человѣческаго общества. Знакомство съ этимъ писателемъ казалось мнѣ полезнымъ, чтобы не быть жертвой обмана въ свѣтѣ. Но я далека была отъ того, чтобы примѣнять его принципы къ познанію человѣка и моего собственнаго внутренняго *я*: такая точка зрѣнія казалась бы мнѣ унизительной—я чувствовала себя способной на великодушіе, которое не признаетъ Гельвецій». («Mémoires», v. 3, p. 115).

Только одинъ представитель матеріалистической доктрины производитъ на нее сильное впечатлѣніе,—это Дидро, вмѣстѣ съ Рус-

со проповѣдующій возвращеніе къ природѣ, къ непосредственной естественности. Сравнивая Дидро съ другими писателями той же школы, мы видимъ, что причина этого предпочтенія заключается въ идеалистической тенденціи, проникающей все ученіе его.

Самые атомы его—не бездушные, мертвенные организмы, но одухотворенные, дѣйствующіе не по случайнымъ внѣшнимъ причинамъ, но вслѣдствіе внутренней наклонности и влеченія; по выраженію Дидро, самая матерія есть всеобщая чувствительность—sensibilité.

Вліяніемъ Дидро, въ значительной степени, объясняются утилитарные взгляды, которые такъ часто встрѣчаются въ нравственныхъ разсужденіяхъ г-жи Роланъ и такъ мало согласуются, повидимому, съ ея природными стремленіями.

«Въ обществѣ», говоритъ она въ Мемуарахъ («Memoires», v. 3-ème p. 120)—«все относительно; здѣсь не можетъ быть независимаго счастья: мы принуждены жертвовать имъ отчасти, чтобы не утратить его окончательно... Самый разсчетъ при этомъ—въ пользу разума: рѣдко можемъ мы пользоваться спокойствіемъ, когда идемъ противъ интереса большинства и создаемъ себѣ враговъ,—положеніе это всегда бываетъ тягостно».

Та-же мысль, что корень добродѣтели въ стремленіи къ личному счастью, та-же мысль въ еще болѣе рѣзкой формѣ выражается въ одномъ письмѣ къ Софи Каннэ. «Ясно», говоритъ она, «что человѣкъ прежде всего и сильнѣе всего будетъ любить самого себя; поэтому необходимо выставлять ему на видъ его собственныя выгоды въ томъ, что онъ сдѣлаетъ для пользы большинства, и пріучить его лишь въ этомъ видѣть собственную пользу. Этимъ способомъ можно сдѣлать его полезнымъ для другихъ и довольнымъ собой. Самыя счастливыя правительства тѣ, въ которыхъ установлено наиболѣе вознагражденій за дѣянія, совершенныя для общественной пользы: въ этихъ государствахъ процвѣтаютъ добродѣтель, порядокъ и спокойствіе» (22 февраля 1774 г.). Ясно, что взглядъ этотъ, напоминающій новѣйшія теоріи утилитаризма, возникъ подъ вліяніемъ увлеченія современной философіей. Насколько онъ мало удовлетворялъ ее, доказываетъ другое письмо ея къ Софи (около того же времени), въ которомъ выражается иная, болѣе возвышенная точка зрѣнія, приписывающая добродѣтели значеніе не только средства, но и цѣли. «Свойственное человѣку стремленіе къ добру, къ справедливости, чести», говоритъ она,—«служитъ доказательствомъ происхожденія

его и существованія Творца. Нѣтъ, всѣ наши чувства не ограничены стремленіями личной выгоды. Есть врожденныя идеи добра, врожденная любовь прекраснаго, которую даже злой человѣкъ внутренно уважаетъ, преслѣдуя добродѣтель. Есть великодушныя дѣянія, къ которымъ я отношусь съ сочувствіемъ и уваженіемъ, помимо всякихъ личныхъ разсчетовъ. Да, еслибы разумъ не доказывалъ мнѣ нелѣпость матеріалистовъ, сердце подсказало бы мнѣ ошибочность ихъ теорій, не смотря на всѣ ихъ доказательства: сердце мое благороднѣе, чѣмъ они предполагаютъ».

Послѣдній способъ доказательства—посредствомъ чувства, внутренняго сознанія,—очень часто повторяется въ разсужденіяхъ г-жи Роланъ: преклоняясь передъ разумомъ, она инстинктивно отдавала предпочтеніе чувству; въ этомъ сказывается столько же личная ея черта, сколько черта вѣка. Вотъ почему изъ всѣхъ современныхъ доктринъ, она отдаетъ предпочтеніе тому ученію, которое проповѣдуетъ культъ чувства, сердца. Если великіе писатели XVIII вѣка—д'Аламберъ, Дидро, Вольтеръ, Монтескьё—пробудили въ ней критическое отношеніе къ современнымъ понятіямъ и учрежденіямъ, помогли ей сбросить съ себя суевѣрія и предразсудки,—вліяніе ихъ было чисто отрицательное; они пробудили въ ней лишь горячее стремленіе къ общему благу, но на вопросъ—въ чемъ заключается это благо, какъ достичь его,—они не давали отвѣта: безжизненная доктрина матеріалистовъ, сухое, разсудочное ученіе деистовъ равно не могли удовлетворить ее и замѣнить прежнія традиціи и вѣрованія; замѣнить ихъ могло лишь такое ученіе, которое удовлетворяло бы потребностямъ не только разума, но и сердца.

Такой религіей явилось для нея ученіе Руссо. «Вольтеръ и Монтескьё», говоритъ Тэнъ, обѣщали человѣчеству лишь уменьшеніе его бѣдствій; Дидро и Гольбахъ представили ему вдали, на небосклонѣ, блестящій Эльдорадо... Руссо сулилъ ему легко достижимый Эдемъ, гдѣ оно сразу должно было найти свои права и свое счастье... Вся 2-я половина XVIII вѣка принадлежитъ Руссо. Чужестранецъ, протестантъ, своеобразный по темпераменту, по воспитанію, по сердцу, уму и нравамъ, одновременно—филантропъ и мизантропъ, витающій въ идеальномъ мірѣ, не похожемъ на міръ реальный,—онъ стоитъ на новой точкѣ зрѣнія. Никто не принимаетъ такъ близко къ сердцу пороки и бѣдствія современнаго общества, счастье и добродѣтели грядущаго общества. Вотъ почему онъ властвуетъ надъ современными умами, съ одной сто-

роны—посредствомъ сатиры, съ другой—посредствомъ идилліи... Но идиллія его трогаетъ сердца еще болѣе, чѣмъ сатира. Если люди прислушиваются къ словамъ моралиста, который читаетъ имъ нравоученія, они толпами слѣдуютъ за волшебникомъ, который чаруетъ ихъ. Женщины и молодые люди, въ особенности, увлекаются тѣмъ, кто открываетъ ихъ взору обѣтованную землю. Всѣ недовольства, накопившіяся вѣками, утомленіе настоящимъ, скука, разочарованіе, множество неудовлетворенныхъ желаній,—подобно подземнымъ водамъ, внезапно всплываютъ наружу подъ ударомъ волшебнаго жезла, который впервые вызываетъ ихъ—къ жизни дѣятельной, свободной, близкой къ природѣ, представляющей полный просторъ развитію всѣхъ лучшихъ сторонъ человѣческой природы... (Taine. «L'Ancien Régime», p. 294, 354, 356).

Въ этой противоположности между современнымъ соціальнымъ строемъ и идеаломъ новой жизни, который проповѣдывалъ Руссо, главный источникъ обаянія его для современнаго общества, въ особенности—для лучшихъ представителей его, стремившихся къ живымъ интересамъ и къ живой сферѣ дѣятельности. Къ числу послѣднихъ принадлежала г-жа Роланъ. Въ своихъ мемуарахъ и перепискѣ, она передаетъ глубокое впечатлѣніе, которое впервые произвело на нее чтеніе Руссо. «Имѣть всего Жанъ-Жака въ своемъ распоряженіи», пишетъ она другу, — «чтобы каждую минуту своей жизни совѣщаться, утѣшаться и возвышаться съ нимъ,—это наслажденіе, счастье, которое возможно испытать, лишь боготворя его такъ, какъ я» (1-го января 1778 г.). «Въ 21 годъ я многое прочла», говоритъ она въ мемуарахъ; «я была знакома со многими писателями, историками, литераторами и философами; но Руссо произвелъ на меня впечатлѣніе, подобное лишь тому, какое произвелъ на меня Плутархъ въ 8-ми-лѣтній возрастъ: казалось, онъ явился истолкователемъ чувствъ, которыя я уже ранѣе имѣла, но которыя онъ одинъ умѣлъ объяснить мнѣ» («Mémoires», v. 3-ème, p. 21). Въ порывѣ фанатическаго увлеченія идеями Руссо, молодая дѣвушка пишетъ ему письмо, чтобы имѣть предлогъ быть у него. Но увлеченіе свое она хранитъ втайнѣ, изъ боязни подвергнуться насмѣшкамъ,—и сообщаетъ его только Софи. «Мнѣ не хотѣлось еще болѣе придать себѣ философскую окраску въ общественномъ мнѣніи», говоритъ она въ письмѣ къ ней: «энтузіазмъ къ великимъ людямъ смѣшонъ въ глазахъ тѣхъ, которые не въ состояніи испытывать его» (29 февраля 1776 года). Но мечтѣ ея увидѣть Руссо не суждено было осуществиться; вмѣсто него, ей

удается видѣть только жену его, Терезу, которая встрѣчаетъ ее крайне сухо и объявляетъ, что мужъ ея никого не принимаетъ.

Самая форма проповѣди Руссо, характеръ ея — мечтательный, жреческій, пророческій — долженъ былъ усиливать обаяніе ея. Быть можетъ, сухое, научное изложеніе обнаружило бы неясность, запутанность, иногда—противорѣчивость его идей. Но ученіе Руссо обращалось не столько къ разуму, сколько къ сердцу; онъ самъ говорилъ: «иногда мечты мои кончаются разсужденіями, но, еще чаще, разсужденія мои кончаются мечтами». И вотъ, мы видимъ, что ученіе его увлекаетъ Manon именно той своей стороной, которая обращалась къ чувству. Идея общаго блага, осуществленіе всеобщаго счастья — земного рая, посредствомъ возвращенія къ природѣ, къ жизни сердцемъ,—какъ привлекательны, какъ заманчивы казались эти утопіи среди жизни, представлявшей такъ мало отраднаго! Manon съ увлеченіемъ усвоиваетъ и повторяетъ фикціи Руссо о возрожденіи человѣчества посредствомъ возвращенія его къ первобытному, естественному его состоянію. «Всѣ мы могли бы пользоваться равной долей счастья», говоритъ она, «еслибы воспитаніе, предразсудки и пороки не измѣнили насъ... Самъ человѣкъ разрушаетъ первоначальное свое назначеніе; нѣтъ сомнѣнія,—почти всѣ наши бѣдствія—плоды нашего воображенія и нашихъ заблужденій... Наслажденіе присуще всѣмъ чувствительнымъ созданіямъ; оно является поддержкой и опорой ихъ; лишенныя его, они вскорѣ захирѣютъ и затѣмъ погибнутъ. Поэтому, все — наслажденіе въ физическомъ мірѣ, все наслажденіе для животныхъ... Чувствовать и быть счастливымъ—для нихъ одно и тоже» (письмо къ Софи 3 апрѣля 1777 г.). «Общее благо», говоритъ она въ другомъ письмѣ къ Софи,—«есть и должно быть цѣлью всякой ассоціаціи, всякой возможной связи. Человѣкъ, родившійся добрымъ, свободнымъ и счастливымъ,—соединился съ другими людьми лишь для того, чтобы найти въ нихъ поддержку и условія, которыя содѣйствовали бы его совершенствованію и счастью... Какъ скоро организовалось общество, выгода большинства дѣлается мѣриломъ хорошаго и основой справедливаго. Степени общественнаго счастья образуютъ лѣствицу, по которой слѣдуетъ измѣрять добродѣтель. Еслибы законодатели послѣдовали этой лѣствицѣ, они не впали бы въ заблужденія. Къ несчастью, всѣхъ ихъ ослѣпляло невѣжество» (15 августа 1776 г.). «Отсутствіе просвѣщенія, несчастныя обстоятельства, противоположность интересовъ — вотъ единственная причина проступковъ людей по отношенію другъ къ

другу» (17 октября 1777 г.). Manon часто возвращается въ перепискѣ къ этимъ излюбленнымъ идеямъ Руссо—о совершенствѣ первобытной человѣческой природы и о счастьи, какъ естественномъ назначеніи человѣка,—не замѣчая при этомъ двойного противорѣчія, въ которое она впадаетъ: если природа человѣка совершенна, откуда явились недостатки его и пороки? Самое появленіе законовъ не указываетъ ли на потребность ограничить, обуздать человѣческую природу? И если главная причина зла—невѣжество и предразсудки, — какимъ образомъ первобытное состояніе человѣка представляется состояніемъ идеальнымъ?

Въ связи съ этой идеализаціей человѣческой природы, мы видимъ идеализацію сельской жизни и безусловной естественности. И въ этомъ отношеніи вліяніе Руссо объясняется, главнымъ образомъ, силой контраста, который представляли его идилліи въ сравненіи съ дѣйствительной жизнью. Онъ описывалъ красоту природы, деревню, уединеніе, семейныя радости поселянина — обществу, утомленному безжизненной сухостью свѣта, излишествомъ роскоши, однообразной комедіей, которую каждый всю жизнь долженъ былъ разыгрывать у себя или въ гостяхъ... По отношенію къ Manon, ученіе Руссо и здѣсь упало на родственную, воспріимчивую почву. Для натуръ мечтательныхъ и идеальныхъ природа всегда имѣетъ неотразимую прелесть; и чѣмъ безотраднѣе реальная жизнь, чѣмъ менѣе удовлетворяетъ она потребности правды и красоты, — тѣмъ сильнѣе обаяніе, которое производитъ природа. Какъ привлекательны казались идилліи Руссо, въ сравненіи съ окружающей безсодержательной жизнью,—мы видимъ въ письмахъ и юношескихъ произведеніяхъ m-lle Phlipon. «Картина деревенской жизни», говоритъ она въ письмѣ къ пріятельницѣ (17 мая 1775 г.),—«представляетъ нѣчто трогательное, что проникаетъ въ глубину нашей души... Взоры наши, съ перваго взгляда, ослѣпляетъ великолѣпіе придворной жизни, но вся эта мишура вскорѣ утомляетъ ихъ; красота плодородной деревни, невинная грація пастушки—представляютъ для нихъ отрадное отдохновеніе... Мнѣніе свѣта, предразсудки пускаютъ въ дѣйствіе всѣ средства, чтобы вести рабовъ своихъ къ счастью, которое природа поставила такъ близко отъ насъ».

Она съ восторгомъ и умиленіемъ говоритъ о безъискусственной сельской жизни, гдѣ царствуетъ простота нравовъ,—гдѣ человѣкъ всего менѣе удалился отъ первобытнаго своего типа. «Пастушескіе нравы», замѣчаетъ она въ одномъ изъ своихъ юноше-

скихъ произведеній [1]), приблизительно той же эпохи,—«своей невинностью и своими удовольствіями производятъ отрадное впечатлѣніе на самыхъ равнодушныхъ. Хижины—пріюты мира и чувствительности... Какъ я уважаю мирнаго гражданина, который обрабатываетъ поля своихъ отцовъ, воспитываетъ семью, гдѣ заботами его процвѣтаетъ согласіе и добродѣтель!... Высокомѣрный и тщеславный житель города часто видитъ въ поселянинѣ лишь необразованнаго и грубаго человѣка; но бѣднякъ находитъ въ немъ утѣшителя, слабые—поддержку, мудрецъ же видитъ въ немъ человѣка природы — настоящаго человѣка, полезнаго обществу и достойнаго уваженія въ глазахъ философа». Сельская жизнь, идеализированная Руссо и собственной фантазіей, представляется ей земнымъ раемъ, средоточіемъ всѣхъ человѣческихъ добродѣтелей; наслажденія природой и дружбой вдали отъ шумнаго свѣта, мечтанія подъ сѣнью деревъ, мирныя деревенскія занятія—единственныя отрады жизни, достойныя разумнаго человѣка: такимъ образомъ, она какъ бы вновь возвращается къ идеаламъ дѣтской поры своей жизни.

Привлекательность этой сельской идилліи не уменьшается въ ея глазахъ отсутствіемъ въ ней умственныхъ интересовъ; подъ вліяніемъ трактата Руссо «О наукахъ и искусствахъ», она готова отрицать эти интересы, какъ роскошь безполезную и даже вредную.—«Не слѣдуетъ съ такимъ презрѣніемъ относиться къ невѣжеству и отсутствію любознательности», говоритъ она въ письмѣ къ Софи (26 декабря 1776 г.): «они являются точкой отдохновенія, къ которой мы вѣчно стремимся. Это прибѣжище утомленнаго разума, охрана спокойствія, иногда—результатъ самой философіи»... «Страннымъ образомъ, результатомъ всѣхъ моихъ слабыхъ знаній явилось презрѣніе къ тѣмъ знаніямъ, передъ которыми я прежде благоговѣла... Я не имѣю ни малѣйшаго желанія быть ученой, я хочу быть доброй и счастливой: вотъ моя главная цѣль. Здравый смыслъ, честное сердце—этого вполнѣ достаточно» [2]) (15 мая 1778 г.).

---

[1]) «De la Simplicité».

[2]) Въ этихъ выходкахъ, которыя такъ рѣзко противорѣчатъ природнымъ наклонностямъ m-lle Phlipon, такъ и слышится Руссо,—его страстная проповѣдь, направленная противъ современной цивилизаціи, — въ знаменитой рѣчи «О наукахъ и искусствахъ»: «О добродѣтель, возвышенная наука простыхъ сердецъ, нужно-ли столько труда и издержекъ, чтобы узнать тебя? Развѣ твои ученія не начертаны во всѣхъ сердцахъ?» и. т. д.

Главный источникъ заблужденій ея, такъ-же, какъ и великаго ея учителя, состоитъ въ томъ, что она проводитъ рѣзкую границу между умственной и нравственной сферами, между наукой и жизнью. «Быть мудрой и счастливой», говоритъ она въ письмѣ къ Софи (28 марта 1778 г.)—«единственная цѣль всѣхъ моихъ стремленій: для этого нужно болѣе добродѣтели, чѣмъ науки»... «При горячемъ стремленіи къ пріобрѣтенію знаній и къ серьезнымъ занятіямъ, я чувствую, что могла-бы провести остальную часть жизни, не открывая книги,—и не испытать при этомъ никакого чувства неудовлетворенности» (13 іюля 1779 г.).

Но отрицательное отношеніе къ образованію является у Manon лишь порывами: даже въ періодъ сильнѣйшаго увлеченія Руссо, она не можетъ заглушить присущіе ей умственные интересы. «Если», замѣчаетъ она въ письмѣ къ Софи, — «если, какъ говоритъ Руссо,—мыслящій человѣкъ есть развращенное животное, то я самое развращенное существо въ мірѣ». — Дитя своего вѣка, воспитанная на просвѣтительныхъ идеяхъ современныхъ писателей, на поклоненіи разуму, — она не можетъ отречься отъ самой себя; разумъ ея и натура многосторонняя, отзывчивая и живая протестуютъ противъ пустоты и однообразія первобытнаго состоянія. И въ минуты болѣе трезваго обсужденія, молодая дѣвушка не является слѣпой послѣдовательницей Руссо. Она признаетъ значеніе образованія, нравственное вліяніе умственнаго развитія. «Ничто не можетъ сравниться съ этимъ городомъ», замѣчаетъ она, говоря о Парижѣ,—«гдѣ сосредоточиваются науки, искусства, великіе люди и всевозможныя умственныя богатства» (письмо къ Софи 26 августа 1776 г.).—«Горячая любовь къ добру», говоритъ она въ одномъ своемъ разсужденіи, «можетъ явиться лишь при ясномъ пониманіи цѣны его. Пониманіе это необходимо подразумѣваетъ просвѣщенное и вѣрное сужденіе, привычку размышленія и наблюденія. Невѣжество для разума—то-же, что физическая слѣпота для тѣла, она держитъ насъ во мракѣ и мѣшаетъ дѣйствовать»... (Discours sur la question proposée par une Académie—«Comment l'éducation des femmes pourrait contribuer à rendre les hommes meilleurs»).

Она идетъ даже еще далѣе, и высказываетъ сомнѣніе въ возможности того идеальнаго первобытнаго состоянія, которое воспѣваетъ Руссо.—«Въ золотомъ вѣкѣ, прославленномъ поэтами, и въ первобытномъ состояніи природы, описанномъ философами, но едва-ли когда-либо существовавшихъ, для добродѣтели не требо-

валось прилагать усилій; при ограниченномъ количествѣ потребностей, при отсутствіи собственности и, слѣдовательно,—законовъ,—какіе могли встрѣтиться мотивы для раздоровъ? Тамъ, гдѣ нѣтъ столкновенія интересовъ, добродѣтель бездѣйствуетъ... Я не имѣю притязанія писать сатиру на свой вѣкъ преувеличеннымъ превознесеніемъ прошедшихъ вѣковъ; каждый изъ нихъ имѣлъ свои недостатки. Вспоминая различныя эпохи нашей монархіи, я сомнѣваюсь, чтобы можно было указать на эпоху, въ которую предпочтительнѣе было бы жить, чѣмъ въ настоящую. Философія и разумъ освѣщаютъ насъ, геній распространяетъ на насъ свои благодѣянія... никогда добродѣтель не возвѣщала о себѣ такъ возвышенно и краснорѣчиво. Человѣчество нашло, наконецъ, своихъ защитниковъ и апостоловъ, истина—своихъ поклонниковъ». («Comment l'éducation des femmes» etc.).

Главный источникъ всѣхъ современныхъ золъ,—угнетеніе массы народа, неравенство, отсутствіе свободы и нравственнаго элемента въ обществѣ,—она видитъ въ недостаткахъ политическихъ учрежденій. И здѣсь мы опять встрѣчаемся съ вліяніемъ отвлеченныхъ теорій Руссо. Руссо, какъ извѣстно, понималъ государство не какъ живой организмъ, развивающійся по естественнымъ законамъ; происхожденіе его онъ объясняетъ механически, посредствомъ общественнаго договора. Отсюда вытекаетъ взглядъ, что причиной неудовлетворительности общественнаго строя являются случайные законы и ихъ случайные представители. Мысль эта весьма часто повторяется въ политическихъ разсужденіяхъ m-lle Philipon: «Если языческій міръ показалъ примѣръ столькихъ добродѣтелей», говоритъ она въ письмѣ къ Софи (8 апрѣля 1777 г.),—«онъ обязанъ былъ ими своему правительству, принципомъ котораго была добродѣтель. Сколько личностей, родившихся въ Турціи, сдѣлались-бы великими людьми, еслибъ они были членами республики!»

Главное заблужденіе Руссо и его послѣдователей заключается въ его раціоналистическомъ ученіи о происхожденіи государства: общество и государство представляются въ его теоріи результатомъ не органическаго развитія, а произвольнаго соглашенія, которое можетъ быть измѣнено или уничтожено сообразно требованіямъ разума. Это механическое отношеніе къ политическимъ фактамъ является слѣдствіемъ раціоналистическаго направленія XVIII вѣка—направленія односторонняго и исключительнаго, отрицательно относившагося ко всѣмъ современнымъ политическимъ формамъ и традиціямъ. Непониманіе историческаго развитія го-

сударствъ и народовъ, непониманіе прошлаго—неизбѣжно влекло за собой и непониманіе настоящаго. «Къ несчастью», говоритъ Тэнъ, «въ XVIII вѣкѣ разумъ былъ классическій, и не доставало какъ способностей, такъ и документовъ, чтобы понять традицію... Въ то время не было опредѣленнаго и яснаго представленія о современномъ крестьянинѣ, работникѣ, провинціальномъ буржуа и даже о мелкомъ землевладѣльцѣ-дворянинѣ; ихъ видѣли лишь издали, неясно,—преобразованными философской теоріей и сентиментальнымъ туманомъ... Классическій разумъ отказывался углубляться въ исторію для изученія древняго и современнаго человѣка. Онъ находилъ болѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ слѣдовать первоначальному своему теченію, закрыть глаза на дѣйствительнаго человѣка, обратиться къ своимъ ходячимъ понятіямъ, чтобы составить понятіе о человѣкѣ вообще. («L'Ancien Régime», p. 276, 277, 278).

Эта односторонне-раціоналистическая тенденція, характеризующая настроеніе XVIII вѣка, рядомъ съ непониманіемъ историческихъ условій, — выражается и въ политическомъ міросозерцаніи m-lle Phlipon [1]). Она нигдѣ ясно не формулируетъ свои политическія воззрѣнія,—нигдѣ не идетъ далѣе политическихъ мечтаній. Идеаломъ ея и теперь, также какъ въ дѣтствѣ, при чтеніи Плутарха,—является древній міръ—римская республика и Спарта: величественная простота этого міра, строгіе нравы, цѣльность міросозерцанія, свобода, которой пользовались граждане римской и греческихъ республикъ—представляютъ ея воображенію привлекательный контрастъ сравнительно съ современной жизнью. «Послѣ республикъ Рима и Греціи», говоритъ она въ письмѣ къ Софи (23 января 1776 г.),—«мы уже не видимъ того героизма, той энергіи духа и любви къ отечеству, которыя производили столь великія дѣянія. Встрѣчаются, правда, великіе люди, но не націи великихъ людей.

Наши современныя исторіи не представляютъ зрѣлища великихъ революцій, гдѣ цѣлые народы дѣйствуютъ и сражаются во

---

[1]) Отношеніе ея къ исторіи проглядываетъ въ письмѣ ея къ Софи Каннэ (въ декабрѣ 1771 г.), гдѣ она, м. пр., говоритъ: «Изучая исторію, я желаю ознакомиться не столько съ фактами, сколько съ людьми; въ исторіи народовъ я ищу и нахожу исторію человѣческаго сердца... Революціи вселенной представляютъ лишь отраженіе волненій человѣческой души».—Такимъ образомъ, знакомясь съ исторіей, она имѣла въ виду не столько изученіе развитія человѣческаго общества въ его цѣломъ, сколько человѣка въ отвлеченности.

имя свободы и общаго блага. Мы видимъ лишь подданныхъ, воюющихъ ради интересовъ правительственныхъ властей; по выраженію Рейналя,—это рабы, сражающіеся съ помощью своихъ цѣпей для развлеченія своихъ господъ».

Но увлекаясь республиканскими идеалами античной жизни, она сознаетъ при этомъ, что свобода небольшой части народонаселенія покупалась цѣной рабства огромнаго большинства. «Если принять во вниманіе», говоритъ она въ одномъ своемъ разсужденіи («De la Liberté», 1778 г.), «что промышленность и искусства представляютъ первый шагъ къ неравенству, что они изолируютъ тѣхъ, которые занимаются ими, предоставляя имъ преимущества, независимыя отъ общаго блага,—если принять все это во вниманіе, мы убѣдимся, какъ мудры были законодатели, изгнавшіе ихъ изъ своихъ государствъ. Земледѣльцы и солдаты, спартанцы не имѣли иныхъ занятій; но у нихъ были илоты»...

И такъ, основной принципъ, на которомъ зиждится древній міръ,—принципъ рабства, не примѣнимый къ современному строю общественной и политической жизни. Какъ же примирить и согласовать идеалы древняго міра съ новыми принципами, вытекающими изъ новыхъ условій жизни? На этотъ существенный вопросъ m-lle Phlipon не даетъ отвѣта.—Вообще, въ области политическихъ воззрѣній, она ограничивается общими разсужденіями, отвлеченными утопіями. «Народная добродѣтель и общее благосостояніе», говоритъ она, «вытекаютъ изъ принципа законодательства: только справедливость законовъ, точное ихъ соблюденіе, справедливое распредѣленіе наградъ и наказаній и равное распредѣленіе богатства,—только эти принципы порождаютъ добродѣтель и дѣлаютъ людей добрыми»... («Comment l'éducation des femmes» etc.).

Идея общаго блага, при отсутствіи опредѣленной политической программы и при механическомъ представленіи политическаго и соціальнаго строя жизни, должна была получить впослѣдствіи роковую роль въ исторіи французской революціи и, въ частности, въ исторіи партіи жиронды. Главной причиной этого отсутствія опредѣленнаго, практически осуществимаго политическаго плана, было, какъ мы видѣли, недостаточное, поверхностное знакомство съ исторіей, съ законами ея развитія. Недостатокъ этотъ такъ и бьетъ въ глаза въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ и трактатахъ г-жи Роланъ. При мѣткости многихъ отдѣльныхъ ея взглядовъ, при проницательности и воспріимчивости ея ума, при живости и силѣ чувства,—мы замѣчаемъ въ ней тотъ же недостатокъ, какъ

и въ лучшихъ изъ ея современниковъ,—полное отсутствіе ясной политической системы, трезваго отношенія къ дѣйствительности,—преобладаніе чувства надъ идеей, идеи надъ практической жизнью.

Въ то время минута дѣйствовать еще не настала: то была эпоха господства отвлеченныхъ идей и теорій,—«идеологіи», какъ выражался Наполеонъ, презрительно отзываясь о направленіи, характеризовавшемъ всю 2-ю половину XVIII вѣка и оставившемъ по себѣ глубокіе слѣды даже въ трезвую, практическую эпоху его царствованія.

ГЛАВА V.

Смерть матери.—Семейная жизнь.—Кружокъ знакомыхъ.—Лабланшери.

Говоря о послѣдовательномъ умственномъ развитіи Manon, мы оставили въ сторонѣ внѣшніе факты ея жизни,—факты, имѣвшіе весьма важное вліяніе на судьбу ея. Въ 1774 году, въ возрастѣ 20-ти лѣтъ, Manon постигло первое великое горе въ ея жизни,—потеря горячо любимой матери. Впечатлѣніе этой утраты было настолько потрясающее, что она сама опасно заболѣла, и ее, въ нервной горячкѣ, перевезли въ домъ родныхъ ея, Бэнаръ (дѣдушки и бабушки). Долгое время, нѣжныя заботы родныхъ и всевозможныя лѣченія были напрасны. Первое облегченіе въ ея состояніи произвело письмо Софи. «Голосъ дружбы», разсказываетъ г-жа Роланъ въ «Мемуарахъ», нѣжныя ея изліянія смягчили мое сердце и произвели во мнѣ тотъ переворотъ, который не могло вызвать все искусство докторовъ... Я заплакала, и слезы были моимъ спасеніемъ».

Но возвращеніе къ обычному теченію жизни совершалось трудно и медленно; физическое и нравственное состояніе Manon было тяжолое, подавленное. «Долгое время», говоритъ она въ Мемуарахъ («Mémoires v. 4-ème p. 20, 21), «я какъ бы не существовала для окружающаго міра; поглощенная своимъ горемъ, я не замѣчала, что происходило вокругъ меня; я почти не говорила, или же, занятая собственными мыслями, казалась не въ здравомъ разсудкѣ. ... Состраданіе добрыхъ моихъ родныхъ значительно повліяло на мое физическое и нравственное состояніе и способствовало моему выздоровленію. Увы, еслибы я могла умереть тогда! Это было мое первое горе; но сколько послѣдовало за нимъ тя-

желыхъ испытаній... Такъ протекли первые годы моей юности,— тихіе, счастливые, освѣщенные нѣжной привязанностью... годы, подобные прекрасному весеннему утру, когда безмятежное небо, чистый воздухъ, запахъ растеній восхищаетъ все, что дышетъ, развиваетъ жизнь и даетъ счастье».

Оправившись отъ нервнаго кризиса, Манон возвратилась въ домъ своего отца. Увы! какъ холоденъ и мраченъ, какъ одинокъ онъ показался ей послѣ потери матери. Несмотря на всѣ попытки сблизиться съ отцомъ, она никогда не чувствовала съ нимъ никакой нравственной связи. Отношенія между ними были совершенно внѣшнія; они ограничивались совмѣстными прогулками въ общественныхъ мѣстахъ, гдѣ впечатлѣніе, которое производила красота Манон, льстило самолюбію ея отца.

Уже въ послѣдніе годы жизни жены, онъ все болѣе отдалялся отъ своей семьи и отъ домашнихъ занятій, и все болѣе предавался различнаго рода развлеченіямъ — карточной игрѣ, посѣщеніямъ кафе и т. п. Всѣ заботы Манон были направлены къ тому, чтобы умиротворять отношенія между родителями, облегчать жизнь матери. Но, по смерти послѣдней, вліяніе ея на отца стало постепенно ослабляться: легкомысленныя наклонности, съ теченіемъ времени, все болѣе брали верхъ надъ привязанностью его къ дочери. «Первое время своего вдовства», разсказываетъ г-жа Роланъ (Mémoires, v. 4-ème, p. 30, 31), «отецъ мой искренно старался вести болѣе правильный образъ жизни; но онъ скучалъ дома, и всѣ мои старанія развлечь его были напрасны. Я пробовала разговаривать съ нимъ; но у насъ мало было общихъ взглядовъ, и интересы его были, вѣроятно, такого рода, что онъ не могъ стремиться раздѣлять ихъ со мной. Я часто играла съ нимъ въ пикетъ; но съ дочерью подобное времяпрепровожденіе было слишкомъ неинтересно... Уже раньше, жажда обогащенія бросила его въ рискованныя предпріятія: съ тѣхъ поръ все было потеряно... Чтобы покрыть свои траты, онъ началъ играть и, такимъ образомъ, не переставая быть честнымъ человѣкомъ, онъ постепенно сталъ раззоряться. Родные мои, неопытные въ дѣлахъ, не потребовали описи по смерти моей матери [1]); при томъ, интересы мои казались имъ вполнѣ обезпеченными въ его рукахъ... Я могла предвидѣть обратный исходъ, но мнѣ тяжело было повѣрять имъ

[1]) Т. е. описи состоянія, которое, по наслѣдству, должно было перейти къ Манон.

свои подозрѣнія, и я молчала, безропотно покоряясь своей участи». (Mémoires. v. 4 ème, p. 30, 31).

При этой печальной семейной обстановкѣ, главнымъ утѣшеніемъ Manon, по прежнему, являлись интересы умственной жизни: въ нихъ она искала успокоенія и нравственной поддержки.—«Научныя мои занятія», говоритъ она въ своихъ воспоминаніяхъ («Mémoires, v. IV, p. 24), «сдѣлались для меня дороже, чѣмъ когда-либо... Болѣе чѣмъ прежде предоставленная самой себѣ и нерѣдко въ печальномъ настроеніи духа, я почувствовала потребность писать. Я любила отдавать себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ, и перо помогало мнѣ уяснять ихъ, — безъ него я мечтала еще болѣе, чѣмъ размышляла; излагая свои мысли письменно, я сдерживала свое воображеніе и разсуждала. Я уже раньше начала нѣсколько сборниковъ; теперь я продолжала ихъ подъ заглавіемъ: «Oeuvres de loisirs et réflexions diverses» [1]). При этомъ, у меня не было иного намѣренія, какъ изложить мои мнѣнія, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность провѣрить и сравнить ихъ... Никогда меня не соблазняла мысль сдѣлаться авторомъ; я весьма рано поняла, что женщина-авторъ гораздо болѣе теряетъ съ этимъ званіемъ, чѣмъ пріобрѣтаетъ. Мужчины не любятъ её, женщины относятся къ ней съ предубѣжденіемъ. Если сочиненія ея плохи, надъ ней смѣются, и не безъ основанія; если они хороши — ихъ не хотятъ приписывать ей»...

Между тѣмъ, несмотря на такое отрицательное отношеніе ко всякому внѣшнему успѣху, высота умственнаго развитія Manon и литературный ея талантъ привлекали вниманіе всѣхъ интеллигентныхъ членовъ кружка ея знакомыхъ. Одно изъ первыхъ лицъ, искавшихъ сближенія съ нею, былъ Буаморель, сынъ той барыни-аристократки, высокомѣрный пріемъ которой произвелъ на нее въ дѣтствѣ такое глубокое впечатлѣніе. Буаморель, человѣкъ уже пожилой, серьезно образованный, преданный наукѣ и литературнымъ занятіямъ, заинтересовался Manon, случайно прочитавши ея «Досуги» («Oeuvres de loisirs»); онъ возобновилъ давно прерванное знакомство, и съ тѣхъ поръ между ними завязываются самыя искренно дружескія отношенія, которыя поддерживаются въ продолженіе полутора года, — до его смерти. Благодаря Буаморелю, Manon по-

---

[1]) Въ предшествовавшихъ главахъ приведены были нѣкоторыя выдержки изъ отдѣльныхъ ея очерковъ, подъ названіемъ «La Simplicité», «De la Liberté» и т. д.

стоянно была au courant всѣхъ новостей въ мірѣ ученомъ и литературномъ; онъ часто посылалъ ей книги изъ своей библіотеки и переписывался съ ней; но они видались рѣдко, такъ какъ семья Буамореля, жена его и сынъ,—исключительно вращались въ высшемъ свѣтскомъ обществѣ, съ которымъ Manon не могла имѣть ничего общаго [1]).

Мало-по-малу, вокругъ Manon составляется небольшой интеллигентный кружокъ, главными представителями котораго являются три лица, игравшія, одно время, болѣе или менѣе значительную роль въ ея жизни. Одинъ изъ нихъ—офицеръ Демонтери, лѣтъ 60-ти, неутомимый путешественникъ, философъ-республиканецъ, многое пережившій на своемъ вѣку. Manon такъ характеризуетъ его въ письмѣ къ Софи (11 января 1776 г.): «Внѣшность его выражаетъ строгость философа и величайшую простоту... Съ перваго раза, какъ я увидѣла его, онъ внушилъ мнѣ глубочайшее уваженіе... Обитатель другой части свѣта, онъ знаетъ все, что происходитъ у насъ, въ особенности—въ области науки и прогресса цивилизаціи. Это—послѣдователь Руссо, который могъ бы соперничать съ самыми извѣстными нашими администраторами. Мысли его отличаются правдивостью и глубиной; въ рѣчахъ его звучитъ энергія пылкой натуры».—Товарищъ Демонтери—поэтъ Сентъ-Леттъ, членъ совѣта въ Пондишери, тоже много путешествовавшій въ своей жизни, обладалъ тѣмъ развитіемъ, которое дается болѣе опытомъ, чѣмъ книгами». «Сентъ-Леттъ», пишетъ Manon подругѣ

---

[1]) По поводу знакомства съ Буамореленъ, г-жа Роланъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одно торжественное засѣданіе французской академіи (въ день праздника св. Людовика), которое она имѣла случай посѣтить, благодаря покровительству Буамореля.

«Засѣданія эти, разсказываетъ г-жа Роланъ (Mémoires v. 4-ème, p. 42, 43), въ то время постоянно посѣщались свѣтскимъ обществомъ и представляли, по своему составу, самые рѣзкіе контрасты. Утромъ, въ день св. Людовика, въ домовой церкви академіи служили обѣдню; во время ея, пѣли оперные пѣвцы, а по окончаніи, ораторъ изъ высшаго общества произносилъ панегирикъ въ честь святого короля. Должность эту въ тотъ день исполнялъ аббатъ Белла; я прослушала его съ удовольствіемъ, несмотря на тривіальность избитой темы; онъ украсилъ рѣчь свою смѣлыми философскими доказательствами и косвенной сатирой на правительство»...

«Вечеромъ, засѣданіе академіи отврывало поприще для beaux esprits изъ высшей аристократіи,—вельможамъ, которые любили ставить свои имена въ спискѣ и показываться на кафедрѣ передъ публикой; также—любителямъ, которые являлись, чтобы послушать однихъ, посмотрѣть на другихъ и показать себя»...

(19 февраля 1776 г.),—«человѣкъ въ высшей степени гуманный, чувствительный и пылкій; онъ—атеистъ въ полномъ смыслѣ слова. Это не уменьшаетъ моего уваженія къ нему; съ каждымъ разомъ, какъ мы видаемся, я все болѣе цѣню дарованія его, просвѣщеніе и честность. Очень странно, что человѣкъ подобнаго закала такъ поразилъ меня, что, при первомъ нашемъ свиданіи, мнѣ казалось, что я уже давно знаю его. Не смотря на то, что я вѣрю въ Бога, у меня очень много общаго съ этимъ старикомъ».

Третій, Севеленжъ, былъ философъ-резонеръ, съ оттѣнкомъ чувствительной меланхоліи; мы еще возвратимся къ нему впослѣдствіи, такъ какъ годъ позднѣе онъ опять появляется на сценѣ и, одно время, выдвигается на первый планъ.

Всѣ эти три лица, люди уже пожилые, были привлечены умственными и нравственными качествами Manon, выдѣлявшими ее изъ среды окружавшаго ее общества. Они относились къ ней дружески, какъ къ младшему товарищу, любили бесѣдовать съ ней и дѣлиться самыми задушевными своими мыслями. Но впослѣдствіи, не смотря на огромную разницу лѣтъ, двое изъ нихъ (Демоншери и Севеленжъ) отъ дружественныхъ отношеній перешли къ болѣе пылкимъ чувствамъ, влюбились въ нее и искали ея руки.

Мы не будемъ останавливаться на всѣхъ лицахъ, съ которыми въ эту эпоху приходилось сталкиваться Manon. Мы упомянемъ только еще объ одномъ лицѣ, съ которымъ она случайно познакомилась въ 1778 году и который впослѣдствіи игралъ немаловажную роль какъ въ исторіи революціи, такъ и въ ея собственной судьбѣ. Человѣкъ этотъ былъ Пашъ.

Отзывы, которые она даетъ о немъ, по впечатлѣнію перваго знакомства, заслуживаютъ вниманія, показывая, до какой степени въ то время сужденія ея бывали иногда пристрастны, и какъ еще много, въ эту пору своей жизни, вносила она идеальнаго элемента въ оцѣнку людей.—«Среди всѣхъ тяжелыхъ впечатлѣній», пишетъ она Софи 6 октября 1778 года,—«мнѣ пришлось увидѣть самую отрадную картину счастливаго супружества; я видѣла философа—просвѣщеннаго мужа, мудраго и нѣжнаго отца. Это человѣкъ 32-хъ лѣтъ, у котораго не осталось никакихъ иллюзій въ жизни, человѣкъ, испытанный несчастьемъ, чувствительный и здравомыслящій, развитой посредствомъ жизненнаго опыта, путешествій и наблюденій. Владѣя небольшимъ состояніемъ, онъ довольствуется немногимъ и не поддается искушенію пріобрѣтать больше. Онъ избралъ себѣ отечествомъ мѣстность Во, на берегу Женев-

ского озера, гдѣ онъ намѣревается вести патріархальный образъ жизни съ добродѣтельной подругой... Ты не можешь представить себѣ, какъ меня растрогала картина семейнаго счастья этихъ добрыхъ людей».... 14 лѣтъ позднѣе, г-жѣ Роланъ суждено было вторично встрѣтиться съ этимъ человѣкомъ, оставившимъ ей такое отрадное впечатлѣніе. Роланъ, въ то время министръ внутреннихъ дѣлъ, предложилъ Пашу важное мѣсто домашняго секретаря, которое было принято имъ съ величайшей готовностью, но подъ условіемъ не получать ни оффиціальнаго титула, ни денежнаго вознагражденія. Въ то время Пашъ не игралъ никакой общественной роли и не обнаруживалъ честолюбивыхъ стремленій.—«Пашъ», замѣчаетъ г-жа Роланъ въ своихъ воспоминаніяхъ (Mémoires 1-er v. p. 171, 172), «носитъ маску величайшей скромности, такъ что всѣ знающіе его почти готовы согласиться съ его мнѣніемъ о себѣ и не придавать ему большой цѣны. Но скромность эту вы невольно вмѣняете ему въ заслугу, замѣчая, что онъ не лишенъ знаній и разсуждаетъ вѣрно. Такъ какъ онъ очень сдержанъ и никогда вполнѣ не высказывается, у васъ, естественно, является вскорѣ мысль, что онъ знаетъ болѣе, чѣмъ говоритъ, и, въ концѣ концовъ, вы видите въ немъ тѣмъ болѣе достоинствъ, чѣмъ менѣе расположены были приписывать ихъ ему сначала. Человѣкъ, который мало высказывается, со вниманіемъ слушаетъ все, что ему говорятъ, и дѣлаетъ лишь нѣсколько умѣстныхъ замѣчаній, — безъ труда выдаетъ себя за способнаго человѣка».... «Пашъ, говоритъ далѣе г-жа Роланъ,—былъ знакомъ съ веденіемъ дѣлъ; онъ обладалъ, повидимому, здравымъ смысломъ, патріотизмомъ, безупречной нравственностью и простотой обращенія».— Впродолженіи нѣкотораго времени Пашъ разыгрывалъ роль самаго преданнаго слуги Ролана. «Дѣятельный, внимательный, осторожный, усердный въ исполненіи своихъ обязанностей, онъ ежедневно являлся къ министру въ 7 часовъ утра и оставался до 3-хъ, никогда не соглашаясь принять малѣйшаго вознагражденія за свои труды». (Mémoires, v. 1-er, p. 174).

Но вскорѣ затѣмъ въ положеніи дѣйствующихъ лицъ произошло значительное измѣненіе. Когда въ 1793 году обстоятельства заставили Ролана подать въ отставку, бывшій министръ указалъ на своего помощника, Паша, какъ на человѣка, достойнаго замѣстить его: онъ имѣлъ при этомъ въ виду какъ карьеру своего друга, такъ и общественную пользу. Пашъ тотчасъ принялъ назначеніе, сдѣлалъ визитъ своему предшествен-

нику, но при этомъ сразу измѣнилъ тонъ своихъ отношеній съ Роланомъ [1]): — онъ холодно принялъ ихъ дружескія изліянія, въ совѣтѣ сталъ противодѣйствовать и оппонировать всѣмъ мнѣніямъ Ролана, затѣмъ окончательно прервалъ съ нимъ всякія сношенія и перешелъ на сторону самыхъ крайнихъ монтаньяровъ—Шабо, Фабра и др.,—въ якобинскомъ клубѣ и повсемѣстно агитировавшихъ противъ бывшаго министра и подготовлявшихъ гибель жирондистовъ.—«Въ политикѣ Пашъ представляетъ собой Тартюфа комедіи Мольера»,—такъ заключаетъ г-жа Роланъ характеристику человѣка, при первой встрѣчѣ возбудившаго въ ней такое сочувствіе и горячее участіе.

Изъ этого небольшого эпизода мы видимъ, до какой степени въ то время Manon способна была увлекаться, — до какой степени она стремилась видѣть въ людяхъ качества, составлявшія необходимую принадлежность ея идеала. Эта способность увлеченія, идеализаціи особенно ярко выступаетъ въ отношеніи къ другому лицу, съ которымъ она также встрѣтилась въ эпоху первой молодости, и которое нѣкоторое время сильно занимало, если не сердце ея, то воображеніе. — «О милый другъ», пишетъ она Софи 18 ноября 1775 г.:—«что можетъ скрыть отъ тебя сердце, котораго первое удовольствіе—дѣлиться съ тобой своими впечатлѣніями! Да, ты узнаешь всѣ мои испытанія и горести. Когда любовь поражаетъ насъ своими стрѣлами,—гдѣ можно найти утѣшеніе, какъ не въ объятіяхъ дружбы!.. Увы! я долго еще считала себя свободной послѣ того, какъ уже поддалась чувству любви. Какія орудія употребить противъ страсти, которая раздражается препятствіями, и которая покорила мое сердце посредствомъ глубокаго сознательнаго уваженія... У меня нѣтъ силъ ни подавить мою любовь, ни бороться съ ней». — Лицо, о которомъ она говоритъ здѣсь Софи, былъ нѣкто Лабланшери, родомъ изъ Орлеана, молодой ученый, ухаживавшій за ней одно время на вечерахъ г-жи Лепинъ, ихъ общей знакомой. Встрѣтившись съ нимъ вторично, вскорѣ послѣ смерти матери, Manon была глубоко тронута выраженіями горячаго участія, съ которыми онъ обратился къ ней: сентиментальные вздохи, чувствительныя фразы она приняла за выраженіе искренняго, глубокаго чувства. Благопріятному впечатлѣнію въ значительной степени способствовали и моральныя сентенціи, въ духѣ Руссо, которыми обильно были пересы-

[1]) «Mémoires» de M-me Roland, v. 1-e, p. 178 r.

паны его рѣчи. Въ то время Лабланшери занимался составленіемъ дидактическаго сочиненія подъ громкимъ заглавіемъ: «Extrait du journal de mes voyages, pour servir d'école aux pères et aux mères», (заглавіе, которое Manon сама находитъ нѣсколько напыщеннымъ).— «Я читала его сочиненіе, милая Софи», пишетъ Manon 31 октября 1775 года.—«Ты знаешь, неправда ли, мои «Досуги» («Loisirs»)? Сочиненіе Лабланшери является выраженіемъ тѣхъ же принциповъ: это не Руссо, конечно, но оно не скучно; въ немъ прекрасныя нравственныя идеи, хорошо развитыя, подтвержденныя безконечнымъ количествомъ историческихъ ссылокъ и цитатъ изъ всѣхъ авторовъ. Я не смѣю судить этого молодого человѣка, — у насъ съ нимъ слишкомъ много общаго; я могу лишь повторить о немъ то, что я сказала Грёзу, по поводу его картины: еслибы я не любила добродѣтель, онъ съумѣлъ бы внушить мнѣ любовь къ ней».

Въ 1775 году, послѣ перваго посѣщенія, оставившаго такое сильное впечатлѣніе, Лабланшери сталъ часто бывать въ домѣ Manon. Но тутъ вскорѣ произошла та катастрофа, на которую она намекаетъ въ предъидущемъ письмѣ къ Софи, 18 ноября 1775 года.

«Я съ удовольствіемъ видалась съ Лабланшери», разсказываетъ г-жа Роланъ въ своихъ воспоминаніяхъ (Mémoires v. 4-ém p. 75). «Но отецъ, который въ то время считалъ еще для себя обязательнымъ оставаться со мной, когда приходилъ кто-нибудь изъ постороннихъ,—отецъ мой нашелъ должность дуэньи не особенно увеселительной; онъ предпочелъ всѣмъ отказать въ домѣ, за исключеніемъ тѣхъ, почтенный возрастъ которыхъ дозволялъ оставлять меня съ ними одну. Онъ объявилъ мнѣ, что намѣренъ просить Лабланшери прекратить свои посѣщенія»...

Чтобы смягчить отказъ и избѣжать рѣзкихъ выходокъ со стороны отца, Manon рѣшилась намекнуть Лабланшери, что визиты его не должны повторяться такъ часто. Слѣдствіемъ этого объясненія было временное удаленіе Лабланшери. Manon съ отчаяніемъ сообщаетъ объ этомъ подругѣ; въ пылу увлеченія, она готова писать ему и—признается въ своей любви.

Но черезъ двѣ — три недѣли настроеніе ея мѣняется, и она болѣе спокойно относится къ своему чувству. Письмо отъ 6 декабря 1775 года представляетъ рѣзкую противоположность съ предъидущимъ. «Страшное душевное волненіе мое улеглось незамѣтно», пишетъ она Софи... «Но если я спокойна, любовь не оставила меня; только чувство это такъ сроднилось со моей душой, что

волнуетъ ее такъ же мало, какъ чувство любви къ родителямъ.... Подчиняясь необходимости, отдаляющей насъ, я не нахожу, чтобы она насъ разлучала; и этого съ меня довольно. Онъ любитъ меня, говорю я себѣ, — и старается быть достойнымъ меня; совершенствуя себя, мы оба стремимся понравиться другъ другу. Добродѣтель пріобрѣла въ моихъ глазахъ новую привлекательность»... Проходитъ еще мѣсяцъ съ небольшимъ, — и она уже начинаетъ критически относиться къ своему увлеченію. «Я странный человѣкъ», пишетъ она Софи (11 января 1776 г.),—«настроеніе мое мѣняется не по днямъ, а по часамъ. Когда я углубляюсь въ научныя занятія — прощай любовь! Моя веселость, энергія и дѣятельность возвращаются; но если я даю себѣ волю,—сердце мое опять забьется и воображеніе воспламенится. Когда я удаляюсь въ мою философію, Лабланшери представляется мнѣ иногда слишкомъ заурядным... Но какъ скоро точка зрѣнія мѣняется, — я опять съ ума схожу!—Это наводитъ меня на размышленія о природѣ человѣка и о зависимости его отъ внѣшнихъ условій».

Но вотъ проходятъ два дня, и она обращается къ Софи съ отчаяннымъ воззваніемъ (13 января 1776 г.): «Софи, Софи! другъ мой, безъ тебя я погибла! Я переживаю страшный кризисъ, жестокую внутреннюю борьбу... Лабланшери былъ у насъ, вчера—въ первый разъ послѣ того вечера, когда онъ получилъ отказъ; но присутствіе этого проклятаго Трюда [1]), который ежедневно преслѣдуетъ меня своими посѣщеніями,—помѣшало мнѣ объясниться съ нимъ. Другъ мой, этотъ несчастный Лабланшери страшно измѣнился за это время; онъ имѣетъ видъ такой печальный, измученный! Сонъ покинулъ его, безпокойство и горе подтачиваютъ его здоровье... Одно мое слово могло бы возвратить его къ жизни, къ здоровью: я сознаю это,—и неужели же я буду молчать... Посылаю тебѣ письмо къ нему: надо ли говорить, что завѣтная моя мечта, — чтобы ты послала ему это письмо въ другомъ конвертѣ... Я не смѣю настаивать на этомъ, потому что чувствую себя въ такомъ состояніи, когда человѣкъ самъ не можетъ судить о томъ, какъ слѣдуетъ поступить.. Распечатай письмо, прочти его, подумай о моихъ и его страданіяхъ... и рѣши, слѣдуетъ ли посылать его».

Письмо, какъ мы узнаемъ изъ переписки, было отправлено по назначенію. Въ немъ заключалось признаніе въ любви и, въ то же

[1]) Мужъ двоюродной сестры Manon.

время—увѣщаніе повиноваться волѣ родительской и отказаться отъ исканія руки ея. Но убѣждая Лабланшери позабыть ее, молодая дѣвушка, романтичная и экзальтированная, мысленно предоставляла ему читать между строками и, съ своей стороны, считала себя связанной своимъ признаніемъ.—«Лабланшери давно любитъ меня», пишетъ она Софи (18 января 1776 г.): «теперь онъ знаетъ, что я отвѣчаю ему взаимностью. Хотя въ письмѣ моемъ я, повидимому, ничего не обѣщаю и предоставляю ему полную свободу,—я знаю его слишкомъ хорошо, чтобы предположить, что онъ ею воспользуется». — Но письмо осталось безъ отвѣта; Лабланшери продолжалъ держаться въ сторонѣ, и новая вспышка любви постепенно переходила въ болѣе спокойное чувство. Несмотря на стремленіе Manon объяснить его молчаніе благородными мотивами, отсутствіе его охлаждающимъ образомъ дѣйствовало на ея чувство, въ которомъ главную роль играло воображеніе; но минутами, оно возгорается съ прежней силой, и тогда въ тонѣ ея писемъ безсознательно проскальзываетъ чувство досады на любимаго человѣка:

«Я удалила его», пишетъ она Софи, «и просила избавить меня отъ своего присутствія, которое слишкомъ для меня дорого, чтобы не быть опаснымъ; точность, съ которой онъ повинуется мнѣ, является доказательствомъ любви его, которое убиваетъ меня».—Но за исключеніемъ этихъ рѣдкихъ вспышекъ, въ ея образѣ жизни и даже въ настроеніи незамѣтно рѣзкаго измѣненія. По прежнему она находитъ удовольствіе въ обществѣ своихъ друзей философовъ; по прежнему, занимается изученіемъ современныхъ писателей и философовъ. Научныя занятія поглощаютъ ее болѣе чѣмъ когда-либо, доставляя то удовлетвореніе, которое не даютъ ей внѣшнія условія жизни: она обращается къ умственной дѣятельности, какъ къ якорю спасенія, неизмѣнно являющемуся на помощь во всѣ критическія минуты жизни. — «Ты бранишь меня за то, что я слишкомъ много занимаюсь», пишетъ она Софи 27 марта 1776 года: «но безъ занятій любовь, быть можетъ, воспламенила бы мое воображеніе до помѣшательства. Это необходимое развлеченіе. Я обращаюсь къ философіи и занимаюсь предметами, которые поглощаютъ мое пылкое воображеніе и мѣшаютъ ему сосредоточиваться на одномъ. Я не стремлюсь сдѣлаться ученой: я занимаюсь, потому что такъ же сильно чувствую потребность въ умственной пищѣ, какъ и въ матеріальной. Познаніе истины — вотъ цѣль моя; и въ стремленіи достичь

ее я нахожу забвеніе всѣхъ печалей и много невыразимыхъ наслажденій».

Повѣряя другу всѣ мысли и впечатлѣнія, Manon безсознательно произносила приговоръ надъ своимъ чувствомъ къ Лабланшери: въ увлеченіи ея и теперь, какъ прежде (въ эпизодѣ съ докторомъ Гордонномъ) преобладало воображеніе, щедро надѣлявшее его тѣми качествами, которыя она стремилась видѣть въ любимомъ человѣкѣ. Этимъ объясняются рѣзкіе переходы ея отъ отчаянія къ пассивно-покорному отношенію къ своей судьбѣ, отъ страстной экзальтаціи къ спокойно резонерскому настроенію. Насколько въ чувствѣ ея преобладалъ элементъ, такъ сказать, головного увлеченія, показываетъ слѣдующее разсужденіе въ письмѣ къ Софи, напоминающее прежнія ея отвлеченныя теоріи о бракѣ:

«Добродѣтели его (Лабланшери) поразили меня: я почувствовала, что могу съ нимъ неуклонно идти по тому жизненному пути, который я начертала себѣ... Я не дѣлаю себѣ иллюзій по отношенію къ Лабланшери... Я вижу въ немъ не исключительныя достоинства, но тѣ качества, которыя мнѣ нужны; это далеко не геній,—но чистая, простая, благородная душа, высокая и достойная меня. Я чувствую, что могу быть счастливой, несмотря на препятствія, которыя отдаляютъ насъ; но счастье мое было-бы еще полнѣе, еслибъ мы сошлись съ нимъ». (15 апрѣля 1776 г.). «Если разумъ, долгъ, необходимость—заставятъ меня впослѣдствіи полюбить другого, этотъ другой долженъ будетъ очень походить на Лабланшери, чтобы я поддалась этому чувству». (27 марта 1776 года),

Испытывать глубокое и сильное чувство, связывать съ нимъ свое счастье и счастье любимаго человѣка и, въ то-же время, разлагать свою любовь на составныя части, анализировать ее, болѣе того,—предполагать возможность полюбить другого,—возможно-ли было-бы такое противорѣчіе, еслибы чувство это дѣйствительно имѣло глубокую основу?—Безъ сомнѣнія, и въ отношеніи къ Лабланшери, такъ же, какъ раньше по отношенію къ другимъ своимъ поклонникамъ, въ чувствѣ Manon главную роль игралъ разумъ, ослѣпленный воображеніемъ: отвлеченныя ея разсужденія, холодное резонерство доказываютъ, что сердце ея и теперь не было глубоко затронуто. Это отсутствіе сердечнаго элемента объясняетъ какъ самый характеръ отношенія ея къ Лабланшери, такъ и быстрое разочарованіе въ любимомъ человѣкѣ. Первымъ поводомъ къ разочарованію явилось обстоятельство съ

перваго взгляда ничтожное и незначительное до смѣшного.—«Мое бѣдное сердце подвергалось это время большимъ испытаніямъ», пишетъ она 24 іюня 1776 года,—по поводу нѣсколькихъ незначительныхъ обстоятельствъ. Представь себѣ,—на-дняхъ я встрѣчаю Лабланшери въ Люксембургѣ съ султаномъ на шляпѣ: ты не можешь вообразить, какъ этотъ проклятый султанъ измучилъ меня. Я всячески пыталась примирить это пустое, суетное украшеніе—съ той философіей, съ тѣмъ стремленіемъ къ простотѣ, съ тѣмъ образомъ мыслей, которые привязывали меня къ Лабланшери. Эти тщетныя попытки измучили меня; и я жестоко чувствую, какое значеніе пріобрѣтаютъ самыя ничтожныя подробности, когда онѣ касаются любимаго человѣка, и возбуждаютъ по отношенію къ нему недовѣріе. Въ довершеніе моей пытки, m-lle д'Ангаръ (знакомая Manon), замѣтивши, что я кланяюсь ему, узнаетъ въ немъ посѣтителя знакомаго ей дома, гдѣ онъ ухаживалъ за нѣсколькими богатыми барышнями и гдѣ перестали принимать его за то, что онъ хвастался, что женится на одной изъ нихъ. Хотя я и не совсѣмъ вѣрю этому анекдоту, тѣмъ не менѣе, онъ произвелъ на меня глубокое, тяжелое впечатлѣніе... Еслибы теперь обстоятельства сблизили насъ, я побоялась-бы связать съ нимъ мою судьбу, и съ недовѣріемъ отнеслась-бы къ самой себѣ. Несмотря на это, нѣтъ сомнѣнія, что если я выйду замужъ, то лишь за того, кто будетъ походить на идеалъ, который я думала встрѣтить въ Лабланшери».—Тѣмъ не менѣе, ей не легко отказаться отъ своей химеры,—отъ идеала, создавшагося въ ея воображеніи. Несмотря на то, что факты подтверждали ея подозрѣніе относительно Лабланшери, она долго еще не рѣшалась окончательно разстаться съ своей иллюзіей. И когда, нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе, Лабланшери сдѣлалъ вторичную попытку покорить ея сердце, она не безъ нѣкотораго волненія сообщаетъ Софи о предстоящемъ свиданіи съ нимъ. «Что хочетъ онъ отъ меня», говоритъ она въ письмѣ къ Софи (20 декабря 1776 года),—«что могу я сказать ему? Съ свойственнымъ мнѣ добродушіемъ, я разскажу ему, вѣроятно, все дурное, что я подумала о немъ; онъ, быть можетъ, оправдается... У меня столько мыслей въ головѣ, что я не въ состояніи писать теперь»...

Но опасенія ея были напрасны: всѣ воззванія Лабланшери къ чувству ея оказались тщетными. Она окончательно должна была убѣдиться, при свиданіи, что идеалъ ея—не болѣе какъ созданіе ея фантазіи, призракъ, химера; что въ чувствительныхъ излія-

ніяхъ его было гораздо болѣе фразерства, чѣмъ истиннаго, глубокаго чувства. «Маска или, вѣрнѣе, завѣса спала съ моихъ глазъ», пишетъ она Софи 24 декабря 1776 года; я вижу его недостатки,—иллюзія разрушена: любви уже не существуетъ болѣе. Я почти готова сожалѣть, что заблужденіе мое разсѣялось... Боже мой! какую энергію, какую силу я чувствовала въ себѣ! Почитая предметъ моей любви выше всего въ мірѣ, стремясь возвыситься до него, я чувствовала себя способной на все великое и святое.... Я вижу теперь, что отношеніе его ко мнѣ было совсѣмъ иное; я внушила ему чувство уваженія,—но увлеченіе было лишь съ моей стороны. Еслибъ въ тотъ день (въ день послѣдняго свиданія) во мнѣ говорило еще чувство любви, открытіе это привело-бы меня въ отчаяніе; въ настоящее-же время оно лишь подтвердило мои мысли... Я и теперь думаю, что у него хорошая душа, чувствительная и сострадательная; но ей недостаетъ той силы и энергіи духа, которую я предполагала въ ней. Искренность его весьма сомнительна; въ немъ нѣтъ скромности, всегда отличающей не заурядnаго человѣка... Несмотря на его хорошіе принципы, развитой разумъ, чувствительное сердце,—я думаю, онъ часто поддается своему воображенію и нѣкоторой фальши въ складѣ ума... Ты не можешь представить себѣ, какое странное впечатлѣніе онъ произвелъ на меня: черты лица его все тѣ-же, но выраженіе ихъ измѣнилось въ моихъ глазахъ. О, какъ могущественна сила иллюзіи! Я и теперь считаю его выше обыкновеннаго уровня,—особенно людей его возраста; но онъ уже для меня не идеалъ совершенства,—онъ уже не возлюбленный мой!»

Что-же въ дѣйствительности представлялъ собою этотъ человѣкъ, обратившій на себя вниманіе Manon въ толпѣ поклонниковъ, къ которымъ она относилась съ презрительнымъ равнодушіемъ? Чѣмъ съумѣлъ онъ привлечь ее, внушить ей, хотя мимолетное, но сильное чувство? Нѣкоторыя свѣдѣнія о Лабланшери мы находимъ какъ въ мемуарахъ г-жи Роланъ, такъ и въ его собственныхъ сочиненіяхъ. Паэнъ де-Ла-Бланшери родился въ 1752 году и происходилъ изъ старинной фамиліи должностной аристократіи. Въ первой молодости, по окончаніи курса ученія въ коллежѣ, онъ предпринялъ путешествіе въ Америку; возвратившись на родину, онъ издалъ въ 1776 году первое свое сочиненіе, о которомъ упоминаетъ Manon въ письмѣ къ Софи:—«Extrait du journal de mes voyages, pour servir d'école aux pères et aux mères». Въ этомъ сочиненіи, озаглавленномъ такимъ громкимъ титуломъ,

онъ обращается къ отцамъ и матерямъ съ торжественной педагогической проповѣдью, цѣль которой—внушить здравыя мысли о воспитаніи. Главныя идеи, такъ же какъ форма этой проповѣди,—полу-романъ, полу-философскій и естественный трактатъ,—заимствованы, повидимому, изъ «Эмиля» Руссо. Герой, на которомъ сосредоточивается вниманіе читателя,—молодой человѣкъ, получившій въ коллежѣ воспитаніе, лишенное всякихъ нравственныхъ принциповъ. Значительная часть сочиненія посвящена описанію ужасныхъ послѣдствій разврата и смерти героя, погибающаго жертвой своихъ преступленій.

Дать подобную книгу, наполненную анатомическими подробностями, возможными лишь въ спеціальномъ медицинскомъ сочиненіи [1]), — въ руки молодой дѣвушки 21-го года, воспитанной въ строгихъ нравственныхъ правилахъ, и которой, при томъ, онъ желалъ понравиться,—мысль, сама по себѣ, довольно странная и дикая. Всѣ циническія подробности, встрѣчающіяся въ этомъ сочиненіи, не могли казаться ей привлекательными: онѣ неизбѣжно должны были внушить ей довольно низменное представленіе о всемъ человѣческомъ родѣ. «Бѣдной Manon не везло въ жизни» замѣчаетъ Добанъ (Dauban, «Lettres de M-me Roland», Appendice), «и неудивительно, что въ письмахъ къ Софи она неоднократно выражаетъ свое презрѣніе къ мужчинамъ. Двое изъ ея поклонниковъ—Лабланшери и докторъ Гарданнъ [2]) должны были внушить ей весьма печальное понятіе о нихъ... Среди какихъ пороковъ должна была предстать мужская половина человѣческаго рода въ глазахъ молодой дѣвушки, пылкой и мечтательной! И какой примѣръ она видѣла въ собственномъ отцѣ! Необходимо взвѣсить все это, чтобы понять г-жу Роланъ и судить о ней... Нѣтъ сомнѣнія, что раннее знакомство съ спеціальными медицинскими сочиненіями въ значительной степени придало складу ума ея тѣ неженственные пріемы, которые мы замѣчаемъ въ немъ и которые позволяли ей, не краснѣя, затрогивать нѣкоторые вопросы естественной исторіи... Посвященная, въ возрастѣ 21-го года, во всѣ тайны природы, она относилась впослѣдствіи къ физической сторонѣ любви съ свободой ума, утратившаго первоначальную свою впечатлительность».

---

[1]) Dauban, «Lettres de M-me Roland». Appendice.

[2]) Докторъ Гарданнъ былъ извѣстенъ сочиненіемъ по своей спеціальности,—сочиненіемъ, которое, безъ сомнѣнія, было извѣстно Manon, и должно было подготовить её къ знаменитому предохранительному трактату Лабланшери.

Правда, помимо циническихъ подробностей, книга Лабланшери отличалась красивымъ слогомъ, многими хорошими мыслями, нравственными принципами, которые, какъ онъ полагалъ, могли произвести благопріятное впечатлѣніе; но Manon, даже въ пору своего увлеченія Лабланшери, цѣнила его сочиненія по достоинству: признавая справедливость многихъ его идей, она замѣчаетъ: «Главныя мысли, встрѣчающіяся въ сочиненіи Лабланшери, не совсѣмъ новы... Фенелонъ, Локкъ, Руссо, въ иной формѣ, выразили тѣ-же взгляды [1])».

Вообще, не отрицая въ немъ прекрасныхъ принциповъ и нравственныхъ качествъ, она критически относилась къ его литературнымъ дарованіямъ. Такъ, выражая Софи свое сужденіе о книгѣ Лабланшери, она указывала на дидактическій тонъ наставленій, съ которыми онъ обращается къ отцамъ и матерямъ,—тонъ, который, по ея мнѣнію, долженъ задѣть массу читающей публики и вооружить противъ автора. Она предрекала, что сочиненіе не будетъ имѣть успѣха, и почти никого не заинтересуетъ какъ по формѣ, такъ и по содержанію. «Все, что можно сказать объ этой книгѣ», замѣчаетъ она, — «что она не надоѣдаетъ и оставляетъ хорошія впечатлѣнія... Еслибы цѣль сочиненія состояла лишь въ томъ, чтобы дать понятіе о личности автора, можно-бы сказать, что Лабланшери производитъ здѣсь впечатлѣніе человѣка гуманнаго, который преданъ добродѣтели и стремится къ общему благу... Но этого не достаточно. Общество требуетъ новыхъ идей, смѣло выраженныхъ и систематично развитыхъ; только подобныя заслуги могутъ привлечь его вниманіе».

Въ ту эпоху, когда Manon встрѣтилась съ Лабланшери, онъ находился къ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и мечталъ поправить ихъ выгодной женитьбой. Молва гласила, что онъ ухаживалъ за

[1]) Сужденіе m-lle Phlipon о сочиненіи Лабланшери, — въ приложеніи къ письму Софи, 25-го іюня 1776 года.—По поводу этой критики Добанъ замѣчаетъ: «Это—настоящая критическая статья, показывающая, какое значительное мѣсто Manon могла-бы занять въ критическомъ отдѣлѣ большой газеты. . . . Не слѣдуетъ, при этомъ, забывать отсутствіе обработки, характеризующее частную переписку. Никогда m-lle Phlipon не зачеркиваетъ написанное: главныя мысли, критическая оцѣнка, форма изложенія—все носитъ характеръ импровизаціи, переданной перомъ смѣлымъ, точнымъ и увѣреннымъ въ себѣ... Возвышенность точки зрѣнія, на которой стоитъ Manon, разумность, съ которой она обсуждаетъ нѣкоторые вопросы, ловкость, съ которой обѣгаетъ другіе,—придаютъ этой небольшой критической статьѣ значеніе своего рода художественнаго произведенія» (Dauban, «Lettres de M-me Roland». Appendice)

всѣми богатыми невѣстами, вслѣдствіе чего и получилъ прозвище «влюбленнаго въ 11 тысячъ дѣвицъ» («Memoires de M-me Roland», v. 4-ème, p. 76). — По всей вѣроятности, и въ сближеніи его съ m-lle Phlipon, пользовавшейся репутаціей богатой невѣсты, значительную роль играли практическіе разсчеты. Честолюбіе и мелкое тщеславіе всегда были главными двигателями, руководившими дѣятельностью Лабланшери. Послѣ разрыва съ Manon, онъ бросился въ новыя предпріятія и основалъ въ 1777 году «Корреспонденцію наукъ и искусствъ». Цѣль этого учрежденія состояла въ томъ, чтобы: во-1-хъ, открыть постоянную публичную выставку картинъ и произведеній искусствъ—для лицъ, не состоявшихъ членами академіи (въ то время одни академики имѣли право выставлять свои произведенія); во-2-хъ,—издавать газетный листокъ, заключающій въ себѣ замѣтки о выставленныхъ произведеніяхъ,—для лицъ, интересующихся искусствами. Салонъ корреспонденціи былъ открытъ въ Парижѣ въ 1777 г., при чемъ Лабланшери принялъ званіе генеральнаго агента; но вслѣдствіе отсутствія поддержки отъ правительства, онъ былъ закрытъ въ 1788 г. По замѣчанію Добана [1]), идея этого учрежденія сама по себѣ могла быть плодотворна, но оно было задумано въ слишкомъ обширныхъ размѣрахъ, и потому возбудило противъ Лабланшери недоброжелательство академиковъ, которые выставили его, какъ интригана. Трудно рѣшить, насколько мнѣніе это справедливо. Лабланшери былъ влюбленъ въ собственныя идеи, онъ былъ, при томъ, тщеславенъ, честолюбивъ, и едва-ли разборчивъ въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли... Нѣтъ сомнѣнія, безмѣрное честолюбіе омрачило нѣсколько его разсудокъ. Узнавши, что домъ, въ которомъ онъ жилъ въ Лондонѣ, былъ нѣкогда жилищемъ Ньютона, онъ захотѣлъ прославиться этимъ открытіемъ. Отсюда возникли безконечныя манифестаціи поклоненія Ньютону,—манифестаціи, граничившія съ умопомѣшательствомъ: Лабланшери воображалъ, вѣроятно, что превознося Ньютона и присвоивая себѣ его имя,—онъ возвеличивалъ самого себя. Въ 1791 г. онъ издалъ «Проектъ въ память Ньютона», состоявшій въ томъ, чтобы во имя человѣческаго рода «установить вѣчное прославленіе характера и генія этого великаго человѣка» и т. д. Онъ требовалъ, чтобы имя Ньютона давалось, попеременно съ именемъ Георга,—принцамъ крови въ Англіи; чтобы «открытія въ физикѣ, астрономіи, химіи и механикѣ—перело-

[1]) Dauban, «Lettres de M-me Roland».

жены были въ гимны и приняты въ божественной литургіи всѣхъ вѣроисповѣданій,—съ цѣлью познакомить народы съ великими предметами природы, наукъ и искусствъ, въ честь Ньютона и другихъ представителей человѣческаго рода, во славу Бога» и т. д.; и чтобы въ публичныхъ актахъ, послѣ формулы: «l'au de grâce», было бы прибавлено—и et de Newton [1]) и т. д.

Мы намѣренно остановились подробно на личности Лабланшери, хотя и весьма незначительной и давно уже позабытой въ мірѣ науки и литературы. Исторія отношеній его къ m-lle Phlipon представляетъ интересъ не только біографическій, но—и въ еще большей степени—психологическій. Исторія эта является живымъ свидѣтельствомъ, до какой степени разсудочныя теоріи оказываются подчасъ несостоятельными въ жизни, при столкновеніи съ другими свойствами человѣческой природы. Разумъ, въ глазахъ Manon, является какъ-бы уздой, сдерживающей порывы страстной, увлекающейся натуры; но преклоняясь передъ нимъ, она слишкомъ на него полагается, забывая, что разумъ—свойство, выработанное болѣе или менѣе искусственно; что, въ борьбѣ съ другими природными свойствами, общіе, отвлеченные принципы оказываются минутами слишкомъ слабыми, — что могущество ихъ не безгранично и не всесильно. Вся жизнь ея является подтвержденіемъ этой истины. Въ исторіи любви Manon къ Лабланшери уже проявляется несостоятельность разума передъ увлеченіями пылкаго воображенія. Впослѣдствіи, горькій опытъ долженъ былъ привести ё къ убѣжденію, какъ ограничено и односторонне вліяніе разума и его отвлеченныхъ принциповъ, какъ безсиленъ онъ одинъ подавить влеченіе чувства, удовлетворить всѣмъ потребностямъ человѣческой природы, дать человѣку спокойствіе и истинное счастье

---

[1]) Выдержки эти взяты изъ брошюры (въ «Revue universelle des arts»), подъ заглавіемъ: «Proclamation de par toutes les nations, l'agent général de la correspondance pour les lettres, les sciences et les arts á la nation française.»—Moi, l'agent général de correspondance pour les sciences et les arts.—Donné à Londres, le 5 Novembre, l'au de grâce 1796 et de Newton 154; de mon appa rtement, dédié à Sir Isaac Newton, № 49. Rathbone place.

ГЛАВА VI.

Знакомство съ Роланомъ. Переписка съ Софи и Генріеттой Каннэ (1776—78 г.). Кружокъ знакомыхъ. Литературные опыты.

Въ числѣ знакомыхъ Manon, игравшихъ болѣе или менѣе важную роль въ описываемый періодъ ея жизни, мы не упоминали еще объ одномъ лицѣ, которое вскорѣ выдвинулось на первой планъ и повліяло на всю дальнѣйшую ея судьбу. Въ письмѣ отъ 11-го января 1776 года, Manon въ первый разъ упоминаетъ о визитѣ Ролана—инспектора мануфактуръ въ городѣ Амьенѣ и знакомаго Софи Каннэ. Впечатлѣніе перваго свиданія не совсѣмъ опредѣленное, но, очевидно, очень сильное.

«Сегодня у насъ былъ очень важный гость», пишетъ она Софи, сообщая о визитѣ Ролана.—«Какъ жаль, что онъ не былъ у насъ вчера на обѣдѣ: я не всегда выказываюсь въ такомъ выгодномъ свѣтѣ. Впрочемъ, это сожалѣніе тщеславное, на которомъ не стоитъ останавливаться».—«Я видѣла его вторично», пишетъ она 23 января 1776 г.; я убѣждена, что не нравлюсь ему такъ, какъ ты воображаешь: по всей вѣроятности, я даже совсѣмъ не нравлюсь ему. Мы холодно разсуждаемъ о литературѣ; я часто путаюсь въ рѣчахъ, или ничего не говорю, потому что чувствую гораздо болѣе склонности къ вопросамъ жизненной философіи, чѣмъ къ ученымъ бесѣдамъ. Вчера я хотѣла поговорить съ нимъ о тебѣ и о многихъ вопросахъ, заранѣе обдуманныхъ, но ничто не удалось мнѣ, и конечно я должна была показаться ему еще глупѣе, чѣмъ въ первый разъ; я очень удивлюсь, если онъ еще разъ посѣтитъ такую скучную особу. Неудача эта не на шутку огорчаетъ меня, потому что другъ вашъ—человѣкъ весьма интересный. Несмотря на кажущееся несогласіе по нѣкоторымъ вопросамъ, въ главномъ мы сходимся, и еслибы онъ хорошо зналъ меня, — я думаю, мой образъ мыслей былъ бы ему по душѣ. Мнѣ казалось, сначала, что онъ любитъ оригинальничать въ своихъ мнѣніяхъ. Человѣкъ, который видитъ въ Бюффонѣ лишь шарлатана, который находитъ исторію аббата Рейналя недостаточно философичной,—такой человѣкъ самъ показался мнѣ оригинальнымъ. Я выслушала его аргументы, и теперь я нѣсколько менѣе уважаю аббата Рейналя, а къ Бюффону отношусь съ недовѣріемъ. Какое несчастье, что я бываю не въ ударѣ во время его визитовъ! Ты не можешь пред-

ставить себѣ, какъ мысль эта огорчила меня послѣ того, какъ мы распростились съ нимъ».

Но несмотря на сильное впечатлѣніе, которое производятъ ученыя рѣчи Ролана на молодую дѣвушку, чуткую ко всѣмъ умственнымъ интересамъ,—она далеко не очарована имъ: рѣзкій докторальный тонъ, пріемы ученаго педанта, самый внѣшній обликъ Ролана, вполнѣ соотвѣтствовавшій его характеру,—не могли увлечь самое пылкое воображеніе. И дѣйствительно, изъ мемуаровъ г-жи Роланъ и переписки мы видимъ, что общее впечатлѣніе, при первомъ знакомствѣ, не вполнѣ благопріятное.

«Въ декабрѣ 1775 года», разсказываетъ г-жа Роланъ въ своихъ воспоминаніяхъ («Mémoires» v. 4-éme, p. 71), я впервые познакомилась съ Роланомъ, который явился ко мнѣ съ письмомъ отъ Софи». «Письмо это будетъ тебѣ передано, писала мнѣ моя подруга,—философомъ, о которомъ я тебѣ не разъ упоминала,—Роланомъ де ла Платьеръ. Это человѣкъ просвѣщенный, высокой нравственности, котораго можно упрекнуть только въ двухъ отношеніяхъ,—въ излишнемъ пристрастіи къ древнимъ, которыхъ онъ возвеличиваетъ въ ущербъ современникамъ, и въ слабости слишкомъ любить говорить о себѣ»...—Несмотря на поверхностность характеристики», замѣчаетъ г-жа Роланъ,—черта была схвачена вѣрно и мѣтко. Я увидѣла человѣка за сорокъ лѣтъ, высокаго роста, небрежнаго въ манерахъ, и съ той натянутостью, которую придаетъ привычка къ кабинетной жизни; но манеры его были простыя, непринужденныя и, не отличаясь свѣтскимъ лоскомъ, онѣ соединяли въ себѣ вѣжливость человѣка хорошаго общества съ серьезностью философа. При правильныхъ чертахъ лица,—худой, желтый, съ открытымъ лбомъ и уже рѣдкими волосами,—внѣшностью своей онъ внушалъ уваженіе, но не казался привлекательнымъ».

Характеристика эта дополняется отзывомъ о Роланѣ, который мы встрѣчаемъ въ письмѣ Manon къ Софи 19 февраля 1776 года:—«Ты права, выражая желаніе, чтобы Роланъ встрѣтился у меня съ моимъ индѣйцемъ (С. Леттъ): общеніе съ нимъ было бы для него полезно. Откровенно говоря, при сравненіи съ С. Леттомъ, Роланъ не представляется мнѣ въ особенно привлекательнымъ свѣтѣ. Я вижу въ немъ тогда лишь ученаго, а ты знаешь, что значитъ это выраженіе въ философскомъ смыслѣ. Роланъ, по моему мнѣнію, слишкомъ пристрастенъ. Онъ всецѣло отрицаетъ аббата Рейналя, и этимъ мѣшаетъ мнѣ принять его свидѣтельство. По его словамъ,

сочиненіе Рейналя—не исторія и не философія, но романъ, написанный лишь блестящимъ слогомъ... Я не выношу такого рѣзкаго сужденія, особенно, когда, въ слѣдующую минуту, онъ проговаривается, что не читалъ всего сочиненія, а слышалъ лишь одни отрывки изъ него»...

Но проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, и кредитъ Ролана значительно повышается: общіе умственные интересы, общіе политическіе и соціальные идеалы оказываютъ могущественное вліяніе на Manon и возбуждаютъ ея симпатію.—«Я прервала письмо мое къ тебѣ», пишетъ она Софи 2-го мая 1776 года,—«въ честь Ролана, который посѣтилъ насъ и пробылъ съ нами около двухъ часовъ. На этотъ разъ я оцѣнила его: разговоръ его, основательность сужденій, разнообразіе познаній его,—произвели на меня самое хорошее впечатлѣніе».

«Ты прибавила новое благо ко всѣмъ тѣмъ, которыми я обязана твоей дружбѣ», пишетъ она въ другомъ письмѣ, 24 іюня 1776 года, «доставивши мнѣ знакомство съ Роланомъ. Это натура честная, чувствительная, прямая: соединеніе этихъ качествъ нравится мнѣ... Онъ кажется мнѣ способнымъ быть вѣрнымъ другомъ, если связь съ нимъ не распадется современемъ. Я имѣю, впрочемъ, основаніе возлагать надежды на будущее, потому что отецъ мой не предубѣжденъ противъ Ролана и видитъ въ немъ достойнаго человѣка, котораго безпрепятственно можетъ принимать молодая дѣвушка; потому что, еслибы случилось мнѣ выйти замужъ, мужъ мой, конечно, не будетъ мнѣ мѣшать видѣться съ людьми подобнаго закала».

Вскорѣ послѣ этого, дружественныя отношенія между Manon и Роланомъ прервались: осенью 1776 года Роланъ предпринялъ путешествіе въ Италію и, такимъ образомъ, Manon временно потеряла его изъ виду. Отсутствіе его должно было тѣмъ чувствительнѣе отозваться на ней, что, около того же времени, она лишилась двухъ другихъ самыхъ близкихъ членовъ своего маленькаго кружка.

«Я имѣла счастье», пишетъ она Софи (16 октября 1776 года),—«сойтись съ тремя людьми рѣдкихъ достоинствъ, къ которымъ я могла относиться, какъ къ вѣрнымъ друзьямъ.—Одного (Севеленфа) отняла у меня смерть; другой (Роланъ) отправляется путешествовать въ Италію; третій (С. Леттъ), вѣроятно, переселится вскорѣ въ другую часть свѣта. Повидимому, я для того лишь испробовала

наслажденіе близкихъ связей, основанныхъ на чувствѣ глубокаго уваженія, чтобы испытать, какъ тяжело лишиться ихъ».

Въ своемъ одиночествѣ, она ищетъ сердечнаго удовлетворенія въ дружбѣ; отношенія съ Софи дѣлаются для нея главнымъ утѣшеніемъ и отрадой въ жизни.—Начиная съ 1776 года, она сближается съ старшей m-lle Каннэ, Генріэтой, по характеру представлявшей рѣзкій контрастъ съ своей сестрой. Такъ-же, какъ съ Софи, Manon впервые встрѣтилась съ ней еще въ дѣтствѣ, въ пансіонѣ монастыря конгрегаціи. «Откровенная до рѣзкости, нетерпѣливая до вспыльчивости», такъ характеризуетъ ее г-жа Роланъ въ своихъ мемуарахъ («Mémoires», v. 3-éme, p. 59),—«веселая до сумасшествія... нервная, остроумная, по временамъ очаровательная, часто невыносимая, — она соединяла самое чувствительное сердце съ взбалмошнымъ воображеніемъ; не легко было ужиться съ ней, приходилось одновременно любить и бранить её!..»

Въ началѣ 1776 года Генріэтта пріѣхала на время въ Парижъ и сблизилась съ Manon; съ этихъ поръ, — хотя Софи продолжала оставаться на первомъ планѣ,—она сдѣлалась участницей, иногда даже посредницей, въ ихъ отношеніяхъ. Съ половины 1776 года, между Генріэттой Каннэ и Manon завязывается переписка. Обѣ сестры, посвященныя во всѣ подробности ея внутренней и внѣшней жизни, стараются обратить ее къ утѣшеніямъ религіи; по этому поводу онѣ вступаютъ въ продолжительную полемику, характеристичную по отношенію къ умственному и нравственному настроенію Manon въ эту эпоху ея жизни. Софи, послѣ краткаго періода колебанія, усвоившая узко ортодоксальное направленіе, прибѣгаетъ въ своихъ убѣжденіяхъ къ этическимъ аргументамъ, пытаясь представить религію нравственной уздой, необходимой для человѣческой природы.

Такое воззрѣніе на религію не по душѣ Manon; умъ ея, свободный и гордый, не признаетъ другой узды, кромѣ той, которую налагаетъ внутреннее убѣжденіе, совѣсть.

«Если меня смущаютъ сомнѣнія», говоритъ она въ письмѣ 9 іюня 1776 г., «я тверда въ чувствахъ, мотивирующихъ поведеніе. Между нашимъ образомъ мыслей я вижу большое различіе. Ты говоришь, что достигла одно время высшей степени независимости во взглядахъ, и что тебѣ не доставало лишь предаться распутству; я, съ своей стороны, не отрицаю такъ-же смѣло, какъ нѣкогда ты... но еслибы даже я и дошла до полнаго отрицанія, мои нравственныя воззрѣнія опирались бы на столь же твердые

принципы. Прямая душа, склонная къ безвѣрію, помимо всякихъ принциповъ, чувствуетъ себя привязанной къ строгой добродѣтели; безъ примѣненія этой добродѣтели, ей казалось бы, что она избавилась отъ ига религіи лишь изъ преступнаго желанія слѣдовать порочнымъ склонностямъ. Ложная и дурно воспринятая религія вреднѣе для нравственности, чѣмъ атеизмъ; рабскій страхъ ограничиваетъ и съуживаетъ умъ, великіе двигатели, возбуждающіе личный интересъ, обращаются въ эгоизмъ»... — Оспаривая аргументы Софи, она не затрогиваетъ предметовъ ея вѣрованій и, въ противоположность ей, остается на почвѣ полной терпимости и безпристрастности.

«Прочь отъ насъ рѣзкій и насмѣшливый тонъ невѣрующихъ хвастуновъ», говоритъ она въ письмѣ отъ 5 іюля 1776 года, «также какъ презрительное и свирѣпое усердіе ханжей-фанатиковъ. Тотъ и другой равно противорѣчатъ нашимъ принципамъ, характерамъ и здравому смыслу... Различіе мнѣній въ родственныхъ умахъ такъ-же мало удивляетъ меня, какъ различіе плодовъ, которые производитъ та-же почва; я не считаю ни менѣе просвѣщенными, ни менѣе разумными и достойными уваженія тѣхъ, которые расходятся со мной во взглядахъ; они видятъ все въ иномъ, быть можетъ, лучшемъ свѣтѣ: я терпѣливо ожидаю, чтобы тотъ же лучъ свѣта озарилъ меня».

Иногда, въ тяжелыя минуты жизни, въ ней и теперь проскальзываетъ сожалѣніе объ утраченной вѣрѣ и стремленіе возвратиться къ ней.—«Отрадныя стороны твоего образа мыслей понятны мнѣ», пишетъ она Софи 16 іюля 1776 года: «я сознаю, какое удовлетвореніе долженъ испытывать истинный христіанинъ. Какія высокія цѣли! Какія возвышенныя надежды!.. Еслибы я могла перестать мыслить и сохранить только способность чувствовать,—я-бы тотчасъ сдѣлалась благочестивой... Увы! какъ прискорбно, что чувства не могутъ служить доказательствами!»—«Надо любить, и, какъ химера, та, которую ты избрала, быть можетъ, лучше всякой другой!» (Письмо 25 августа 1776 г.).

«Письмо ваше», пишетъ она обѣимъ сестрамъ 19 сентября 1776 года», указываетъ, главнымъ образомъ, на утѣшенія, представляемыя религіозной вѣрой; вы желаете моего обращенія: время, друзья мои, творитъ чудеса; весьма возможно, что мои взгляды измѣнятся, и я не удивлюсь этому измѣненію, если оно случится. Для этого нуженъ лишь переворотъ, который привелъ бы всю мою нервную систему въ прежнее состояніе».

Изъ переписки очевидно, что образъ мыслей Manon, помимо ея воли, оказывалъ, до извѣстной степени, вліяніе и на взгляды ея друзей, особенно старшей сестры, Генріэтты, болѣе живой, воспріимчивой и разносторонней. Въ письмѣ къ Генріэттѣ, 13 ноября 1776 года, отвѣчая на нѣкоторые ея вопросы, Manon убѣждаетъ ее самостоятельно разрѣшать свои сомнѣнія и не увлекаться посторонними вліяніями.—«Спроси свое сердце», говоритъ она, — «это лучшій путеводитель. Къ кому обращаешься ты за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній? Ко мнѣ, скептику, не отрицающему аргумента ни за, ни противъ. Мой жребій брошенъ, я стала разсуждать, искать,—и разсуждать, и искать я буду вѣчно. Я начертала для себя правила поведенія и нахожу, что счастье въ меньшей степени зависитъ отъ взглядовъ, чѣмъ отъ характера. Умѣренность, ровность, постоянство—вотъ вѣрныя средства сохранить душевный миръ. Если разумъ управляетъ твоими способностями, если любовь къ ближнимъ наполняетъ твое сердце и руководитъ твоими дѣйствіями, — ты будешь спокойна и довольна... Надо имѣть страсть къ критическому анализу, чтобы не воспринять вѣрованій, которыя совпадаютъ съ нашими интересами и, отчасти опираются на разумъ. Не думай найти легкій путь въ сферахъ метафизики: это—страна гипотезъ, химеръ и утонченныхъ премудростей; истина проявляется въ ней лишь мимолетно, подобно молніи, озаряющей на мгновеніе, чтобы вновь уступить мѣсто глубокому мраку... Оставайтесь, друзья мои, на лонѣ вашихъ вѣрованій. Мудрые и довольные, вы счастливо будете проводить дни вашей жизни... Что касается до меня... я покидаю васъ; увлеченная въ далекія, чуждыя страны, когда-нибудь я подѣлюсь съ вами плодомъ моихъ странствованій. Бездѣйствіе губитъ меня: дѣятельность моя развивается и находитъ удовлетвореніе въ этихъ постоянныхъ перемѣщеніяхъ; оставляю васъ въ убѣжищѣ, созданномъ не для меня».

«Я предпочитаю вѣчно оставаться въ скептицизмѣ, чѣмъ примиряться съ столькими противорѣчіями», пишетъ она Софи 30 ноября 1776 г.

...«Я никогда не повѣрю, что дважды два не равняется четыремъ, еслибы даже весь Олимпъ сталъ увѣрять меня въ противномъ... Я всегда отброшу все, что противорѣчитъ моему разуму. Чѣмъ болѣе я думаю объ этихъ вопросахъ, тѣмъ болѣе я вижу, что все подвержено оспариванію; судьей въ нихъ должно быть сердце, я это ясно сознаю. И сердце мое разрѣшитъ сомнѣнія,

когда умъ, утомленный долгими изысканіями, будетъ въ состояніи лишь повиноваться: я возвращусь тогда къ первоначальнымъ идеямъ, воспринятымъ въ дѣтствѣ; но въ настоящее время не въ моей власти вѣрить: я разсуждаю вопреки собственной волѣ, и сомнѣніе увлекаетъ меня все дальше и дальше... При настоящемъ моемъ образѣ мыслей, мнѣ, конечно, столь же легко вѣрить съ католиками въ догматъ пресуществленія, какъ въ первородный грѣхъ съ протестантами; но разсмотрѣніе этихъ споровъ является для меня новымъ доказательствомъ, что можно думать различно и, повидимому, съ равной правотой». (29 января 1777 г.).

Какъ видно изъ переписки, не одни друзья осаждали Манон убѣжденіями и упреками по отношенію къ ея религіознымъ воззрѣніямъ: общество, въ которомъ она вращалась, какъ водится, нетерпимо относившееся къ проявленію всякой самостоятельности во взглядахъ, въ свою очередь, явилось судьей ея и обвинителемъ. Такое положеніе, при самостоятельности и независимости ея характера, при свойственной ей гуманности и терпимости,—должно было отзываться вдвойнѣ тягостнѣе.

«Ничто не можетъ быть противнѣе моимъ принципамъ, какъ задѣвать убѣжденія ближнихъ», пишетъ она обѣимъ сестрамъ 15 марта 1777 года, «но, вслѣдствіе свойственной мнѣ откровенности, меня слишкомъ легко понять. За мною слѣдятъ, мнѣ читаютъ нотаціи лица, предъ которыми я, кажется, никогда ни высказывалась... Ближніе мои требуютъ, чтобы я мыслила такъ-же, какъ они; что же, я готова,—во всемъ, что не можетъ вредить ни мнѣ, ни другимъ. Я буду говорить и дѣйствовать такъ-же, какъ они,—хотѣла бы не расходиться съ ними и въ вѣрованіяхъ... Я никогда не шла далѣе сомнѣнія, и, временами, я постоянно возвращалась къ нему; искренняя въ своемъ скептицизмѣ, я терпимо отношусь къ своимъ ближнимъ и, въ сношеніяхъ съ ними, не хотѣла бы задѣвать ихъ и отпугивать своимъ образомъ мыслей».—«Не думай», пишетъ она въ другомъ письмѣ Софи (20 марта 1777 года), «что, держась иныхъ взглядовъ, я смѣюсь надъ тѣми, кто во всемъ слѣдуетъ предписаніямъ католической церкви; нравственное ученіе ея достойно глубокаго уваженія... Я увѣрена, что никто не убѣжденъ въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ такъ, какъ въ истинѣ геометрической пропорціи; но человѣкъ вѣритъ въ нихъ по внутреннему чувству, хотя не однородному, но такъ-же могущественному, какъ геометрическое свидѣтельство... Чувство это есть то, что одни называютъ плодомъ благодати, другіе—результатомъ обстоя-

тельствъ и сложнаго сочетанія различныхъ впечатлѣній—воспитанія, темперамента и т. д. Въ томъ и другомъ случаѣ, чувство это не зависитъ отъ насъ».

И какъ ни заманчива тихая пристань, куда призываетъ ее Софи, она сознаетъ, что не создана для нея: трагизмъ положенія ея состоитъ въ томъ, что она чувствуетъ потребность вѣры, и не въ состояніи отрѣшиться отъ раціоналистической точки зрѣнія. Въ тремленіи найти точку опоры—твердую почву, она обращается къ поддержкѣ нравственныхъ принциповъ.—«Софи права», пишетъ она, «говоря, что я не имѣю утѣшеній и поддержки религіи... Но если я лишена ея опоры, меня нельзя назвать вполнѣ невѣрующей... Въ этомъ колеблющемся состояніи я привязываюсь къ добродѣтели съ упорствомъ человѣка, который, въ минуту крушенія, всѣми силами ухватывается за единственную доску, которая представляется для его спасенія Положеніе мое въ томъ лишь расходится съ положеніемъ человѣка, тонущаго въ морѣ, что онъ находится въ постоянномъ напряженіи и страхѣ, безпрерывно борясь съ волнами, тогда какъ я, болѣе спокойная, безъ страха и утомленія отдаюсь теченію ихъ... Я желаю совершенствоваться въ своихъ воззрѣніяхъ; но если свѣтъ не озарилъ меня, я обойдусь безъ него, какъ и безъ многаго другого; и сердце мое служитъ порукой, что никогда я не буду говорить и думать, какъ Брутъ на Филиппскомъ полѣ. Нѣтъ—добродѣтель существуетъ не по одному лишь названію; счастливъ, кто можетъ увлекаться ею, и до конца жизни своей сохранить это увлеченіе». (16 января 1777 года). — «Еслибы я родилась среди народа деистовъ», говоритъ она въ другомъ письмѣ къ Софи (18 мая 1777 года), «я несомнѣнно примкнула бы къ общимъ вѣрованіямъ; но разныя таинства, которыми обременяли мой разумъ, возбудили въ немъ сомнѣнія, которыя не возникли бы, еслибъ не приходилось такъ многое принимать на вѣру. Я увлеклась вопросами о духовности и безсмертіи души, божественной сущности; и мнѣ показалось, что самые ученые представители человѣчества идутъ съ повязкой на глазахъ, толкая другъ друга по пути, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что они дѣлаютъ. Я не надѣялась видѣть лучше ихъ: я обратилась къ самой себѣ, къ своимъ собственнымъ дѣйствіямъ; пыталась заслужить лишь свое собственное уваженіе и найти удовлетвореніе въ счастьи ближнихъ. Чѣмъ болѣе сосредоточиваешься въ личномъ интересѣ, тѣмъ болѣе ограничиваешь кругъ своихъ наслажденій и обостряешь свои собственныя горести: чтобы быть

довольнымъ и счастливымъ, надо жить для другихъ.... Я не желаю кому бы то ни было внушить мой скептицизмъ: для любящаго сердца вѣра въ провидѣніе является новымъ источникомъ утѣшеній. Въ низшемъ разрядѣ умовъ, на которые я могла бы имѣть вліяніе, я постаралась бы воспитать эту вѣру, возвысить ее, очистить и утвердить; въ моихъ глазахъ ревнивые философы, такъ горько проповѣдующіе противъ того, что они называютъ заблужденіемъ, походятъ на завистливыхъ старцевъ, которые желали бы помѣшать молодежи пользоваться свойственными ей отрадами» (18 мая 1777 года).

По собственному ея признанію, въ отношеніи Manon къ религіознымъ вѣрованіямъ такъ-же, какъ и ко многимъ другимъ вопросамъ, значительную роль играло чувство, настроеніе, минутное впечатлѣніе. «Ты справедливо замѣчаешь», пишетъ она Софи, «что предметы трогаютъ меня, главнымъ образомъ, посредствомъ сердца, и производятъ на меня болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ на тебя... Когда я вхожу въ церковь, гдѣ совершается божественная литургія,—зрѣлище внимательной толпы, пѣніе гимновъ, запахъ ѳиміама охватываютъ мои чувства и сердце; воображеніе мое воспламеняется, и я дѣлаюсь набожной. Соотвѣтственно впечатлѣніямъ и идеямъ, занимающимъ меня въ данную минуту, я поочереди бываю скептикомъ въ кабинетѣ и вѣрующей въ храмѣ.— Въ проповѣдяхъ Бурдалу я уже встрѣчала нѣкогда аргументъ, на которомъ ты настаиваешь, — что въ сомнѣніи надо избирать наиболѣе вѣрный путь; Паскаль тоже прибѣгаетъ къ этому доводу,—и тотъ же мотивъ повліялъ, кажется, и на блаженнаго Августина... Но любовь и вѣра не даются по принужденію... Я готова, отвѣчая твоему уподобленію, подняться на возвышенную гору, куда ты призываешь меня; но не отъ меня зависитъ видѣть тѣ же предметы, которые доступны твоему взору. Люди, страдающіе желтухой, говорятъ, все видятъ въ желтомъ цвѣтѣ: можно, конечно, сожалѣть о нихъ, но не порицать ихъ. — Въ сомнѣніи человѣкъ долженъ жить такъ, какъ еслибы онъ твердо вѣрилъ».

Мы намѣренно подробно остановились на перепискѣ Manon за 1776—77 гг., такъ какъ въ ней выясняется образъ мыслей, на которомъ она должна была окончательно остановиться. Раціоналистическія идеи, воспринятыя отъ современныхъ писателей-просвѣтителей, подъ впечатлѣніемъ минутнаго настроенія, смѣнялись мечтаніями, идеалистическими пареніями: и въ ней такъ-же, какъ въ ея современникахъ, разумъ нашелъ могущественнаго соперника въ идеализмѣ чувства, сердца.

Изъ писемъ ея мы видимъ, что она примирилась, постепенно, съ этимъ состояніемъ раздвоенности между разумомъ и сердцемъ. Тѣмъ не менѣе, оно не могло дать ей того полнаго нравственнаго удовлетворенія, къ которому она стремилась. Удовлетвореніе это она искала и пыталась найти то въ отвлеченныхъ научныхъ интересахъ, то въ сферѣ внутренняго самосознанія. Въ періодъ 1776—78 гг.,—періодъ тяжелыхъ нравственныхъ испытаній,—она, съ свойственнымъ ей рвеніемъ и страстностью, бросается къ усиленной умственной дѣятельности.

«Я все ищу въ научныхъ занятіяхъ утѣшенія въ своихъ горестяхъ», пишетъ она Софи (3-го августа 1776 г.). «Иногда я испытываю горячку воображенія, побуждающую меня заниматься самыми разнородными предметами: такъ, набросавши на бумагѣ нѣсколько смѣлыхъ философскихъ размышленій, у меня явилась фантазія сочинить проповѣдь».

«Я читала изслѣдованіе Пау о египтянахъ и китайцахъ; когда-нибудь я пришлю тебѣ выписки. Мозгъ мой кипитъ, какъ растопленный воскъ; я бѣшусь на кратковременность дня: я хотѣла-бы быть одной, гдѣ-нибудь подальше, чтобы хоть разъ имѣть возможность вдоволь помечтать и переработаться». (29-го октября 1776 г.).

«Усиленныя научныя занятія необходимы мнѣ», говоритъ она въ другомъ письмѣ (2-го октября 1776 г.),—«хотя они и вредно отражаются на моемъ здоровьѣ; занятія эти для меня—тотъ-же опіумъ: я подчиняю сердце свое уму, чтобы послѣдній не подвергся тирраніи перваго»...

«Въ настоящее время, изъ всѣхъ научныхъ предметовъ, физика и естественная исторія всего болѣе могли-бы удовлетворить мою любознательность: это основы истинныхъ знаній; но, но... зачѣмъ я родилась женщиной [1])?»

Страстное стремленіе къ знанію и отзывчивость на всѣ серьезные жизненные вопросы—являются для нея источникомъ не однихъ наслажденій, но и страданій: отсутствіе необходимой подготовки, неблагопріятныя условія для избранія самостоятельнаго образа жизни, зависимость отъ общественнаго мнѣнія и общественныхъ предразсудковъ—мѣшаютъ ей удовлетворить этимъ стремленіямъ; и сознаніе своей безпомощности, изолированности среди окружающаго міра,—минутами, доводитъ ее до отчаянія. «Я чувствую

[1]) Письмо къ Софи отъ 1-го сентября 1776 г.

потребность уединенія и серьезныхъ занятій», пишетъ она Софи 5-го февраля 1776 г.; «я хочу доставлять пищу сердцу, развивая умъ. Въ настоящую минуту, мнѣ необходимо руководство и совѣты. Буаморель могъ-бы помочь мнѣ... Онъ предложилъ мнѣ заниматься латинскимъ языкомъ,—но всѣ мои домашнія дѣла стали мнѣ поперекъ дороги. Что дѣлать одной, безъ всякой помощи... По истинѣ, мнѣ страшно надоѣло быть женщиной: я должна была родиться съ другими природными свойствами, или другого пола, или въ иномъ вѣкѣ. Мнѣ слѣдовало быть спартанкой, или римлянкой, или, по крайней мѣрѣ, — французомъ. Какъ французъ, я избрала-бы своимъ отечествомъ одну изъ тѣхъ республикъ, гдѣ можно быть человѣкомъ и повиноваться однимъ лишь законамъ. Досада моя можетъ показаться смѣшной и странной; но я чувствую себя связанной несвойственнымъ мнѣ положеніемъ. Я испытываю состояніе животныхъ тропической Африки, перевезенныхъ въ наши звѣринцы и принужденныхъ, въ самомъ тѣсномъ пространствѣ, сдерживать свойства, которыя должны были развиться въ счастливомъ климатѣ, съ силой природы свободной и мощной. Оковы общественнаго мнѣнія, цѣпи предразсудковъ—со всѣхъ сторонъ связываютъ умъ мой и сердце; и всѣ силы мои истощаются въ тщетной борьбѣ съ ними. О свобода! идолъ людей сильныхъ, энергичныхъ, пища добродѣтели,—для меня ты существуешь лишь по названію! Къ чему мой энтузіазмъ къ общественному благу, если я не въ состояніи чего-либо сдѣлать для него!»...

«Мнѣ необходимы были-бы постоянныя научныя занятія», говоритъ она въ другомъ письмѣ къ Софи (11-го декабря 1886 г.),— «и руководство, чтобы распространять и разнообразить эти занятія: у меня ничего нѣтъ; я никогда ничего хорошаго не сдѣлаю и навсегда останусь ничтожнымъ, изувѣченнымъ, оторваннымъ существомъ,—существомъ, не похожимъ на себѣ подобныхъ, и потому непріятнымъ для нихъ и, въ то же время, не имѣющимъ необходимыхъ познаній, чтобы возвыситься до уровня другихъ. Я чувствую себя совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ».

Сознаніе это подрывало ея силы и энергію; она лихорадочно бросалась въ самыя разнообразныя отрасли знаній, — въ исторію, метафизику, философію, естественныя науки.—«Я похожу нѣсколько на прожектеровъ, которые вѣчно составляютъ проекты и никогда не приводятъ ихъ въ исполненіе», пишетъ она Софи (14-го января 1777 г.). «Я начала академическую рѣчь—предпріятіе не легкое;

я набросала метафизическую диссертацію; въ головѣ моей складывается планъ небольшого философскаго романа; умъ мой переходитъ отъ одного предмета къ другому, поочереди лелѣетъ ихъ, также скоро ихъ забываетъ и—ничего не созидаетъ!»

Между небольшими литературными опытами ея, въ эту эпоху, заслуживаетъ вниманія рѣчь, написанная на тему, заданную академіей наукъ,—«какъ образованіе женщинъ можетъ способствовать совершенствованію мужчинъ?»—Рѣчь эта, сама по себѣ, не отличается оригинальностью и глубиной мысли, такъ-же, какъ литературнымъ талантомъ, характеризующимъ ея письма и мелкіе очерки, извѣстные подъ названіемъ «Досуги» («Loisirs»). Тѣмъ не менѣе, нельзя не обратить вниманія на самый фактъ увлеченія ея этимъ вопросомъ: мы видимъ въ немъ новое доказательство необыкновенной отзывчивости ея ко всѣмъ серьезнымъ жизненнымъ интересамъ.

«Ты бы очень удивилась», пишетъ она Софи, 21 іюня 1777 года, «еслибы, въ отвѣтъ на твои шутки, я прислала тебѣ, черезъ нѣсколько времени, академическій вѣнокъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ руки мои случайно попалъ одинъ журналъ, гдѣ я встрѣтила объявленіе Безансонской академіи, предлагающей тему—«какъ образованіе женщинъ можетъ способствовать совершенствованію мужчинъ?»—Тема эта поразила меня; я стала обдумывать ее и, среди всѣхъ моихъ тревогъ и волненій, написала небольшую рѣчь. Никому не сказавши объ этомъ ни слова, я послала ее въ отвѣтъ въ академію,—подъ псевдонимомъ, который я сохраню во всякомъ случаѣ. Не знаю рѣшеніе академіи, и не имѣю большой надежды на успѣхъ; литературный міръ былъ бы слишкомъ бѣденъ, еслибъ не нашлось рѣчи лучше моей».

По содержанію, статья эта, какъ уже было замѣчено, не представляетъ особеннаго интереса. Это частью,—общія мѣста, заимствованныя изъ современныхъ сочиненій, выраженныя нѣсколько напыщенно, въ сентиментально-риторическомъ стилѣ XVIII вѣка; частью—выраженіе субъективнаго чувства, правда, симпатичнаго, но не совсѣмъ умѣстнаго въ ученомъ трактатѣ. Послѣ минутнаго увлеченія, она сама чистосердечно сознается въ несостоятельности своей работы, и подвергаетъ ее строгой критикѣ. «Еслибы не мое безразсудство», пишетъ она Софи, «я бы, конечно, не послала этой рѣчи въ академію: она не можетъ обратить на себя ни малѣйшаго вниманія... Въ ней много недоказанныхъ положеній, особенно въ первой части, и, въ общемъ, она не отвѣчаетъ, какъ слѣдуетъ,

на предложенный вопросъ... Доказывать, что люди будутъ лучше, когда развитыя женщины будутъ имѣть на нихъ благотворное вліяніе—весьма легко; это не новость,—самый ограниченный умъ можетъ утверждать это положеніе... Слѣдовало начать съ характеристики современныхъ нравовъ, затѣмъ—разсмотрѣть средства ихъ совершенствованія, и, наконецъ, принципы, которые, сообразно нашимъ способностямъ, должны лежать въ основѣ образованія женщинъ... Все это я уразумѣла—увы!—слишкомъ поздно, два дня послѣ того, какъ послала свою рѣчь въ академію».

Изъ мелкихъ литературныхъ опытовъ, такъ-же какъ изъ переписки, мы видимъ, что ни одно явленіе въ литературномъ и научномъ мірѣ, такъ-же какъ ни одно событіе въ области политической и соціальной,—не проходили для нея безслѣдно: она все близко принимала къ сердцу, ко всему относилась сугорячимъ, живымъ участіемъ. Только рѣдкими минутами, обстоятельства личной жизни всецѣло захватывали ее и временно отрывали отъ разносторонихъ жизненныхъ интересовъ.

Напряженная дѣятельность въ эти минуты смѣнялась состояніемъ пассивнаго бездѣйствія, глубокой апатіи. — «Послѣдніе дни», пишетъ она Софи 24 декабря 1776 года,—«мнѣ все хочется плакать... меланхолія захватываетъ меня: если не совершится со мной перелома, я заболѣю... Отдыхъ повредилъ мнѣ: усиленное прилежаніе, кипучая дѣятельность — напрягаетъ во мнѣ всѣ жизненные нервы и облегчаетъ движеніе механизма. Я должна удовлетворять сердце, или упражнять умъ; увы! — первое для меня часто невозможно».

«Я плыву теперь на всѣхъ парусахъ», говоритъ она въ другомъ письмѣ (28 декабря 1766 года), «но я не умѣю грести... Я уже не рѣшаюсь кричать — «земля, земля!» — даже когда обстоятельства, повидимому, благопріятствуютъ мнѣ. Вершины скалъ и пловучіе острова я слишкомъ часто принимала за вѣрное прибѣжище».

ГЛАВА VII.

Обстановка семейной жизни. — Отношеніе къ отцу. — Временное удаленіе въ монастырь.—Охлажденіе въ отношеніяхъ къ Софи Каннэ.—Замужество.

1776 и 77 годы были тяжелымъ періодомъ въ жизни Manon,—не только вслѣдствіе сердечныхъ разочарованій, кончившихся разрывомъ съ Лабланшери, но и вслѣдствіе обстоятельствъ ея семейной жизни.—Г-нъ Флипонъ, и прежде не отличавшійся семейными добродѣтелями, овдовѣвъ, все болѣе отдалялся отъ дочери, предпочитая ея обществу различнаго рода развлеченія.

Всѣ попытки Manon повліять на него, — всѣ ея убѣжденія и мольбы,—являлись лишь поводомъ раздора и непріятныхъ столкновеній. Печальная обстановка семейной жизни тяжело отзывалась на нравственномъ состояніи Manon. По мѣрѣ того, какъ отношенія съ отцомъ обострялись, настроеніе духа ея принимало все болѣе пессимистическій оттѣнокъ. — «Я имѣю успѣхъ въ обществѣ», говоритъ она въ письмѣ къ сестрамъ Каннэ (23 мая, 1777 г.), «но успѣхъ этотъ мало радуетъ меня... Я была недавно въ кругу общества, гдѣ встрѣтила нѣсколько лицъ, достойныхъ уваженія... Мнѣ отрадно было сознавать, какъ не похожи они на тѣ лица, съ которыми я связана по своему положенію. Теперь я опять дома, среди всѣхъ своихъ печалей и различнаго рода затрудненій... Тяжело мнѣ на душѣ, я проплакала нѣсколько часовъ, чувствуя себя не въ силахъ чѣмъ-либо заняться. Два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ я потеряла мою мать; я вижу её каждую ночь во снѣ: о, еслибы я могла быть съ ней! Жизнь кажется мнѣ выносимой лишь въ виду ея кратковременности».—Въ минуту отчаянія, не видя иного выхода изъ тягостнаго семейнаго положенія, она почти готова была возвратиться къ завѣтной мечтѣ своего дѣтства—удалиться отъ свѣта въ монастырь.—«Несмотря на мое невѣріе», пишетъ она Софи, 23 мая 1777 года, «не смотря на презрѣніе, съ которымъ я отношусь къ монашеской жизни, и состраданіе, которое внушаютъ мнѣ жертвы ея, прозябающія въ сѣни монастыря,—я почти готова вступить въ эту жизнь. Связанная тысячью оковъ, я могу лишь этимъ способомъ возвратить отцу свободу, добродѣтель, счастье. Тогда, освобожденный отъ стѣсненій, которыя причиняетъ ему мое присутствіе въ его домѣ,—

онъ найдетъ въ новомъ бракѣ то счастье, къ которому онъ стремится [1])... Жертва эта не столь тяжела, какъ отдать мою руку и сердце человѣку обыкновеннаго уровня. Между тѣмъ, я съ горестью предвижу, что именно эту послѣднюю, ужасную жертву,— я должна буду принести. Это можетъ показаться страннымъ и несообразнымъ: подобныя рѣшенія, скажутъ, вѣроятно, — всегда принимаются свободно, по доброй волѣ; но нѣтъ,—мы не всегда свободны! Иногда, сцѣпленіемъ обстоятельствъ, встрѣчается въ жизни неумолимая необходимость, которая управляетъ нами и увлекаетъ насъ».

Для избѣжанія окончательнаго раззоренія, она пыталась добиться составленія описи, которая оградила бы отъ растраты небольшое состояніе, доставшееся ей отъ матери; но родные, къ которымъ она обращалась, при этомъ, за поддержкой, отвѣчали ей лишь выраженіемъ пассивнаго сочувствія. Между тѣмъ, отношенія съ отцомъ принимали все болѣе обостренный характеръ. «Жизнь стала мнѣ въ тягость», пишетъ она Софи, 24 іюля 1777 года. ...«Я не чувствую ненависти къ людямъ, но ихъ образъ дѣйствій возстановляетъ меня противъ нихъ: я желала бы уединенія или смерти. Значеніе соціальныхъ связей уменьшается въ моихъ глазахъ. Первая, самая тѣсная связь, установленная самой природой, доставляетъ мнѣ одно лишь горе. Отецъ втайнѣ ненавидитъ меня... Съ той минуты, какъ я сдѣлалась свидѣтельницей его разврата, и потребовала приведенія въ порядокъ денежныхъ дѣлъ,—онъ отнесся ко мнѣ, какъ къ дочери неблагодарной и безчеловѣчной»...

Но, несмотря на всѣ тяжелыя впечатлѣнія семейной жизни,— несмотря на окончательное разореніе, быть можетъ,—безчестье, грозившія отцу ея,—она не падала духомъ: минуты отчаянія смѣнялись бодрымъ, спокойнымъ настроеніемъ, сила и энергія характера вскорѣ одерживали верхъ.—«Въ послѣдній разъ я писала тебѣ въ состояніи полнаго нравственнаго изнеможенія», говоритъ

[1]) Въ другомъ письмѣ къ Софи (20 декабря 1777 года), m-lle Phlipon намекаетъ, почему присутствіе ея въ домѣ отца являлось для него помѣхой и стѣсненіемъ: «Я не только не опасаюсь, чтобы отецъ мой не вступилъ вторично въ бракъ», пишетъ Manon, — «но даже принуждена желать этого ради его блага: болѣе того, я уговаривала его жениться, но встрѣтила въ отвѣтъ лишь холодный отпоръ. Я убѣждена, что пока я съ нимъ, онъ никогда не женится, изъ страха возстановить противъ себя дядю, который очень меня любитъ, и лишиться его наслѣдства».

она въ письмѣ къ Софи, 28 іюля 1777 г.. «Я чувствовала себя совсѣмъ уничтоженной... Но продолжительность отчаянія и всѣхъ другихъ ощущеній—обратно пропорціональна ихъ силѣ; это бурные потоки, которые въ мгновеніе ока возносятъ насъ изъ глубины пучины на поверхность ея... Какой-то богъ вложилъ въ мою душу принципъ счастья, который вѣчно возрождается и развивается, не смотря на удары судьбы». —«Предвидѣніе несчастья придало новую силу душѣ моей», говоритъ она въ другомъ письмѣ (12 октября 1776 г.): «я узнала еще одно наслажденіе—сознавать себя выше обстоятельствъ жизни; и въ наслажденіи этомъ много отраднаго»... «Я чувствую, что никогда не буду вполнѣ несчастна, даже въ самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ: я выше превратностей судьбы; горе можетъ заставить меня проливать слезы, но есть радости, которыя оно не въ состояніи отнять у меня». (Письмо къ сестрамъ Каннэ, 21 іюня 1777 г.).

Ко всѣмъ семейнымъ невзгодамъ присоединялись постоянныя столкновенія по поводу проектовъ брака. Г-нъ Флипонъ, видя въ дочери докучнаго и стѣснительнаго цензора, всѣми средствами старался избавиться отъ нея, выдавши ее замужъ. Этому постоянному вмѣшательству въ ея личную жизнь молодая дѣвушка противуставляла спокойный, твердый отпоръ, но безпрерывная борьба, необходимость прибѣгать къ уловкамъ и хитрости—производили на нее самое тягостное впечатлѣніе. Она ясно сознавала, что замужество было-бы для нея самой желательной развязкой; но окружающая среда, попрежнему, не представляла ей никого, кто могъ-бы удовлетворить ея требованіямъ. Она полу-шутя, полусерьезно высказываетъ свой взглядъ на этотъ вопросъ, въ письмѣ къ Софи, 5-го апрѣля 1777 г.

«Отъ 14-ти до 16 ти лѣтъ», говоритъ она, «я мечтала о благовоспитанномъ мужѣ; отъ 16-ти до 18-ти лѣтъ,—о мужѣ съ высокимъ умственнымъ развитіемъ; начиная съ 18-ти лѣтъ, я мечтаю о философѣ—въ истинномъ значеніи этого слова. Такимъ образомъ, если я буду постепенно увеличивать свои требованія, въ 30 лѣтъ меня удовлетворитъ лишь ангелъ въ человѣческомъ образѣ. Кто знаетъ, впрочемъ,—быть можетъ, я приду, въ концѣ концовъ,—къ полному отвращенію по отношенію къ человѣческому роду? Быть можетъ, когда-нибудь ты удивишься, услышавши отъ меня признаніе въ любви къ какой-нибудь воздушной субстанціи, или къ какому-нибудь водяному генію; быть можетъ, когда-нибудь ты увидишь меня вмѣстѣ съ кабалистами, преданной изысканію

волшебнаго порошка, облегчающаго мудрецамъ общеніе съ существами высшаго разряда».

Въ словахъ этихъ, звучащихъ шуткой, заключалась, въ то же время, и доля глубокой правды. Природная страстность въ этой многосторонней и богатой натурѣ соединялась съ наклонностью къ крайнему идеализму. Въ эпоху, къ которой относятся вышеприведенныя письма, подъ вліяніемъ безотраднаго семейнаго положенія и въ предвидѣніи еще большихъ несчастій въ будущемъ,—она мечтала, одно время, о фантастическомъ, идеальномъ бракѣ: въ конфиденціальномъ письмѣ къ Софи (17 февраля 1777 г.), Манон сообщаетъ о своемъ намѣреніи выйти замужъ за человѣка болѣе чѣмъ вдвое старше ея, къ которому она относится лишь съ чувствомъ дружескаго уваженія, и который, въ свою очередь, по семейнымъ соображеніямъ, можетъ предложить ей лишь фиктивный бракъ. Мечтатель-идеалистъ, вмѣстѣ съ ней строившій планы совмѣстной жизни, чуждой всякой личной любви, былъ ея другъ-философъ Севелэнжъ.

«Я уже, кажется, описывала тебѣ этого человѣка, въ высшей степени чувствительнаго, мягкаго, съ наклонностью къ меланхоліи, съ умомъ просвѣщеннымъ, мечтательнаго склада»,—такъ отзывается о немъ Манон въ письмѣ къ Софи (17 февраля 1777 года). «У него характеръ довѣрчивый, хотя, внѣ дружескихъ отношеній, не чуждый нѣкоторой сдержанности и робости,—той робости, которая не исключаетъ силы характера и великодушіе... Я вижу въ немъ всѣ личныя качества, которыя могла-бы только желать. Съ своей стороны, онъ проникнутъ уваженіемъ ко мнѣ и убѣжденъ, что я необходима для его счастья... Привлекательность жизни, освѣщенной тѣсной дружбой, противоположной той, которую я влачу въ настоящее время,—все, повидимому, должно увеличить цѣну жертвы, которую предписываетъ мнѣ долгъ. Большая часть состоянія Севелэнжа принадлежитъ первой женѣ его; слѣдовательно, вторая жена лишила бы его сыновей состоянія, которое принадлежитъ имъ по справедливости... Поэтому, Севелэнжъ рѣшилъ, подъ именемъ жены, пріобрѣсти себѣ сестру—друга.

Я одобряю намѣреніе, которое разумъ мой оправдываетъ, и которое дѣлаетъ честь намъ обоимъ... Мои чувства, положеніе, все, что окружаетъ меня — поневолѣ располагаютъ меня къ безбрачію; слѣдовательно, я ничего не измѣняю въ положеніи, созданномъ обстоятельствами; по крайней мѣрѣ, я буду въ состояніи способствовать счастью человѣка, котораго глубоко уважаю.

Но безбрачіе въ бракѣ!.. Я знаю все, что богословы и казуисты наговорили бы по этому поводу; но я отрицаю авторитетъ ихъ, и признаю лишь голосъ моей совѣсти... Ничего нѣтъ отраднѣе, въ моихъ глазахъ, какъ такое полное самопожертвованіе чувству дружбы.. Можешь-ли представить себѣ болѣе чистое наслажденіе, какъ всецѣло посвятить себя счастью чувствительнаго человѣка»!..

Фантастическіе эти проекты должны были остаться въ области идеальныхъ мечтаній. Изъ «Мемуаровъ» и писемъ Manon къ Софи Каннэ мы узнаемъ, что, послѣ продолжительной переписки съ Севелэнжомъ, между ними послѣдовали недоразумѣнія и временное охлажденіе съ его стороны.—«Болѣе полугода», разсказываетъ г-жа Роланъ въ своихъ воспоминаніяхъ (IV Т. р. 84), «прошло въ этомъ постоянномъ умственномъ общеніи... Севелэнжъ, повидимому, принималъ къ сердцу мое положеніе и скучалъ въ одиночествѣ; онъ много толковалъ о счастьи имѣть развитаго, мыслящаго друга; я сочувствовала ему, и мы много разсуждали по этому поводу. Не знаю, къ какому заключенію это привело его, но онъ предпринялъ однажды поѣздку въ Парижъ, и явился къ моему отцу инкогнито, какъ бы по дѣлу. Забавно, что сначала я его не узнала, хотя сама приняла его. Только оскорбленный видъ, съ которымъ онъ сталъ прощаться со мной, поразилъ меня и вызвалъ въ воспоминаніи черты Севелэнжа; по удаленіи его, я нашла, что незнакомый гость мой очень походилъ на него, и, по письмамъ его, я вскорѣ удостовѣрилась, что это, дѣйствительно, былъ не кто иной, какъ онъ. Эта странная выходка произвела на меня непріятное впечатлѣніе, которое я не могу опредѣлить; переписка наша замедлилась и, впослѣдствіи, совсѣмъ прекратилась».

Бракъ съ Севелэнжемъ, одно время, представлялся Manon якоремъ спасенія, желательной развязкой въ ея трудномъ положеніи. Всѣ другіе проекты брака, возникавшіе по иниціативѣ отца ея и другихъ родственниковъ, являлись лишь новымъ поводомъ для семейныхъ трагедій. Постоянныя эти столкновенія, утомленіе отъ безплодной борьбы,—приводили ее, подчасъ, къ отрицательному взгляду на жизнь; и она, по собственному признанію, такъ бодро и радостно относившаяся къ жизни, съ горечью говоритъ въ письмѣ къ Генріэттѣ Каннэ (29 марта 1778 года): «Я ненавидѣла бы человѣческій родъ, еслибъ ненависть могла найти мѣсто въ моемъ сердцѣ; убѣдившись въ шаткости прекрасныхъ химеръ, къ которымъ я стремилась, въ ложности многаго, что привлекало меня, по внѣшности; искусившись въ тяжелыхъ испытаніяхъ, — во

мнѣ остается лишь презрѣніе къ большинству людей, состраданіе ко многимъ изъ нихъ, дружеское отношеніе къ очень немногимъ, равнодушіе къ внѣшнимъ обстоятельствамъ жизни».

Къ личнымъ разочарованіямъ присоединились и болѣе общіе мотивы: весь строй жизни окружающаго ее міра представлялъ полное несоотвѣтствіе ея идеаламъ. «Заурядныя общества», говоритъ она въ письмѣ къ Софи (15 мая 1778 года), «я сравниваю съ періодическими изданіями, которыя называютъ журналами: это—собранія ничтожныхъ предметовъ, ничѣмъ не связанныхъ между собой... Я такъ-же мало придаю цѣны какъ тѣмъ, такъ и другимъ; разочарованіе мое простирается даже еще дальше: въ настоящее время, я такъ же мало нахожу интересныхъ книгъ, какъ людей, достойныхъ уваженія. Современная исторія представляетъ мнѣ лишь отталкивающія стороны: дѣйствующими лицами въ ней являются только злые люди или маріонетки. Ораторы и поэты, по большей части,—только болтуны и шарлатаны. Метафизика очищаетъ и мотивируетъ сомнѣніе, но далѣе его не ведетъ. Что же остается въ области науки? Естественная исторія и искусства. Въ нихъ я вижу еще много привлекательнаго; но, для серьознаго изученія ихъ, необходимы условія и средства, которыя трудно имѣть, особенно при ненавистныхъ оковахъ, связывающихъ насъ, женщинъ».

«Одно изъ самыхъ жестокихъ испытаній», говоритъ она въ другомъ письмѣ (14 апрѣля 1779 г.), «это быть окруженнымъ людьми ограниченными и презрѣнными... Адъ показался бы мнѣ страшнымъ лишь по дурному обществу, которое я могла бы въ немъ встрѣтить. Онъ не внушаетъ уже мнѣ страха, съ тѣхъ поръ, какъ вздумали помѣстить въ немъ столько великихъ и хорошихъ людей: я предпочитаю плакать вмѣстѣ съ ними, чѣмъ увеселяться въ обществѣ глупцовъ, которыхъ возвели въ противоположное обиталище».—Но даже и въ эти минуты полнаго разочарованія, бодрость и сила духа не покидали ее, и она говоритъ далѣе, въ томъ же письмѣ: «Несмотря на всѣ мои печали и горести, я не падаю духомъ и твердо надѣюсь никогда не быть несчастной, несмотря на все, что я предвижу въ будущемъ. Общественное мнѣніе не имѣетъ власти надо мной и не вліяетъ на мое счастье; потребности мои крайне ограничены, необходимость трудиться, чтобы удовлетворять ихъ, нимало не представляется мнѣ унизительной,.. Наконецъ, утѣшительное свидѣтельство моей совѣсти, мое собственное уваженіе—во всѣхъ жизненныхъ положеніяхъ доставитъ мнѣ счастье, миръ и спокойствіе».

Но чѣмъ далѣе, тѣмъ тяжелѣе дѣлались условія ея жизни. Послѣ неоднократныхъ примиреній, отношенія ея съ отцомъ стали принимать почти враждебный характеръ, при чемъ главной причиной столкновеній являлись денежныя обстоятельства.

Для огражденія отъ окончательнаго раззоренія, по требованію Manon и вопреки желанію отца ея, въ половинѣ 1777 года была составлена опись имущества, принадлежавшаго ей по наслѣдству отъ матери. Но опись не могла вполнѣ обезпечить неприкосновенность состоянія ея; поэтому, по достиженіи совершеннолѣтія, Manon потребовала отчета въ денежныхъ дѣлахъ и раздѣла. Этой мѣрой, необходимой въ виду безпорядочнаго образа жизни отца ея, она окончательно возстановила его противъ себя. Вслѣдъ за бурной семейной сценой, опять послѣдовало временное примиреніе, которое вскорѣ смѣнилось отношеніями еще болѣе натянутыми.— Въ письмахъ Manon осенью 1779 года отражается настроеніе ея, минутами доходившее до полнаго отчаянія. «Теперь», пишетъ она Софи (9 октября 1779 года), — «для твоего друга нѣтъ болѣе иллюзій... Добродѣтель, конечно, имѣетъ великое значеніе, такъ какъ она замѣняетъ всѣ прочія блага, и такъ какъ ни одно не оказывается прочнымъ безъ нея; но за исключеніемъ угрызеній совѣсти, она не избавляетъ ни отъ одного зла, и наоборотъ, повидимому, навлекаетъ ихъ. Непоколебимая скала среди бушующихъ волнъ—всегда являлась лишь химерической эмблемой въ глазахъ мудраго».

Вскорѣ послѣ этого письма, въ жизни Manon совершился важный переворотъ, который, въ перепискѣ ея съ Софи, не вполнѣ выясняется. Въ письмѣ 1-го ноября 1779 года, Manon сообщаетъ ей о своемъ намѣреніи разстаться съ отцомъ и поселиться въ монастырѣ конгрегаціи,—въ обители, встрѣтившей ее нѣкогда съ такимъ гостепріимствомъ и радушіемъ,—«Побужденія разума и осторожности, семейныя обстоятельства, здоровье мое, различныя другія соображенія», пишетъ она Софи,—«заставляютъ меня принять это рѣшеніе, чтобы спасти насъ обоихъ. Ты понимаешь, что изъ уваженія къ отцу, я не могу открывать эти мотивы постороннимъ, и не могу выяснить ихъ даже тебѣ, такъ какъ они въ зависимости отъ цѣлаго ряда другихъ обстоятельствъ» [1]).

---

[1]) «Жизнь», такъ заключаетъ она это письмо, — «является лишь сцѣпленіемъ разныхъ странностей. Люди, всегда достойные сожалѣнія, почти всѣ— или сумасшедшіе, питающіеся иллюзіями, или плуты, обманывающіе самихъ

Читая «мемуары» г-жи Роланъ, мы догадываемся, какого рода были обстоятельства, на которыя она намекаетъ. По возвращеніи изъ путешествія въ Италію, Роланъ сдѣлалъ ей предложеніе, на которое отецъ ея отвѣчалъ рѣзкимъ, категорическимъ отказомъ. Это было послѣдней каплей, переполнившей чашу терпѣнія, и Манон, во избѣжаніе дальнѣйшихъ столкновеній, рѣшилась разстаться съ отцомъ. Трудно сказать, насколько, въ данномъ случаѣ, играло роль личное отношеніе ея къ Ролану. Въ письмахъ къ сестрамъ Каннэ, она лишь вскользь упоминаетъ о немъ; правда, почти во всѣхъ ея отзывахъ и сужденіяхъ проглядываетъ уваженіе и сочувствіе къ его личности, — но и только. Да и едвали возможно предположить, съ ея стороны, присутствіе увлеченія. По свойствамъ характера, такъ-же какъ по внѣшнимъ качествамъ, трудно представить себѣ болѣе поразительный контрастъ, какъ между даровитой молодой дѣвушкой, живой и увлекающейся, въ полномъ расцвѣтѣ физическихъ и духовныхъ силъ,—и угрюмымъ, чопорнымъ педантомъ, преждевременно состарившимся, угловатымъ въ манерахъ, съ монотоннымъ, жесткимъ голосомъ, съ сухими, рѣзкими внѣшними пріемами [1]). При самомъ пылкомъ воображеніи, мудрено было

себя, болѣе заслуживающіе состраданія, чѣкъ ненависти; страсти—лишь веселая или опасная ложь,—заблужденіе, свойственное молодости; наука—суета суетъ,—забава для тѣхъ, которые не ставятъ ее выше ея стоимости».

[1]) Въ 1777 году Роланъ былъ командированъ правительствомъ въ Италію, съ цѣлью изучить французскую торговлю въ этомъ государствѣ, способы расширить ее и т. д. Отъ этого путешестія остался отзывъ о Роланѣ его товарища и помощника, Брюйара,—отзывъ, очевидно, нѣсколько пристрастный, но, тѣмъ не менѣе, довольно характерный—«Роланъ уроженецъ Виллефранша на Сонѣ, сынъ добрыхъ буржуа», пишетъ онъ знакомымъ (въ мартѣ 1777 г.),—«имѣетъ связи съ высшей аристократіей... Тѣмъ не менѣе, онъ хочетъ, чтобы я звалъ его по имени Біаса. На второй день нашего отъѣзда, онъ объявилъ мнѣ, что, во всѣхъ своихъ путешествіяхъ, онъ принималъ имя греческаго философа (Біаса), что подобное же названіе онъ давалъ своимъ товарищамъ по путешествію; при этомъ, онъ пожелалъ дать мнѣ именованіе Ѳалеса, подражая великимъ геніямъ, писавшимъ подъ заимствованными именами... Имя, которое онъ присвоилъ себѣ, подходитъ къ нему лишь въ одномъ отношеніи: подобно этому мудрецу, все его имущество находится при немъ—omnia mecum porto,—такъ какъ онъ распродалъ всѣ свои вещи и платья, чтобы быть въ состояніи предпринять это путешествіе. Но что подумаете вы о подобномъ мудрецѣ, который мечтаетъ, ни болѣе ни менѣе, какъ быть основателемъ и начальникомъ колоніи? Роланъ однажды въ разговорѣ сказалъ мнѣ, что еслибы судьба поставила его во главѣ правительства, онъ издалъ бы самые мудрые законы; что Ликургъ и Солонъ, знаменитые законодатели Аѳинъ, казались бы дѣтьми въ сравненіи съ нимъ... Онъ прибавилъ, что величайшее его желаніе было бы

увлечься Роланомъ; и въ отношеніи къ нему Manon романическій элементъ, очевидно, не игралъ никакой роли.

Въ письмахъ къ Софи она восхваляетъ его политическіе и нравственные принципы, безусловную честность, просвѣщенный умъ, разнообразіе и многосторонность его познаній, возвышающіе его надъ уровнемъ окружающей среды; но въ отзывахъ этихъ не замѣтно ни малѣйшаго увлеченія. По возвращеніи изъ путешествія въ Италіи, въ продолженіе котораго между ними поддерживалась постоянная переписка [1]), Роланъ сталъ часто бывать у нея, уже

объѣхать въ юности всѣ моря и быть избраннымъ начальникомъ и правителемъ какого-нибудь открытаго имъ острова; что онъ чувствуетъ призваніе къ законодательству, и что законы его всѣмъ міромъ были бы признаны наиболѣе справедливыми.—Какой прекрасный правитель! По крайней мѣрѣ, онъ установилъ бы строгій порядокъ въ финансахъ. Бережливость свою онъ доводитъ до того, что избѣгаетъ употребленія носовыхъ платковъ, изъ страха износить ихъ и для сокращенія расходовъ по стиркѣ».

[1]) «Подъ именемъ Біаса», говоритъ Брюйаръ въ письмѣ къ знакомымъ (осенью 1777 года), «Роланъ ведетъ постоянную переписку съ молодой дѣвушкой, m-lle Phlipon; онъ читалъ мнѣ многія ея письма; судя по нимъ, эта особа (очень умная, хотя экзальтированная), вздыхая о томъ, что родилась женщиной, тѣмъ не менѣе, не лишена нѣкоторыхъ слабостей своего пола. Философія Ролана не можетъ устоять противъ нея; но онъ въ то-же время увлеченъ талантами и красотой одной молодой вдовы въ Ливорно, съ которой онъ разстался съ большимъ сожалѣніемъ».

Изъ «писемъ» Ролана къ m-lle Phlipon мы узнаемъ, что увлеченіе, о которомъ упоминаетъ Брюйаръ, разсѣялось вслѣдствіе легкомысленности нравственныхъ воззрѣній вышеупомянутой особы. Въ отвѣтъ на нѣкоторые выраженные ею взгляды, онъ послалъ ей свое profession de foi, — небольшое разсужденіе, которое онъ сообщаетъ, между прочимъ, и Manon въ одномъ изъ своихъ «писемъ изъ Италіи». Разсужденіе это представляетъ образецъ сентиментальнаго пафоса, столь распространеннаго въ XVIII вѣкѣ.—«Любовь», говоритъ онъ,—«божественное чувство, но лишь тогда, когда она является чувствомъ исключительнымъ.... Желать быть въ объятіяхъ съ замужней женщиной, употреблять какія-нибудь хитрости, чтобы достигнуть этого, пользоваться, наконецъ, ея расположеніемъ, значитъ—побудить ее нарушить самыя священныя обязательства и, въ то же время, быть предметомъ, душой позорной интриги, преступной, гнусной измѣны... При одной мысли объ этомъ преступленіи, тайное омерзѣніе овладѣваетъ всѣми моими чувствами. Какъ! честь требуетъ, чтобы мы сдерживали слово въ самыхъ мелочныхъ обстоятельствахъ жизни... и все, что есть наиболѣе священнаго на землѣ, будетъ попрано клятвопреступникомъ!.. Отчаяніе будетъ внесено въ сердце честнаго человѣка, котораго малѣйшее подозрѣніе о страшномъ оскорбленіи будетъ сокрушать до самой смерти! Предметъ его нѣжнаго поклоненія, его любви — будетъ отнятъ у него и остатокъ дней его будетъ отравленъ! Несчастный! ты отогрѣлъ на груди своей змія, разрывающаго твою утробу; всѣ твои привязанности, всѣ твои

на правахъ стариннаго друга дома. Объ этихъ посѣщеніяхъ, очевидно, игравшихъ значительную роль въ ея жизни, Manon лишь вскользь сообщаетъ въ письмахъ къ сестрамъ Каннэ; о предло-

---

удовольствія, всѣ твои вкусы, все твое *я*,—ты сосредоточилъ на одномъ предметѣ: ты найдешь въ немъ лишь ядъ горести, который будетъ отравлять жизнь твою до могилы... Дѣти твои, дорогія дѣти, появленія которыхъ ты жаждалъ, чтобы умножить образъ матери ихъ, дѣти—вѣчная порука вашей взаимной, нѣжной привязанности, украшеніе и новое звено въ соединяющихъ васъ священныхъ узахъ,—дѣти эти сдѣлались твоими палачами; взгляды ихъ, ласки—будутъ вѣчно преслѣдовать тебя, подобно фуріямъ ревности и отчаянія».

Подобныя же напыщенныя тирады, съ примѣсью циничесной откровенности войственной той эпохѣ, мы встрѣчаемъ во многихъ мѣстахъ «Путешествія по Италіи» Ролана: вѣрныя наблюденія, независимыя и мѣткія сужденія встрѣчаются рядомъ съ длинными цитатами, съ сентиментальными изліяніями. — «Въ своемъ путешествіи по Италіи», замѣчаетъ Добанъ («Lettres de m-me Roland» par Dauban, Introduction, p. XXII),—философъ старается, повидимому, доказать, что во всѣ эпохи своей жизни онъ былъ нѣжнымъ и чувствительнымъ... Если не принимать во вниманіе тонъ, господствовавшій въ XVIII вѣкѣ, можно найти не совсѣмъ приличными нѣкоторыя подробности, съ которыми онъ обращается къ m-lle Phlipon. Роланъ, прославляющій «наслажденія своего прекраснаго отрочества, украшеннаго любовью»... кажется намъ довольно смѣшнымъ... «Видъ Ліона», пишетъ онъ («Voyage en Italie», p. 429, t. VI).. «возстановилъ въ моемъ воспоминаніи опасный переходъ отъ отрочества, проведеннаго въ наслажденіяхъ и украшеннаго любовью,—къ цѣпямъ рабства, которое куютъ подтачивающія заботы и тяжелый трудъ».

Далѣ, приближаясь къ Виллефраншу, Роланъ, не отличающійся простотой слога, обращается къ богамъ съ высокопарнымъ воззваніемъ: «О храмъ, гдѣ мое юное сердце принесло любви невинныя и полныя упоенія жертвы, алтарь, гдѣ вознесся мой первый ѳиміамъ, гдѣ благосклонный богъ принялъ столько другихъ жертвъ, — ты существуешь еще!.. Увы! я не вижу уже здѣсь предмета, присутствіе котораго, еще сладостнѣе возстановляя въ воспоминаніи столько очарованій, возобновило бы прежнее чувство во всей его силѣ»!

По прибытіи въ Виллефраншъ, въ концѣ октября 1778 года, Роланъ заболѣлъ. Послѣднее письмо его посвящено описанію его болѣзни и выздоровленія.

«Я былъ среди своей семьи... Выраженіе чувства, одушевлявшее всѣхъ ихъ (родныхъ его), распространяло въ моей растроганной душѣ то опьяненіе, которое оставляетъ ослабленному механизму лишь способность проливать слезы. Подобно блѣднымъ лучамъ солнца, когда оно покидаетъ гемисферу, слабая улыбка бродила на устахъ моихъ и какъ бы хотѣла распуститься»...

«Читатель», замѣчаетъ Добанъ, — «едва ли придетъ въ восхищеніе отъ сравненія *слабой улыбки, хотьвшей распуститься на устахъ* Ролана—съ *блѣдными лучами заходящаго солнца*.—Но, какъ замѣчаетъ Добанъ, слѣдуетъ судить человѣка не по слогу, а по идеямъ его. Это была странная личность: съ большими познаніями, очень честный, очень умный и иногда даже остроумный, Роланъ отличался удивительными странностями, портившими впечатлѣніе искренняго уваженія, которое производила его личность».

женіи его и послѣдовавшемъ отказѣ она совсѣмъ не упоминаетъ. Трудно рѣшить, по своей ли иниціативѣ или по желанію Ролана она впервые измѣнила, въ перепискѣ къ Софи, прежнему отношенію дружеской откровенности [2]). Сдержанный тонъ ея писемъ, какъ видно изъ переписки, глубоко оскорблялъ Софи; на всѣ ея жалобы и упреки Манон отвѣчаетъ увѣреніями въ своей неизмѣнно нѣжной дружбѣ. «О милый, дорогой мой другъ!» пишетъ она 10 ноября 1779 года, «не оскорбляйся сдержанностью, съ которой я сообщала тебѣ о тревожившихъ меня предметахъ! Я никогда не измѣняла довѣрію, которое составляетъ основу дружбы; и если сердце мое не всегда отдавалось, по отношенію къ тебѣ, тѣмъ изліяніямъ, которыя дружба вызываетъ въ счастливыя минуты,—причиной этого — обстоятельства, связывающія меня, помимо моей воли»... «Кто увѣренъ въ прямотѣ и искренности своего друга», говоритъ она въ другомъ письмѣ (25 декабря 1779 года),—«тотъ долженъ давать поступкамъ его наиболѣе благопріятное толкованіе. Сообразно этому принципу, въ случаѣ еслибъ проявилась скрытность въ другѣ, необходимо распознать, является-ли она сама по себѣ, или вызвана посторонними причинами... Скрытность тогда лишь можетъ быть обидна, когда является слѣдствіемъ недостатка довѣрія и уваженія; если же скрытность эта предписана долгомъ или даже просто деликатностью, никто не имѣетъ права оскорбляться ею».

Но, несмотря на всѣ изъявленія горячей дружбы, въ отношеніяхъ между пріятельницами все болѣе проглядывала натянутость. Переписка поддерживается еще въ концѣ 1779 и въ началѣ 1780 года, но уже слабо. Въ письмахъ Манон всего болѣе говорится, неясными намеками, о причинахъ, не позволяющихъ ей быть откровенной попрежнему: объ образѣ жизни ея, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ монастырѣ, они даютъ лишь слабое понятіе; чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, мы должны обратиться къ «Мемуарамъ» г-жи Роланъ (4-й т., 97 стр.). — «Я наняла небольшое помѣщеніе въ монастырѣ Конгрегаціи», разсказываетъ г-жа Роланъ, «и поселилась тамъ, рѣшивши ограничить свои потребности соотвѣтственно небольшимъ средствамъ, оставшимся въ моихъ рукахъ... Я строго разсчитывала свои расходы;

---

[2]) Весьма вѣроятно, что причиной скрытности ея была любовь къ Ролану Генріэтты Каннэ и отношеніе къ нему всей семьи Каннэ, давно мечтавшей женить его на ней.

вареный картофель, рисъ, фасоль—составляли обычную мою пищу, которую я приготовляла сама, не тратя на это много времени. Я выходила всего два раза въ недѣлю: одинъ разъ—чтобы повидаться съ родными (съ дѣдушкой и бабушкой), другой разъ—съ отцомъ. Остальное время я посвящала изученію любимыхъ авторовъ; я закаляла сердце свое противъ злополучія, старалась быть достойной счастья и отомстить этимъ судьбѣ, лишавшей меня его. Каждый вечеръ добрая Агата [1]) проводила со мной нѣкоторое время... Разумная покорность судьбѣ, чистая совѣсть, сила характера, не поддающагося несчастью, привычка постояннаго труда — таковы были мои сокровища. Иногда печаль овладѣвала мной, но печаль эта имѣла своего рода прелесть; и если я не была счастлива, я чувствовала въ себѣ всѣ элементы счастья; я могла гордиться своимъ умѣніемъ обходиться безъ всего, чего недоставало мнѣ».

Въ то время, какъ, отдаваясь своимъ любимымъ занятіямъ, она мужественно встрѣчала всѣ неудачи и невзгоды судьбы,—въ жизни Manon готовился важный переворотъ. Роланъ, удалившійся послѣ отказа, вновь появляется на сценѣ.—«Роланъ», пишетъ его жена («Mémoires», t. 4, p. 98), «изумленный и огорченный грубымъ отказомъ отца, продолжалъ переписку со мной... Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ возвратился, и вторично сдѣлалъ мнѣ предложеніе, убѣждая меня принять его. Я основательно обсудила свое рѣшеніе. Я не скрывала отъ себя, что человѣкъ моложе 45-ти лѣтъ не сталъ бы выжидать нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы убѣдить меня измѣнить мое рѣшеніе, и признаюсь, уже это одно не допускало для меня возможности иллюзіи относительно моихъ чувствъ. Но, съ другой стороны, я подумала, что настойчивость эта, тоже вполнѣ обдуманная, служила доказательствомъ серьезнаго чувства; и что если онъ рѣшался подвергнуться непріятностямъ, представлявшимся въ бракѣ со мной,—я могла быть увѣренной въ его глубокомъ уваженіи ко мнѣ. Наконецъ, такъ какъ бракъ представлялся мнѣ суровыми узами,—ассоціаціей, гдѣ забота о семейномъ счастьи лежитъ по бо́льшей части на женщинѣ,—не лучше ли было посвятить мои способности и энергію этой высокой задачѣ, чѣмъ прозябать въ своемъ одиночествѣ?»

Судя по этимъ строкамъ, чувство не играло роли въ сближеніи

---

[1]) Агата, послушница въ монастырѣ Конгрегаціи, была давнишняя ея знакомая, горячо полюбившая ее со времени перваго пребыванія Manon въ монастырѣ. («Mémoires de m-me Roland», t. III, p. 62).

Manon съ 45-ти-лѣтнимъ философомъ-пуританиномъ: повидимому, это былъ бракъ по разуму,—по разсудку. Но не слѣдуетъ забывать, что въ воспоминаніяхъ г-жи Роланъ не могло отразиться, до извѣстной степени, все то, что было пережито ею впослѣдствіи.

Письмо ея къ Софи, отъ 27 января 1780 года, является свидѣтельствомъ, что въ ту минуту, когда она рѣшалась соединить свою судьбу съ Роланомъ,—она, съ свойственнымъ ей оптимизмомъ, свѣтло и радостно относилась къ ожидавшему ее будущему. «Новый горизонтъ открылся предо мной», пишетъ она,—«счастье улыбнулось мнѣ. Проникнутая глубокимъ чувствомъ привязанности, я взираю на будущее спокойнымъ и счастливымъ взоромъ. ...Я уже не буду одинокимъ существомъ, вздыхающимъ о своей безполезности, стремящимся найти дѣятельность, которая удовлетворила бы сердце. Суровая покорность, гордая сила духа,—поддержка въ несчастіи для сильныхъ характеровъ,—замѣнятся чистыми сердечными радостями. Возлюбленная жена человѣка, котораго я уважаю и люблю, я найду свое счастье въ невыразимомъ наслажденіи способствовать его счастью; однимъ словомъ,—я выхожу замужъ за Ролана. Контрактъ уже готовъ и, въ скоромъ времени, я буду его женой».

Вслѣдъ за этимъ письмомъ, переписка между Manon и сестрами Каннэ почти прекращается. Въ рѣдкихъ письмахъ къ Софи она объясняетъ мотивы своего отдаленія, ссылаясь на домашнія и хозяйственныя заботы, на различныя новыя обязанности, «поглощающія все ея время» (письмо отъ 22-го апрѣля 1780 года).

Въ «Мемуарахъ» г-жи Роланъ мы узнаемъ истинную причину этого отдаленія, на первый взглядъ—столь страннаго и непонятнаго. «Вначалѣ нашего брака», разсказываетъ г-жа Роланъ («Mémoires», v. IV, p. 104), «мужъ мой пожелалъ, чтобы я рѣдко видалась съ моими друзьями; я покорилась его волѣ, и возобновила съ ними болѣе близкія отношенія лишь впослѣдствіи, когда мужъ мой настолько пріобрѣлъ довѣрія ко мнѣ, что пересталъ ревновать меня. Это былъ, съ его стороны, плохой разсчетъ»,—замѣчаетъ, по этому поводу, г-жа Роланъ: «бракъ связанъ съ исполненіемъ серьознаго и суроваго долга; лишая чувствительную женщину радостей, которыя представляетъ дружба съ лицами ея пола, вы лишаете её необходимой душевной пищи и подвергаете серьознымъ опасностямъ.

«Сколько доказательствъ можно привести въ подтвержденіе этой истины!»...

ГЛАВА VIII.

Первые годы замужней жизни г-жи Роланъ.—Путешествіе въ Англію.—Переписка съ Боскомъ.

Переходя къ слѣдующему періоду біографіи г-жи Роланъ (отъ 1780 до 1789 года), необходимо, прежде всего, замѣтить, что источники, по которымъ мы можемъ познакомиться съ нимъ, крайне скудны и неполны. Дружескія отношенія г-жи Роланъ съ сестрами Каннэ почти прерываются около 1780 года [1]); переписка же съ другомъ ея, Боскомъ [2]), хотя и представляетъ многія важныя біографическія свѣдѣнія, но не даетъ возможности заглянуть въ самую глубину интимной ея жизни, какъ письма къ Софи. Что же касается до «Мемуаровъ» ея, свѣдѣнія ихъ нѣсколько односторонни и не всегда заслуживаютъ полнаго довѣрія: какъ уже было замѣчено выше, впечатлѣнія болѣе ранней эпохи естественно должны были частью изгладиться, частью получить впослѣдствіи иную окраску въ ея воспоминаніяхъ. Поэтому, чтобы составить себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе о періодѣ жизни г-жи Роланъ съ 1780 до 1789 года, необходимо многіе пробѣлы пополнять догадками,—догадками, основанными на сравненіи матеріаловъ, представляемыхъ перепиской и автобіографіей.

Немногія письма г-жи Роланъ къ Боску за 1782, 1783 гг. бросаютъ лишь слабый свѣтъ на ея внутреннюю и внѣшнюю жизнь. Они представляютъ её въ новой сферѣ дѣятельности, всецѣло предавшейся обязанностямъ семейной жизни. Всѣ духовныя ея силы, обращенныя прежде на разнообразные предметы, сосредото-

---

[1]) Софи Каннэ, вскорѣ послѣ брака Манон, вышла замужъ за Гомьекура, помѣщика, жившаго недалеко отъ города Амьена. «Генріэтта, увлекавшаяся одно время Роланомъ, за котораго семья Каннэ желала выдать её замужъ», разсказываетъ г-жа Роланъ, «съ свойственными ей искренностью и великодушіемъ, одобрила его предпочтеніе по отношенію ко мнѣ. Впослѣдствіи, она вышла замужъ за стараго 75-ти лѣтняго Вуглана. Различіе въ нашемъ нравственномъ міросозерцаніи и въ характерѣ, съ прекращеніемъ частыхъ сношеній, ослабили, но не прервали соединявшую насъ дружескую связь». (Mémoires de m-me Roland, l. IV, p. 104).

[2]) Боскъ, самый старинный и преданный другъ г-жи Роланъ, былъ сыномъ лейбъ-медика Боска д'Антикъ. Дружескія отношенія его съ г-жей Роланъ начались еще ранѣе ея замужества. Въ эпоху отъ 1784—88 гг., Боскъ занималъ мѣсто секретаря почтоваго интендантства. (Dauban, «M-me Roland et son temps»).

чены теперь на мужѣ; и въ эту новую дѣятельность, избранную не столько «по сердечному влеченію, сколько по разсудку» [1]), она внесла свойственную ей страстность и горячность. Съ перваго года замужества, проведеннаго въ Парижѣ, куда Роланъ былъ призванъ интендантами торговли для составленія новаго мануфактурнаго устава, г-жа Роланъ сдѣлалась постоянной помощницей мужа, въ качествѣ переписчика и корректора его спеціальныхъ сочиненій [2]). Впослѣдствіи, сознавши свое умственное превосходство въ сравненіи съ нимъ, ей казалось страннымъ и даже смѣшнымъ то усердіе и смиреніе, которыя она влагала въ исполненіе своихъ новыхъ, скромныхъ обязанностей. Смиреніе это, какъ замѣчаетъ г-жа Роланъ, вытекало у нея прямо изъ сердца. «Я такъ глубоко уважала моего мужа», говоритъ она [3]), «что всегда готова была признать его умственное превосходство... При томъ, онъ такъ упорно держался своихъ мнѣній, что, лишь долго спустя, я пріобрѣла настолько самонадѣянности, чтобы возражать ему».

Послѣ перваго года, проведеннаго въ Парижѣ, г-жа Роланъ съ мужемъ переселилась въ Амьенъ. Здѣсь у нея родилась дочь и горячая любовь къ ней внесла новый свѣтлый элементъ въ ея семейную жизнь, сдѣлавшуюся еще дѣятельнѣе и полнѣе. Немногія письма г-жи Роланъ въ этотъ періодъ представляютъ ее всецѣло поглощенной мелкими домашними заботами, осложнявшимися частыми болѣзнями мужа [4]). Все время, свободное отъ хозяйственныхъ и секретарскихъ обязанностей, она употребляла на изученіе естественной исторіи и ботаники. Результатомъ этихъ занятій было составленіе гербаріума и пріобрѣтеніе матеріала для сочиненія Ролана «L'art du tourbier» [5]).

Въ 1784 году Роланъ получилъ въ округѣ Ліона мѣсто генеральнаго инспектора мануфактуръ [6]), и поселился съ женой въ

[1]) Mémoires de m-me Roland, l. 4-ème, p. 99.

[2]) Въ то время Роланъ занимался изданіемъ своихъ рукописей о путешествіи въ Италіи, и описанія нѣкоторыхъ искусствъ, сдѣланнаго имъ для академіи. (Mémoires de m-me Roland. t. IV, p. 101). Впослѣдствіи онъ предпринялъ, при помощи жены, составленіе отдѣла новой энциклопедіи.

[3]) Mémoires de m-me Roland, t. IV, p. 102.

[4]) «Частыя болѣзни Ролана», говоритъ г-жа Роланъ, «заставляли меня бояться за его жизнь; заботы мои и уходъ не пропали даромъ и послужили новой связью между нами: я привязалась къ нему, и онъ, видя мою преданность, еще болѣе полюбилъ меня». (Mémoires de m-me Roland t. IV, p. 102).

[5]) Mémoires de m-me Roland t. IV, p. 102.

[6]) Роланъ получилъ это назначеніе вслѣдствіе поѣздки жены его въ Па-

Виллефраншѣ [1]), въ домѣ родителей Ролана. Здѣсь сожительство съ свекровью, женщиной «невыносимаго характера» и съ деверемъ, «деспотичнымъ и властнымъ по праву» [2]),—не мало вносило горечи въ жизнь г-жи Роланъ. Единственнымъ отдыхомъ отъ семейныхъ дрязгъ были два зимнихъ мѣсяца, которые она проводила съ семьей въ Ліонѣ, и поѣздки въ родовое имѣніе Роландъ, недалеко отъ Ліона,—«Clos de la Platière».—«Здѣсь», разсказываетъ

рижъ, предпринятой, чтобы выхлопотать ему грамоту дворянства. Г-жа Роланъ такъ объясняетъ этотъ поступокъ, не совсѣмъ согласующійся съ ея приверженностью къ республиканскимъ идеямъ, вызвавшій нападенія враговъ ея: «Семья Ролана, впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, пользовалась дворянскими привилегіями по должностямъ, которыя не передавали ихъ,—и по состоянію. Съ теченіемъ времени богатое состояніе исчезло,—и Ролану предстояло докончить жизнь въ единственномъ помѣстьи, остававшемся во владѣніи семьи его и принадлежавшемъ еще старшему брату; онъ счелъ себя вправѣ, въ вознагражденіе за свои труды, обезпечить своимъ потомкамъ преимущество, которымъ пользовались его родители, и которое пріобрѣсти за деньги онъ счелъ бы недостойнымъ себя». (Mémoires de m-me Roland, l. IV, p. 110, 111).

[1]) Въ письмѣ къ Боску (22 апрѣля 1785 г.) г-жа Роланъ такъ описываетъ свои впечатлѣнія при поселеніи въ Виллефраншѣ: «Отвратительныя помѣщенія, утонченный столъ, роскошные туалеты, постоянная и, нерѣдко, крупная игра—таковъ общій характеръ жизни въ этомъ городѣ, гдѣ крыши плоски и гдѣ узкія улицы служатъ стоками для нечистотъ. Нельзя сказать, чтобы жители его отличались глупостью: обращеніе ихъ довольно вѣжливое и порядочное, но умственный кругозоръ ихъ ужъ слишкомъ ограниченъ. Совѣтники наши считаются очень важными лицами; адвокаты здѣсь такъ-же надменны, какъ въ Парижѣ, а прокуроры—болѣе плуты чѣмъ гдѣ-либо».

[2]) «Въ 1784 году», пишетъ г-жа Роланъ въ «Мемуарахъ»,—«мы поселились въ Виллефраншѣ, въ родительскомъ домѣ Ролана, гдѣ жили еще его престарѣлая мать и старшій братъ, каноникъ и совѣтникъ. Я могла бы представить не мало описаній нравовъ маленькаго провинціальнаго города и вліянія ихъ семейныхъ огорченій въ совмѣстной жизни съ сварливой старухой и съ двумя братьями, изъ которыхъ младшій имѣлъ страсть къ независимости, а старшій—привычки, предразсудки властнаго характера» («Mémoires» de m-me Roland. t. VI, p. 105).—«Пока я надѣялась», пишетъ г-жа Роланъ Боску (13 октября 1785 года), «при всѣхъ недостаткахъ ея (свекрови), найти въ ней доброе сердце, я всячески старалась покорить его, и очень огорчалась при своихъ неудачахъ. Теперь, когда я вижу, что она капризная и себялюбивая эгоистка, которая находитъ удовольствіе лишь въ томъ, чтобы дѣйствовать наперекоръ другимъ,—которая радуется смерти двухъ своихъ дѣтей, такъ много пострадавшихъ отъ нея въ жизни,—которая, не скрывая, питаетъ такія же чувства и ко всѣмъ намъ,—теперь я отношусь къ ней равнодушно и почти съ состраданіемъ, и лишь рѣдкими минутами чувствую къ ней ненависть или презрѣніе».

г-жа Роланъ [1]), мои простые вкусы находили удовлетвореніе въ деревенской жизни; здѣсь мнѣ удавалось примѣнять кой-какія пріобрѣтенныя познанія: я сдѣлалась деревенскимъ лѣкаремъ, тѣмъ болѣе популярнымъ, что я давала помощь безвозмездно и съ полнымъ стремленіемъ быть полезной».

Эти поѣздки въ деревню были самыми счастливыми періодами въ семейной жизни г-жи Роланъ.

Довѣріе къ ней сосѣдей крестьянъ, любовь, которую она съумѣла внушить имъ, вполнѣ вознаграждали ее за всѣ труды.—«Всѣ меня любили», говоритъ она въ «Мемуарахъ»,—«и когда я уѣзжала, мое отсутствіе оплакивали. ...Нерѣдко случалось, что поселянки пріѣзжали ко мнѣ за три—четыре лье, умоляя меня спасти умирающаго, котораго отказался лѣчить докторъ» [2]).—Единственнымъ выдающимся эпизодомъ въ однообразной жизни г-жи Роланъ въ эти первые четыре года замужества было путешествіе ея въ Англію, въ 1784 году. Ближайшее знакомство съ государствомъ, уже давно извѣстнымъ ей по сочиненіямъ Монтескье, произвело на нее глубокое впечатлѣніе.

«Всякій, кто бы ни былъ», пишетъ она въ своемъ очеркѣ,—«Путешествіе въ Англію въ 1784 году»,—«пользуется извѣстными правами въ Англіи и горсть богачей не составляетъ здѣсь націи... У насъ много хорошихъ учрежденій во Франціи, но всѣ они созданы государемъ на счетъ его подданныхъ, обложенныхъ податями и оплакивающихъ въ глуши своихъ провинцій благо, въ которомъ они участвуютъ лишь непосильнымъ трудомъ и страданіями»...—Рѣзкій контрастъ, который представляла въ то время свободная конституціонная Англія въ сравненіи съ Франціей, изнемогавшей подъ бременемъ государственныхъ налоговъ и феодальныхъ привилегій, произвелъ глубокое впечатлѣніе на республиканку, проникнутую просвѣтительными идеями XVIII вѣка.

«При видѣ многочисленныхъ памятниковъ, воздвигнутыхъ отечеству и предназначенныхъ, для развитія чувства патріотизма», говоритъ она въ своемъ очеркѣ,—«при видѣ величія представителя народа, лорда мэра,—перваго народнаго магистрата,—нельзя не признать разумность и справедливость надписи, которую читаешь на зданіи «Manxion House:» «Senatus Populusque Londonensis»; и нельзя не сознаться, что изъ всѣхъ европейскихъ наро-

[1]) Mémoires de m-me Roland. t. IV, p. 106.
[2]) Mémoires de m-me Roland. t. IV, p. 106.

довъ одни англичане имѣютъ право на это выраженіе».—«Я никогда не забуду это государство», говоритъ г-жа Роланъ въ письмѣ къ Боску (7 го августа 1784 года),—«конституцію котораго я еще раньше узнала и полюбила по сочиненію Делольма. Предоставимъ глупцамъ осуждать ее и воспѣвать рабство; но повѣрьте, въ Англіи есть люди, имѣющіе право смѣяться надъ нами».

Съ 1784 года завязывается послѣдовательная переписка г-жи Роланъ съ Боскомъ [1],—переписка, въ которой мы замѣчаемъ новыя характерныя черты. Здѣсь уже почти не проглядываетъ высокопарно-дидактическое резонерство, встрѣчающееся во многихъ письмахъ ея къ Софи; это—дружескія бесѣды, веселыя и остроумныя, иногда съ оттѣнкомъ сентиментальности,—о предметахъ ежедневной, будничной жизни; «нѣкоторыя изъ этихъ писемъ читаются какъ прелестныя идилліи, другія, по граціи и остроумію, напоминаютъ г-жу Севинье» [2].—Но, не смотря на красивую, граціозную форму изложенія и задушевную ихъ искренность,—читая эти письма, мы невольно испытываемъ нѣкоторое чувство разочарованія, сравнивая интересы семейной жизни г-жи Роланъ съ прежними ея мечтами и стремленіями: въ счастливой семьянинкѣ, преданной мелочнымъ заботамъ будничной жизни, трудно узнать, подчасъ, прежнюю пылкую молодую дѣвушку, мечтательную и увлекающуюся, отзывчивую на все живое и общечеловѣческое. Правда, и теперь на первомъ планѣ въ ея дѣятельности,—благосостояніе и счастье окружающаго ее маленькаго міра; тѣмъ не менѣе, нельзя не сознаться, что кругъ ея интересовъ нѣсколько ограниченъ и замкнутъ. Она сама признается въ этомъ въ письмахъ своихъ къ Боску. «Я не занимаюсь политикой», пишетъ она [3], «и въ состояніи говорить лишь о собакахъ, которыя будятъ меня своимъ лаемъ, о вишневыхъ деревьяхъ передъ моими окнами и о телятахъ, щиплющихъ траву на дворѣ»... Этотъ образъ жизни, «не смотря на привлекательность природы въ ея примитивной непосредственности»,—дѣйствовалъ на нее усыпляющимъ образомъ; и сознаніе это, повидимому, не всегда тяготило ее [4]. Въ письмѣ къ Боску, она говоритъ, что занятія экономки составляютъ глав-

---

[1]) Первыя письма г-жи Роланъ къ Боску относятся къ 1782—83 годамъ, но мы не упоминаемъ о нихъ, такъ какъ они представляютъ весьма мало біографическаго значенія.

[2]) «Edinburgh Reviews», April 1865.—M-me Roland.

[3]) Письмо къ Боску въ маѣ 1783 года.

[4]) Письмо къ Боску 23 марта 1785 года.

ный предметъ ея дѣятельности. Различныя хозяйственныя заботы, рукодѣлья, корректура и переписка спеціальныхъ сочиненій мужа,—наполняли большую часть ея дня, не оставляя почти времени для другихъ занятій. «Этотъ родъ жизни, замѣчаетъ она, представлялся-бы очень суровымъ, еслибъ мужъ мой не былъ человѣкомъ высокихъ достоинствъ, котораго я люблю всей душой. Но при этихъ данныхъ, это чудная жизнь, освѣщенная довѣріемъ и нѣжной дружбой... Жизнь эта наиболѣе благопріятна для примѣненія добродѣтели, для поддержки всѣхъ наклонностей и вкусовъ, обезпечивающихъ соціальное и индивидуальное счастье». Эти положительныя стороны жизни выкупали въ ея глазахъ многія горести и невзгоды. «Повѣрьте, другъ мой», пишетъ она Боску 13 октября 1785 г.,—«нельзя пользоваться всѣми жизненными благами, не покупая ихъ цѣною нѣкоторыхъ мелкихъ досадъ: земное существованіе было-бы для меня раемъ,—состояніемъ полнаго блаженства, еслибы, имѣя такого мужа и любя его всей душой, я и во всемъ остальномъ нашла-бы полное удовлетвореніе».—Въ письмахъ своихъ, она говоритъ о мужѣ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, прилагая къ нему нѣжные, иногда сентиментальные эпитеты, плохо гармонировавшіе съ сухой, угловатой фигурой Ролана. Она называетъ его «своимъ голубемъ», «возлюбленнымъ своего сердца», скучаетъ и тоскуетъ въ его отсутствіи [1]).—«Обитатель большого города», пишетъ она Боску,—«такъ-же какъ многіе другіе, вы найдете эти чувства и мысли очень примитивными, или годными лишь для книгъ; они такъ-же рѣдки въ нашихъ маленькихъ провинціальныхъ городахъ, какъ и въ вашей столицѣ».

Семейная жизнь, повидимому, всецѣло поглотила её: она нашла въ ней удовлетвореніе и природныхъ наклонностей, и идеаловъ, воспитанныхъ на чтеніи Руссо. Цѣлыя письма г-жи Роланъ къ Боску наполнены семейными картинами и описаніями деревенской идилліи [2]). Таково первое впечатлѣніе писемъ г-жи Роланъ. Но.

---

[1]) Письмо г-жи Роланъ къ Боску, 3 мая 1786 г.: «Черезъ недѣлю, возлюбленный моего сердца прибудетъ въ вашу столицу... Я собираюсь все время моего вдовства провести въ деревнѣ, среди величественныхъ зрѣлищъ природы, которыя мое чувство къ мужу дѣлаетъ для меня еще болѣе трогательнымъ».

[2]) Письмо г-жи Роланъ къ Боску изъ Вилла-Франша, 10 ноября 1786 года: «Пріютившись у камина въ 11 часовъ утра, послѣ спокойно проведенной ночи и различныхъ утреннихъ хлопотъ, въ то время, какъ другъ мой занимается за своимъ письменнымъ столомъ, а моя дѣвочка вяжетъ,—разговари-

при болѣе внимательномъ знакомствѣ съ перепиской, и при сопоставленіи ея съ «Мемуарами» г-жи Роланъ, мы замѣчаемъ, что въ этой мирной, безмятежной жизни было не мало отрицательныхъ сторонъ; что узкій кругъ домашнихъ интересовъ далеко не вполнѣ удовлетворялъ ее.

Неудовлетворенность эта проглядываетъ, намеками, и въ письмахъ ея къ Боску, въ тѣхъ самыхъ письмахъ, гдѣ она въ яркихъ краскахъ описываетъ прелесть деревенской идилліи. Намеки эти, правда, довольно неопредѣленны, и прорываются какъ бы невольно, лишь въ рѣдкія минуты: съ свойственной ей трезвостью ума и твердостью характера, г-жа Роланъ яснымъ и добрымъ взглядомъ смотрѣла на жизнь, не растрачивая понапрасну нравственныхъ силъ, не предъявляя ей невыполнимыхъ требованій; она брала отъ жизни все лучшее, что она могла дать и, съ своей стороны, вносила въ окружающую обстановку всѣ нравственныя силы своей богатой природы. Тѣмъ не менѣе, несмотря на твердость характера и самообладаніе, и у нея бывали минуты слабости и упадка духа,—минуты, когда она какъ бы невольно проговаривалась, что счастье ея далеко неполно. Въ письмѣ къ Боску, 3 октября 1786 года, она сознается, что цѣнитъ лишь тѣ познанія, которыя «научаютъ примиряться съ своей судьбой и брать людей и жизнь такими, какими они являются въ дѣйствительности» [1]). «Счастье того возраста, когда разсѣиваются иллюзіи

вая съ однимъ, наблюдая за работой другой, наслаждаясь счастьемъ быть среди моей маленькой, дорогой семьи,—я съ умиленіемъ думаю о судьбѣ столькихъ несчастныхъ, удрученныхъ бѣдностью, преслѣдуемыхъ судьбой; я возвращаюсь мысленно къ своей собственной судьбѣ, и считаю въ эту минуту бездѣлицами всѣ встрѣчающіяся въ жизни досады и препятствія.... Несмотря на всѣ убѣжденія провести въ Ліонѣ часть зимы, я рѣшилась не покидать свое гнѣздо. Мой добрый другъ не можетъ, однако, избѣжать путешествія и довольно долгаго пребыванія въ главномъ городѣ своего департамента; но я предоставляю ему одному поддерживать наши связи, слѣдить за административными дѣлами и забавляться въ академіяхъ: я удалилась въ свое уединеніе на всю зиму, и выйду изъ него лишь въ первые теплые дни, чтобы наслаждаться весеннимъ солнцемъ». Письмо къ Боску 12 октября 1785 года: «Я уже цѣлый мѣсяцъ не прикасалась къ перу, и мнѣ кажется, что я усвоиваю нѣкоторыя наклонности, свойственныя животному, подкрѣпляющему меня своимъ молокомъ: я усердно пью ослиное молоко и занимаюсь всѣми мелкими заботами животной деревенской жизни. Я приготовляю великолѣпныя сушеныя груши; мы сушимъ виноградъ и сливы, шьемъ бѣлье; завтракаемъ бѣлымъ виномъ, наблюдаемъ за уборкой винограда, отдыхаемъ въ лѣсу или на лугу»...

[1]) «Вы скажете», пишетъ она Боску (3 октября 1786 года), «что это

молодости», замѣчаетъ она, «состоитъ въ томъ, чтобы настоящее находить сноснымъ и на будущее взирать съ надеждой».

При неспокойномъ, тревожномъ состояніи духа, всякая семейная забота и тревога, болѣзнь дочери, мелкія непріятности въ служебныхъ дѣлахъ мужа,—все волновало ее и приводило, минутами, почти въ отчаяніе. Изъ писемъ ея къ Боску мы видимъ, что, въ полномъ расцвѣтѣ силъ и молодости, она страдала нервами, припадками меланхоліи, неровнымъ, измѣнчивымъ настроеніемъ духа.

«Третьяго дня», пишетъ она Боску (2 августа 1785 года),—«я совсѣмъ умирала, вчера чувствовала себя безсильной и изнемогающей, сегодня я совсѣмъ здорова и весела. Вы спросите почему? Не знаю, право; исторія моего здоровья представляетъ непрерывную смѣну усиленной дѣятельности и полнаго упадка духа. Я чувствую себя то храброй и сильной, какъ левъ, то растроганной до слезъ». Въ другомъ письмѣ (22 мая 1788 года) она жалуется на неспокойное настроеніе духа, вліяющее на общее состояніе ея здоровья. «Одна унція безпечности и безсердечія», замѣчаетъ она, «очень были бы мнѣ полезны, въ физическомъ отношеніи; но лѣкарство это, какъ оно ни обыкновенно, не продается на деньги, и употребленіе его претитъ мнѣ» [1]).

весьма не трудно, когда имѣешь готовый кусокъ хлѣба и товарища въ жизни; но, кромѣ этого, есть еще многое, что вліяетъ на наше счастье; и вотъ это вліяніе мой разумъ обращаетъ во благо, или приводитъ къ нулю».

[1]) Но иногда, серьезное настроеніе, съ оттѣнкомъ грусти и унынія, смѣнялось настроеніемъ безпечно веселымъ, когда она готова была, какъ школьникъ, пошутить, посмѣяться и подразнить собесѣдника; при этомъ, смѣхъ ея отзывался юнымъ задоромъ и неподдѣльной веселостью, представлявшими рѣзкій контрастъ съ общимъ характеромъ ея писемъ.

Подъ вліяніемъ такого настроенія, она пишетъ Боску, въ отвѣтъ на шутливое его письмо, гдѣ онъ посылаетъ ее къ «Богу или къ чорту»: «Предоставляю вамъ одному отправляться къ тому или другому.... что касается до меня, я смѣюсь надъ чортомъ и не вѣрю въ Бога... Вы спрашиваете, люблю ли я васъ; что вамъ до того? Мнѣ бы слѣдовало, можетъ быть,—повидать васъ, чтобы дать вамъ приличный отвѣтъ, потому что всякую правду нельзя высказывать прямо; и еслибы я продолжала удостоивать васъ своей дружбой, хотя вы сдѣлались немножко бездѣльникомъ,—мое женское достоинство не позволило бы мнѣ сознаться въ томъ... Съ своей стороны, я ни къ кому не посылаю васъ, ибо полагаю, что и вы, точно также, смѣетесь надъ нашими богами.. Надѣюсь, что письмо мое не застанетъ васъ въ Испаніи, и что вамъ нечего опасаться инквизиціи».

Но уже въ слѣдующемъ письмѣ, два дня позднѣе, настроеніе ея мѣняется и принимаетъ свойственный ей характеръ мечтательной чувствительности

Мемуары г-жи Роланъ въ значительной степени помогаютъ намъ уяснить эти припадки унынія и меланхоліи,—признаки измѣненія, постепенно совершавшагося въ ея внутренней жизни. По собственному ея признанію, «послѣдовавши внушеніямъ разума въ вопросѣ о бракѣ, она не приняла въ разсчетъ многія соображенія, на которыя долженъ былъ навести ее жизненный опытъ» [1]).

Всецѣло предавшись исполненію семейнаго долга, вначалѣ она не вполнѣ ясно сознавала, повидимому, какъ велики были пробѣлы въ ея собственной жизни,—какъ многаго не доставало для ея личнаго счастья. Но сознаніе это неизбѣжно должно было явиться съ теченіемъ времени. Послѣ состоянія продолжительнаго нервнаго напряженія, настала минута, когда она почувствовала глубокую пропасть, отдѣлявшую ее отъ мужа, и сознала, что «громадная разница въ возрастѣ, въ соединеніи съ характеромъ властнымъ и деспотичнымъ, были съ его стороны слишкомъ тягостнымъ преимуществомъ» [2]).—Это отсутствіе гармоніи въ отношеніяхъ съ мужемъ не могло не отражаться какъ въ столкновеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ, представлявшимъ не мало искушеній и соблазновъ, такъ и въ уединенной жизни, одинокой и однообразной [3]).—Также мало удовлетворенія находила она и въ окружающемъ ее мірѣ. За исключеніемъ рѣдкихъ свиданій съ Софи, съ Боскомъ, и нѣсколькихъ случайныхъ знакомствъ за границей,—среда, съ которой приходилось сталкиваться г-жѣ Роланъ, не соотвѣтствовала духовнымъ ея требованіямъ,—не могла восполнить для нея пробѣловъ въ семейной жизни.

Подъ впечатлѣніемъ «красоты природы», она отказывается отъ своего скептицизма, и вновь является въ прежнемъ своемъ свѣтѣ,—деистской, вѣрной послѣдовательницей Руссо. «Только въ пыли кабинета», замѣчаетъ она въ письмѣ къ Боску (2 іюля 1786 г.), «блѣднѣя надъ книгами, или въ вихрѣ свѣта, вдыхая воздухъ, зараженный человѣческимъ развратомъ,—чувство изсыхаетъ, и печальный разумъ возстаетъ въ облакахъ сомнѣнія, или въ разрушительномъ чаду невѣрія. Нельзя не любить Руссо! Нельзя не признать его мудрость и правдивость, когда избираешь его посредникомъ между природой и самимъ собою».

[1]) Mémoires de m-me Roland, t. IV, p. 99.

[2]) Mémoires de m-me Roland, t. IV, p. 100.

[3]) «Когда мы жили уединенно», говоритъ г-жа Роланъ въ своихъ Мемуарахъ,—«мнѣ приходилось переживать, подчасъ, тяжелыя минуты; когда мы бывали въ свѣтѣ, мнѣ случалось внушать сильное чувство личностямъ, къ которымъ, быть можетъ, я могла быть неравнодушной». (Mémoires de m-me Roland, t. IV, p. 100).

Неудовлетворенная въ своихъ умственныхъ и нравственныхъ стремленіяхъ, она инстинктивно искала дѣятельности, выходившей изъ круга мелкихъ домашнихъ заботъ и ничтожныхъ интересовъ провинціальнаго общества. Въ 1788—89 гг. стремленія ея, казалось, были близки къ исполненію. Революція 1789 года явилась осуществленіемъ самыхъ дорогихъ мечтаній ея юности и исходомъ для ея стремленія къ болѣе широкой дѣятельности. Въ 1788 г. Ролану была поручена земледѣльческимъ обществомъ редакція наказовъ для генеральныхъ штатовъ; въ качествѣ члена муниципалитета, онъ принялъ непосредственное участіе въ современныхъ политическихъ событіяхъ.

«Возгорѣвшаяся революція увлекла насъ», говоритъ г-жа Роланъ въ Мемуарахъ [1]). «Друзья человѣчества, поклонники свободы, мы думали, она явилась, чтобы возродить человѣческій родъ, снять позорное клеймо бѣдности съ несчастнаго сословія, возбуждавшаго въ насъ такое глубокое состраданіе; и мы приняли ее съ восторгомъ».

Великія политическія событія, быстро слѣдовавшія одно за другимъ, все болѣе привлекали вниманіе г-жи Роланъ; но въ 1788 году въ отношеніе ея къ этимъ событіямъ примѣшивается еще нѣкоторая доля скептицизма, который проглядываетъ въ письмахъ ея къ Боску.—«Вы всецѣло предались политикѣ», пишетъ она ему 1-го октября 1788 года,—«и занимаетесь безконечными разсужденіями о реформахъ, которыя слѣдуетъ предпринять и которыя никогда не будутъ приведены въ исполненіе... Здѣсь толкуютъ о томъ, что отвѣтъ Неккера готовъ, но что для того, чтобы сдѣлать его гласнымъ, ему пришлось-бы выѣхать изъ Франціи. Что говорятъ о немъ въ вашемъ мірѣ? Что касается до насъ, мы считаемъ его порядочнымъ шарлатаномъ, и сильно сомнѣваемся въ доброкачественности этого отвѣта, если только онъ существуетъ въ дѣйствительности».

ГЛАВА IX.

Отношеніе г-жи Роланъ къ революціи 1789 года.—Г-жа Роланъ, какъ представительница жирондистскаго типа.—Переписка съ Банкалемъ.

Начало революціи, ознаменовавшей 1789 годъ, является началомъ новаго періода въ жизни г-жи Роланъ. Съ этой эпохи, глав-

[1]) Mémoires de m-me Roland, t. IV, p. 107.

ный интересъ, при изученіи ея біографіи, сосредоточивается не столько на частныхъ подробностяхъ, которыя отступаютъ на послѣдній планъ, сколько на отношеніи ея къ современнымъ политическимъ событіямъ, опредѣлившемъ ея роль въ исторіи революціи.

Страстное стремленіе къ свободѣ, рядомъ съ недовѣріемъ къ умѣренной партіи національнаго собранія и глубокой ненавистью къ монархическому правленію,—таковы главныя черты политическаго настроенія г-жи Роланъ въ 1789 году. Завязавшаяся борьба между старымъ порядкомъ и новыми началами затронула самыя живыя струны ея души; рядомъ съ грандіознымъ зрѣлищемъ начинающейся революціи, всѣ частные интересы блѣднѣютъ, въ ея глазахъ всѣ личныя горести и радости представляются мелкими и ничтожными. «Я не пишу вамъ болѣе о нашихъ личныхъ дѣлахъ», говоритъ она въ письмѣ къ Боску (26 іюля 1789 года). «Гдѣ тотъ измѣнникъ, у кого могутъ быть, въ настоящую минуту, иные интересы, кромѣ интересовъ націи?»—Нерѣшительный образъ дѣйствія національнаго собранія, двусмысленное поведеніе короля, реакція при дворѣ, въ началѣ іюля 1789 года,—глубоко затрогивали г-жу Роланъ, разрушая самыя дорогія ея мечты. Тонъ ея писемъ въ это время рѣзокъ и грубъ иногда до цинизма; въ страстныхъ обличеніяхъ ея, направленныхъ противъ правительства, двора и нац. собранія, проглядываетъ фанатикъ - проповѣдникъ, безпощадный ко всему, что является преградой на пути къ осуществленію его идеи. — «Нѣтъ, вы не свободны», пишетъ она Боску (26 іюля 1789 года) — «никто еще не свободенъ. Общественное довѣріе обмануто: письма перехватываютъ по дорогѣ. Вы жалуетесь на мое молчаніе: я пишу вамъ съ каждой почтой... высказывая вамъ взгляды болѣе энергичные, чѣмъ ваши дѣйствія... Вы занимаетесь муниципалитетомъ и оставляете на свободѣ тѣхъ, которые составляютъ новые заговоры... Вы не болѣе, какъ дѣти; вашъ энтузіазмъ — гнусныя слова; и если нац. собраніе не привлечетъ къ суду двухъ высокопоставленныхъ личностей [1]), или — если не найдутся великодушные Деціи, которые сотрутъ ихъ съ лица земли, вы всѣ [2])... Если письмо это не дойдетъ до васъ, пусть трусы, которые прочтутъ его, покраснѣютъ, узнавъ, что оно принадлежитъ перу женщины,—и содрогнутся при мысли, что она можетъ

[1]) Намекъ на Людовика XVI и Марію Антуанетту.

[2]) Слѣдуетъ нецензурное выраженіе.

создать сотню ревностныхъ послѣдователей, которые, въ свою очередь, увлекутъ милліоны».

Въ этихъ страстныхъ, жгучихъ обличеніяхъ сказывается подозрительное недовѣріе того политическаго поколѣнія, «которое стремилось къ революціи 1789 года, и которое результаты этой революціи не удовлетворили [1])». Г-жа Роланъ съ самаго начала является представительницей жирондистскаго типа «страстнаго, предпріимчиваго, открытаго для народной симпатіи, безгранично вѣрующаго въ могущество одной свободы и цѣлесообразность быстрыхъ реформъ, подозрительнаго по отношенію къ своимъ врагамъ и довѣрчиваго къ союзникамъ, всегда готоваго раздражаться противъ всякаго непрямого, скрытаго образа дѣйствій, и отрицать чувство и сердце въ тѣхъ, кто преграждаетъ ему дорогу [2])».

Непоколебимая вѣра въ непогрѣшимость человѣческаго разума, въ прирожденную добродѣтель человѣческой природы, заимствованная у Руссо, соединялась въ представителяхъ этой партіи съ отрицаніемъ всѣхъ историческихъ традицій. Прошедшее исторіи Франціи являлось, въ ихъ глазахъ, мракомъ безъ просвѣта, порядкомъ соціальнаго и политическаго неравенства, гдѣ низшіе классы страдали подъ игомъ высшихъ, и все государство — подъ игомъ деспотической правительственной власти. Въ то-же время, современный строй государства и общества не представлялъ, повидимому, никакой надежной точки опоры, которая могла бы послужить основой для будущаго возрожденія Франціи.

«Въ эпоху, когда вспыхнула революція, не было больше никакихъ свободныхъ учрежденій, слѣдовательно—и никакихъ политическихъ классовъ, никакихъ живыхъ политическихъ корпорацій, никакихъ организованныхъ орудій съ ихъ предводителями,—и, за недостаткомъ всѣхъ этихъ силъ, руководство общественнымъ мнѣніемъ досталось философамъ. Поэтому, можно было предвидѣть, что ходъ революціи будетъ управляться не столько вліяніемъ отдѣльныхъ опредѣленныхъ условій, сколько отвлеченными общими теоріями»... [3]).

Изъ этихъ общихъ теорій, представители Жиронды усвоили два политическихъ ученія, заимствованныя изъ различныхъ сферъ и несовмѣстимыя въ дѣйствительности: съ одной стороны, идеаломъ

[1]) Lettres autographes de m-me Roland à Bancal des Issarts, publiées par m-me Bancal des Issarts. Introduction par S-te Beuve, p. 24.

[2]) Тамъ же, стр. 23.

[3]) Tocqueville, «L'ancien Régime et la Rèvolution».

являлись англійская и американская политическія теоріи, стремившіяся къ ограниченію государственной власти, къ свободнымъ общественнымъ отношеніямъ, къ широкому развитію индивидуальной личности; съ другой стороны—античныя республики Спарты и Аѳинъ, державшіяся на принципѣ рабства и подчиненія личности государству. Быть можетъ, ни въ комъ противорѣчія эти не выразились такъ ярко, какъ въ г-жѣ Роланъ. Начиная съ ранняго дѣтства, когда она зачитывалась біографіями Плутарха, и кончая позднѣйшими столкновеніями съ современнымъ порядкомъ и строемъ жизни,—республиканскія мечты постепенно развивались и крѣпли, все болѣе отрывая ее отъ окружающей дѣйствительности. И вотъ явилась революція, а съ ней вмѣстѣ,—возможность осуществить эти мечты.

Твердая воля, сосредоточенная горячность убѣжденія и глубокая, беззавѣтная преданность своимъ идеямъ,—представляли характерныя черты г-жи Роланъ. Она привѣтствовала новую эру съ свойственнымъ ей пыломъ, отрицая всякую возможность компромисса съ прошлымъ, «не понимая все болѣе и болѣе трудную роль искреннихъ сторонниковъ реформъ 1789 года и видя въ патріотической оппозиціи — друзей народа, въ конституціоналистахъ—враговъ его, которыхъ можно было побѣдить лишь цѣной упорной борьбы [1])».

Крайности и рѣзкости ея политическихъ сужденій, быть можетъ, не мало способствовало отсутствіе непосредственнаго столкновенія съ событіями 1749 года.

«Вдали отъ главнаго центра революціи, зрѣлище которой, начиная съ 5-го октября, быть можетъ, охладило бы нѣсколько ея рвеніе и возбудило бы въ ней недовѣріе,—г-жа Роланъ особенно была чувствительна къ медлительности національнаго собранія, къ его нерѣшимости, недоумѣніямъ и стремленію остановить революцію. Она слишкомъ отождествляла общую борьбу въ Парижѣ съ той, которая происходила въ Ліонѣ, гдѣ интересы стараго порядка и новаго болѣе непосредственно пришли въ столкновеніе» [2]). Увлеченіе ея отражается въ письмахъ къ Боску, въ воззваніяхъ, съ которыми она обращается къ нему, и въ которыхъ раздраженіе

---

[1]) Lettres autographes de m-me Roland á Bancal des Issarts Introduction par S-te Beuve, p. 24.

[2]) «Lettres autographes de m-me Roland à Bancal des Issarts». Introduction par S-te Beuve.

соединяется съ крайней нетерпимостью. «Мужайтесь», пишетъ она 25-го августа 1789 года,—«и продолжайте собираться; соединеніе во имя общаго интереса способствуетъ распространенію идей и установленію общественнаго духа.—Наши глупые провинціальные города далеко отстали отъ васъ... Каждый имѣетъ въ виду лишь свои собственные интересы... Я полагаю, что добрый англичанинъ былъ правъ, и что намъ необходима междоусобная война... Небольшія распри и возстанія представляются мнѣ неизбѣжными: возможно ли, безъ страшныхъ сотрясеній, выйти изъ нѣдръ разврата и возвыситься до свободы? Это благодѣтельные кризисы серьезной болѣзни. ...Завяжется, вѣроятно, борьба; что же дѣлать? Надо вооружиться мужествомъ. Я бы охотно бросила науку и все остальное, чтобы всецѣло отдаться политикѣ: могутъ ли быть, въ настоящую минуту, другіе, столь же важные интересы? Но надо оставаться на своемъ мѣстѣ и не возставать противъ вліяній окружающей среды».—Письмо заключается характернымъ обращеніемъ въ республиканскомъ духѣ: «Прощайте; привѣтъ вамъ, во имя *гражданства* и *братства*».

Недовѣріе г-жи Роланъ къ образу дѣйствій правительства и опасенія ея за будущее—возрастали, по мѣрѣ того какъ печать приносила въ провинцію извѣстія о ходѣ революціи въ Парижѣ. Слухъ о войскахъ, которыя правительство стягивало въ Парижѣ, давалъ поводъ опасаться реакціи; отказъ короля принять безъ измѣненій декларацію правъ, представленную національнымъ собраніемъ, подтверждалъ опасенія всѣхъ искреннихъ друзей реформы.

«Намъ подсунутъ дурную конституцію», пишетъ г-жа Роланъ Боску, въ началѣ октября 1789 года [1]), «также какъ испортили нашу декларацію... Неужели не будетъ поданъ адресъ, требующій общаго пересмотра?»

По мнѣнію г-жи Роланъ, адресъ должны составить соединенные парижскіе дистрикты, или, еслибы послѣдніе отказались, «кто-бы ни былъ, лишь-бы количество подписей могло импонировать и увлечь своимъ примѣромъ».

Изъ переписки г-жи Роланъ съ Боскомъ мы видимъ, что, обращаясь съ воззваніями къ своимъ парижскимъ единомышленникамъ, она, въ то-же время, дѣятельно занималась распростра-

[1]) Въ изданіи Добана «Lettres de m-me Roland», ed. de 1867, письмо это помѣчено отъ 4-го сентября 1789 г., но, судя по событіямъ, о которыхъ въ немъ упоминается, оно не могло быть написано ранѣе 8-го октября.

неніемъ республиканскихъ идей въ провинціи; но результаты мало удовлетворяли ее.—Наши небольшіе города слишкомъ испорчены», замѣчаетъ она [1]),—«наши деревенскіе жители слишкомъ невѣжественны. Виллефраншъ полонъ аристократами,—выскочками, заимствующими предразсудки высшаго сословія». Еще менѣе удобную почву для республиканской пропаганды представлялъ Ліонъ, гдѣ Роланъ (вначалѣ 1790 г.) былъ избранъ членомъ муниципалитета. Тамъ, благодаря господству сильной аристократической партіи, революціонная пропаганда распространялась туго и медленно.

«Аристократія одержитъ здѣсь побѣду», пишетъ г-жа Роланъ [2]), «потому что она пользуется ошибками народа и долго будетъ ими пользоваться. Преобразованіе этого города представляется мнѣ болѣе отдаленнымъ, чѣмъ когда либо» [3]).

По мѣрѣ того, какъ развивались событія революціи, всѣ интересы частной жизни постепенно отодвигались для нея на второй планъ, передъ величественнымъ зрѣлищемъ, всецѣло поглощавшимъ ея мысли и чувства. Она съ страстнымъ, сосредоточеннымъ напряженіемъ слѣдила за ходомъ революціи въ Парижѣ и въ провинціи, мучаясь своимъ безсиліемъ, тяготясь ролью пассивнаго зрителя. Съ ея точки зрѣнія, дѣло революціи подвигалось слишкомъ медленно; ей непонятенъ казался нерѣшительный образъ дѣйствій приверженцевъ конституціонной монархіи, равно опасавшихся реакціи со стороны роялистовъ и крайностей радикальной партіи [4]). Вдали отъ театра борьбы, прогрессъ революціи представлялся г-жѣ Роланъ съ своей внѣшней, блестящей стороны: главное препятствіе къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, къ осуществленію идеаловъ свободы и равенства, она видѣла лишь въ противодѣйствіи правительства и аристократіи,—противодѣйствіи, съ ея точки зрѣнія, встрѣчавшемъ лишь слабый отпоръ со стороны національнаго собранія. Мысль эта выражается въ пламенныхъ воззваніяхъ

---

[1]) Письмо къ Боску 8-го октября 1789 г.

[2]) Письмо къ Банкалю 31-го іюля 1789 г.

[3]) «Ліонъ порабощенъ», пишетъ она 27-го сентября 1790 г., «нѣмцы и швейцарцы господствуютъ здѣсь силой штыковъ, которыми располагаетъ предательскій муниципалитетъ, дѣйствующій заодно съ министрами и дурными гражданами».

[4]) Непониманіе закулисной стороны революціи, борьбы партій, волновавшей Парижъ со времени событій 5-го и 6-го октября 1789 г., объясняетъ недовѣрчивое, нерѣдко—враждебное отношеніе г-жи Роланъ къ приверженцамъ конституціонной монархіи—Мирабо, Лафайетту, Малуэ, Мунье и др.

ея къ парижскимъ друзьямъ, полныхъ горькихъ упрековъ въ малодушіи, въ отсутствіи истиннаго патріотизма.

«Если вы падаете духомъ», пишетъ она Боску 22 января 1790 года, «вы поступаете какъ женщина, и берете на себя роль, которую я сочла бы недостойной для себя. Надо бодрствовать до послѣдней минуты,—или не вмѣшиваться въ революцію».

Съ 1789 года г-жа Роланъ завязываетъ сношеніе съ нѣсколькими политическими дѣятелями въ Парижѣ, приверженцами крайнихъ республиканскихъ взглядовъ. Она вступаетъ въ переписку съ Бриссо, агитировавшимъ въ то время въ Парижѣ, въ качествѣ издателя газеты «Patriote français», съ докторомъ Лантэна и съ Банкалемъ.

Общія дѣла связывали послѣднія два лица съ ея мужемъ [1]); но мотивомъ для ея личныхъ сношеній съ ними послужили политеческіе интересы [2]). Поэтому, современныя политическія событія являлись главнымъ предметомъ переписки; цѣль ея состояла въ томъ, чтобы сообщать политическія новости и общими силами способствовать распространенію революціонной пропаганды [3]) — «Съ

---

[1]) Въ это время Лантэна и Банкаль составили проектъ ассоціаціи съ Роланомъ, съ цѣлью совмѣстнаго пріобрѣтенія національныхъ земель, продававшихся въ то время за безцѣнокъ.

[2]) «Въ то время (въ 1790 году) г-жа Роланъ, неспособная къ техническимъ работамъ, которыми занималъ ее мужъ, читала интересный протоколъ избирателей 1789 года,—описаніе революціи 14-го іюля, взятіе Бастиліи. По случайному совпаденію, одинъ изъ этихъ избирателей, Банкаль, познакомился съ Роланами черезъ посредство общаго ихъ пріятеля, доктора Лантэна. Банкаль, происходившій изъ семьи фабрикантовъ въ Монпелье, переселившейся въ Клермонъ, занималъ въ этомъ городѣ должность нотаріуса. Въ эпоху знакомства съ Роланами онъ только что оставилъ это выгодное мѣсто, чтобы всецѣло предаться любимымъ занятіямъ—политическимъ и филантропическимъ изслѣдованіямъ. Это былъ человѣкъ 40 лѣтъ, не одаренный блестящими способностями, но мягкій и чувствительный, съ добрымъ сердцемъ». (Michelet: «Les femme de la Révolution»).

[3]) Lettres de m-me Roland, ed. par Dauban.—Примѣчаніе Боска: «Съ начала революціи г-жа Роланъ почти съ каждой почтой писала мнѣ письма, проникнутыя патріотическимъ духомъ; но я сохранилъ лишь тѣ, которыя не могли имѣть значенія въ печати. Остальныя письма, на мое имя, или на имя Лантэна, я передавалъ послѣднему, который сообщалъ ихъ Бріссо и другимъ. Многія изъ нихъ, замѣчательныя по энергіи и справедливости заключавшихся въ нихъ мыслей, были напечатаны въ разныхъ газетахъ, главнымъ образомъ въ «Patriote Français».—Большая часть переписки г-жи Роланъ, за 1790—91 годы, утрачена; сохранилась лишь переписка ея съ Банкалемъ и нѣсколько писемъ къ Бриссо, Лантэна и Боску.

тѣхъ поръ, какъ французы пріобрѣли отечество», говоритъ г-жа Роланъ въ первомъ своемъ письмѣ къ Банкалю (22 іюня 1790 г.), «между наиболѣе достойными изъ нихъ установилась новая, могущественная связь, которая сближаетъ ихъ, несмотря на разстоянія, и соединяетъ въ общей цѣли. Сторонникъ революціи не можетъ быть чуждъ тѣмъ, которые любятъ революцію и стремятся способствовать полному ея успѣху»...

«При старомъ порядкѣ надо было узнать другъ друга, чтобы оцѣнить; но при равной ненависти къ рабству, тиранніи и къ порокамъ, которые она вызываетъ и поддерживаетъ, въ эпоху, когда ненависть эта должна проявляться въ образѣ дѣйствій и въ жертвахъ, — всегда есть вѣрное мѣрило для оцѣнки своихъ ближнихъ» (18 іюля 1790 г.).—Въ словахъ этихъ выражается отсутствіе безпристрастія, характеризовавшее всю политическую дѣятельность жирондистовъ,—крайняя довѣрчивость къ своимъ политическимъ союзникамъ и подозрительность къ представителямъ другихъ партій. Ненависть къ старому порядку, къ правительству и къ аристократіи, рядомъ съ преклоненіемъ передъ народомъ и его верховными политическими правами, являлись, въ ихъ воззрѣніи, необходимыми аттрибутами истиннаго патріота, направлявшими ихъ политическія симпатіи. Эта односторонность и страстность сужденій характерно выражалась въ г-жѣ Роланъ. «Она прощала всѣмъ, которые гремѣли противъ придворныхъ и вѣрили лишь въ добродѣтель народа, превозносила весьма ничтожныхъ людей, какъ Лантэна и Паша, единственно потому, что они раздѣляли ея политическія воззрѣнія» [1]). Мотивъ этотъ послужилъ главнымъ поводомъ и въ сближеніи ея съ Банкалемъ. Въ первомъ ея письмѣ къ нему, развивая свои политическіе взгляды, она высказываетъ, между прочимъ, свою задушевную мысль: «Одинъ народъ истинно любитъ революцію, потому что такъ какъ интересъ его непосредственно связанъ съ общимъ интересомъ, онъ справедливъ по своему положенію, такъ-же какъ по природѣ [2]).

Въ политическомъ настроеніи г-жи Роланъ минутами прогля-

---

[1]) Dumont «Souvenirs sur Mirabeau».

«Г-жа Роланъ», говоритъ одинъ современникъ, знавшій ее лично (графъ Бенью), «страстно увлекалась своими политическими воззрѣніями. Она любила всѣхъ, которые раздѣляли ихъ, и ненавидѣла всѣхъ тѣхъ, которые держались иныхъ взглядовъ. Въ этомъ отношеніи она была въ высшей степени несправедлива».

[2]) Письмо къ Банкалю 22 іюня 1790 года.

дываетъ, въ эту эпоху, новая черта—оптимистическое отношеніе къ будущему Франціи. Революція 1789 года, возбудивши стремленіе практически примѣнить идеалы античной республики, оставила эти стремленія неудовлетворенными. Въ концѣ 1789 года, начиная съ 5 и 6 октября, въ общемъ теченіи революціи произошелъ рѣзкій поворотъ: вмѣсто 3-го сословія, главную роль начинаетъ играть народная масса, которая производитъ давленіе на правительство и предписываетъ свою волю національному собранію. Эта новая сила являлась, во взглядахъ республиканской партіи, спасительницей великихъ принциповъ декларацій правъ. «Мнѣ болѣе нечего завидовать древнимъ республикамъ», пишетъ г-жа Роланъ Банкалю (18 іюля 1790 года),—«еще болѣе ясный лучъ озаряетъ насъ; философія расширила знаніе правъ и обязанностей человѣка, мы станемъ гражданами, не будучи врагами несчастныхъ, не раздѣляющихъ благодѣяній нашего отечества».

Административная организація, введенная во Франціи въ началѣ 1790 года,—организація, поставленная самостоятельно отъ центральной исполнительной власти, являлась осуществленіемъ демократическихъ стремленій г-жи Роланъ. Пресса въ Парижѣ обличала правительство и его агентовъ, народные ораторы, все болѣе пріобрѣтавшіе популярности въ клубахъ, гремѣли противъ приверженцевъ конституціонной монархіи... Общее теченіе революціи соотвѣтствовало, повидимому, республиканскимъ мечтаніямъ г-жи Роланъ и друзей ея. Но чѣмъ реальнѣе представлялись мечты эти, тѣмъ ненавистнѣе дѣлались преграды, стоявшія на пути къ ихъ осуществленію. «Безопасность является погибелью свободы; неосторожности двора держатъ насъ на сторожѣ,—онѣ полезны въ этомъ отношеніи», замѣчаетъ г-жа Роланъ [1]), говоря о поведеніи короля на празднествѣ 14 іюля. Несмотря на чувство восторженнаго умиленія, вызванное этимъ торжествомъ [2]), ознаменовавшимъ

---

[1]) Письмо къ Боску 21 іюня 1790 года.

[2]) «Праздникъ Федераціи собралъ въ Ліонѣ половину жителей всего королевства, всѣ депутаціи нац. гвардіи. Съ ранняго утра г-жа Роланъ восхищалась съ берега Роны зрѣлищемъ массы народа, собравшагося во имя новаго братства.

«Вечеромъ того же дня она составила описаніе празднества для своего друга Шампанье, молодого человѣка, изъ чувства патріотизма занимавшагося изданіемъ газеты въ Ліонѣ. Этотъ номеръ газеты, безъ подписи, разошелся въ количествѣ 60-ти тысячъ». (Michelet, «Les femmes de la Révolution», p. 160).

освобожденіе Франціи, роль короля на празднествѣ 14 іюля, преклоненіе передъ нимъ окружающихъ оскорбляли республиканскую гордость г-жи Роланъ и ея единомышленниковъ, вызывая передъ ними страшный призракъ стараго порядка.

Дальнѣйшія событія показали, насколько радикальная партія 1790 года права была въ своемъ недовѣріи къ правительству и его сторонникамъ. Компромиссы и уступки ихъ не обманывали ее: она инстинктивно чувствовала въ старой монархіи врага, готоваго воспользоваться первымъ случаемъ для возстановленія стараго порядка.

Нѣкоторое основаніе было и въ недовѣріи, съ которымъ относились республиканцы къ національному собранію, къ его колебаніямъ, къ отсутствію въ немъ всякой опредѣленной, твердой программы. Но при этомъ они забывали, что колебанія эти являлись неизбѣжнымъ результатомъ всей прошлой исторіи Франціи, не выработавшей твердыхъ политическихъ принциповъ, отстранявшей отъ всякаго участія въ государственной администраціи тѣ самые классы, которые были теперь призваны къ управленію страной. Политическая незрѣлость принимала, въ ихъ взглядахъ, значеніе измѣны принципамъ 89 года,—обвиненіе, въ большей или меньшей степени падавшее на всѣхъ сторонниковъ конституціонной монархіи [1]). Такое же крайнее увлеченіе характеризовало и симпатіи этой партіи, обращавшіяся, главнымъ образомъ, къ народу [2]). Насколько высшее и среднее сословіе развратились, вслѣдствіе ненормальнаго, противоестественнаго строя жизни, настолько народъ представлялъ собой, въ ихъ взглядахъ, всѣ элементы политическаго и соціальнаго возрожденія; совершить революцію во имя народа и посредствомъ его—было любимой мечтой жирондистовъ.

Выразительницей этихъ стремленій и взглядовъ является г-жа Роланъ. Въ 1790 году въ Ліонѣ происходила борьба между го-

---

[1]) «По мнѣнію г-жи Роланъ, клубъ 89 года и такъ называемые «безпристрастные» — обратились въ самыхъ опасныхъ враговъ революціи. Сіэсъ, Барнавъ, Турэ, Робо—большинство тѣхъ, съ которыми ей суждено было погибнуть, не избѣгли наименованія «трусовъ» и «измѣнниковъ». («Lettres autographes de m-me Roland à Bancal des Issarts, publiées par m-me Bancal des Issarts. Introduction par S-te Beuve p. 27).

[2]) Идеализація народа являлась слѣдствіемъ отвлеченныхъ теорій о человѣческой природѣ Руссо, въ соединеніи съ невѣрнымъ представленіемъ о демосѣ въ греческихъ республикахъ.

родской администраціей и народомъ, требовавшимъ уничтоженія податей и акциза съ съѣстныхъ припасовъ. Г-жа Роланъ стремится оправдать это непосредственное вмѣшательство народа въ административное управленіе, ссылаясь на несправедливость акцизныхъ податей. «Общее требованіе народа въ Ліонѣ», пишетъ она [1]) «заставило муниципалитетъ отмѣнить акцизные сборы; только это средство и оставалось, чтобы сохранить промышленность въ городѣ, гдѣ она имѣетъ также важное значеніе»...

Въ дальнѣйшей борьбѣ, вызванной отказомъ національнаго собранія утвердить отмѣну акцизныхъ податей [2]), всѣ симпатіи ея на сторонѣ народа, даже тогда, когда уличныя стычки превратились въ открытый мятежъ.—«Народъ, самъ по себѣ, не могъ имѣть несправедливыя намѣренія», замѣчаетъ она [3])... «При благоразумномъ образѣ дѣйствія, можно было предупредить его чрезмѣрныя увлеченія... Но ліонская аристократія всегда искала предлога обвинить народъ въ заговорѣ, чтобы получить разрѣшеніе ввести въ городъ регулярныя войска: она торжествуетъ теперь, когда народъ, раздраженный рядомъ оплошностей или лукавыхъ происковъ, позабылъ законные пути и прибѣгнулъ къ насилію».

Сообщая друзьямъ въ Парижѣ о ходѣ революціи въ Ліонѣ, Роланы, вмѣстѣ съ Банкалемъ, Боскомъ и Лантэна, агитировали въ Ліонѣ, проповѣдуя противъ реакціи и содѣйствуя распространенію новыхъ принциповъ. Въ этой «апостольской миссіи»,—какъ называетъ ее г-жа Роланъ, они обращались къ двумъ главнымъ органамъ воздѣйствія—къ печати и клубамъ. «Важныя послѣдствія свободы прессы достаточно цѣнятъ», пишетъ г-жа Роланъ Банкалю 8 августа 1790 г., «все однако зависитъ отъ нея; ни одно злоупотребленіе не могло-бы существовать при этомъ могу-

---

[1]) Письмо къ Банкалю 18 іюля 1790 года.

[2]) «Вслѣдствіе громкаго протеста народной массы противъ акцизныхъ сборовъ, муниципалитетъ созвалъ собраніе секцій. Всѣ подали голосъ за уничтоженіе акцизныхъ податей посредствомъ замѣны ихъ. Вслѣдствіе единогласности этого требованія, муниципалитетъ 10-го числа торжественно провозгласилъ отмѣну акцизныхъ сборовъ... Но, въ то-же самое время, гонецъ, отправленный въ Парижъ муниципалитетомъ, увѣдомлялъ депутатовъ города о народныхъ волненіяхъ и, повидимому, убѣждалъ ихъ требовать удержанія акцизныхъ податей. Дѣйствительно, 13 го числа (въ іюлѣ 1790 г.), національное собраніе издало декретъ, предписывавшій сохраненіе ихъ». (Письмо г-жи Роланъ къ Банкалю 21-го іюля 1790 г.).

[3]) Письмо къ Банкалю 31-го іюля 1790 г.

щественномъ вспомогательномъ орудіи, а безъ него всѣ злоупотребленія возможны» [1]).

Г-жа Роланъ считала «весьма слабыми мнимыхъ патріотовъ [2]), опасавшихся порицанія или клеветы и, вслѣдствіе этого, требовавшихъ законовъ о печати». «Нація», говоритъ она, «не свободна и не можетъ стать свободной, если каждый не имѣетъ возможности обнаруживать измѣнническіе замыслы, заблужденія таланта, такъ-же какъ власти, критиковать мнѣнія каждаго, взвѣшивать самые законы на вѣсахъ всемірнаго разума и просвѣщать представителей власти въ ихъ ежедневномъ образѣ дѣйствій» [3]). «Что значитъ», восклицаетъ она,—«клевета, если человѣкъ невиненъ, и всегда готовъ доказать свою невинность; подобная война противъ добродѣтели, наоборотъ, представляется мнѣ очень полезной; быть можетъ, привычка и безопасность лишаютъ только добродѣтель ея энергіи; чтобы утвердиться, она должна подвергаться нападеніямъ,—опасности возвышаютъ ее» [4]).

---

[1]) Требованіе неограниченной свободы прессы было одной изъ главныхъ причинъ враждебнаго отношенія г-жи Роланъ къ Малуэ, подобно Мирабо, требовавшему «свободы, но не безнаказанности прессы».—«Я была у Шампанье, когда прочли первыя извѣстія о декретѣ, предложенномъ Малуэ», пишетъ г-жа Роланъ Банкалю, 8-го августа 1790 г.; «никто такъ не негодовалъ противъ него, какъ я, и не предвидѣлъ, повидимому, до чего можетъ простираться это злоупотребленіе. Mirabeau, «Aperçu de la situation de la France et des moyens de concilier la liberté publique avec l'autorité royale».

[2]) Намекъ на Малуэ.

[3]) Вдали отъ центра революціи, г-жа Роланъ не знала дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ Парижѣ (въ 1790 г.), гдѣ вліяніе клубовъ и печати уже начинало оказывать перевѣсъ надъ вліяніемъ національнаго собранія. Въ то время газета «Ami du peuple», наполненная клеветами, подстрекательствами и воззваніями къ мятежу, пріобрѣла видное значеніе. Въ одной изъ передовыхъ статей за іюнь 1790 г. (№ 198) читаемъ: «Поставьте въ Тюиллерійскомъ дворцѣ 800 висѣлицъ: пусть на нихъ болтаются всѣ измѣнники отечества, съ проклятымъ Рикетти во главѣ. Тутъ же рядомъ разложите большой костеръ, чтобы изжарить на немъ министровъ съ ихъ сообщниками» и т. д.

[4]) Письмо къ Банкалю 13-го августа 1790 г. Могущественнымъ орудіемъ воздѣйствія на національное собраніе являлись, во взглядахъ г-жи Роланъ, общества и клубы, дѣйствовавшіе «посредствомъ мудрыхъ и сильныхъ петицій, примѣненныхъ къ обстоятельствамъ»...—Установленіе отвѣтственности министровъ и обнародованіе отчетовъ по финансамъ,—первая цѣль, къ которой должны были стремиться клубы при содѣйствіи печати.—«Положеніе финансовъ является преисподней, куда деспотизмъ надѣется ввергнуть насъ», пишетъ г-жа Роланъ Банкалю 31-го іюля 1790 г.—«Парижъ одинъ способенъ

Въ 1790 году далеко еще было до осуществленія политическихъ мечтаній г-жи Роланъ и друзей ея. Монархическая власть сохраняла еще въ то время нѣкоторый авторитетъ; пренія о королевскомъ veto въ вопросѣ о войнѣ были рѣшены въ благопріятномъ для нея смыслѣ [1]). Праздникъ федераціи 14 іюля 1790 г. былъ, повидимому, торжествомъ конституціонной монархіи, созданной національнымъ собраніемъ.

Такое положеніе дѣлъ должно было возбуждать опасенія со стороны республиканской партіи, въ то время еще слабой и немногочисленной.

Война, внутренняя и внѣшняя, не смотря на всѣ сопровождающія ее бѣдствія, являлась, въ ихъ взглядахъ, необходимымъ факторомъ утвержденія и распространенія принциповъ декларацiи правъ.

«Злополучіе», замѣчаетъ г-жа Роланъ [2]),—является школой націй, такъ-же какъ отдѣльнаго человѣка; необходимо пройти черезъ испытанія, чтобы стоить чего-нибудь»... «Буря надвигается», пишетъ она Боску [3]), въ минуту отчаянія,—«плуты объявляются, преступная партія торжествуетъ; и вы забываете, что возстаніе—самый священный долгъ, когда отечество въ опасности! Какъ вы походите еще на тотъ легкомысленный народъ, который былъ способенъ лишь на минутное увлеченіе, только по внѣшнему виду походившее на энтузіазмъ!» [4]).

противодѣйствовать ему; его могущественный протестъ, подобный гласу Создателя, долженъ извлечь свѣтъ изъ нѣдръ хаоса, заставить собраніе сорвать завѣсу, скрывающую беззаконіе финансовыхъ тайнъ, привлечь къ отвѣтственности министровъ и предать суду гнуснаго Тартюффа (намекъ на Неккера), обманувшаго довѣріе великодушной и увлекающейся націи».

[1]) Въ маѣ 1790 года, въ національномъ собраніи происходили пренія о правѣ войны и мира, т. е.—о существенной статьѣ королевскихъ преимуществъ. Лѣвая сторона хотѣла предоставить это право исключительно національному собранію. Между тѣмъ, Мирабо, рѣшительнѣе чѣмъ въ вопросѣ о vêto, ратовалъ въ пользу правительства за смѣшанное пользованіе этимъ правомъ... Вопреки Барнаву, самому видному оратору изъ противниковъ Мирабо, послѣднему удалось провести окончательное рѣшеніе въ своемъ духѣ. По его предложенію было постановлено, что правомъ войны и мира сообща располагаютъ король и собраніе. (Гейссеръ: «Исторія французской революціи 1789—1799 гг.», стр. 160).

[2]) Письмо къ Банкалю, 18-го августа 1790 г.

[3]) 27-го сентября 1790 г.

[4]) Бриссо, повидимому, дремлетъ, говоритъ г-жа Роланъ въ томъ же письмѣ Боску, 24 сентября 1790 г. «Лустелло умеръ, и мы горько оплакали

Какъ ни заблуждалась г-жа Роланъ въ своихъ политическихъ цѣляхъ и въ средствахъ достиженія ихъ, нельзя не признать чистосердечіе и искренность ея убѣжденій. Патріотизмъ ея не былъ чувствомъ искусственнымъ, фиктивнымъ: это была страсть, глубоко проникавшая все существо ея, которой она готова была пожертвовать всѣмъ своимъ личнымъ счастьемъ. Уже въ то время, въ 1790 году, г-жа Роланъ предчувствовала, что завѣтной ея мечтѣ не суждено осуществиться въ ближайшемъ будущемъ,—что современное ей поколѣніе должно ограничиться подготовительной дѣятельностью, не надѣясь увидѣть результаты своихъ трудовъ.—«Предназначивши намъ жить въ эпоху ~~затрагиваемой~~ зарождающейся свободы», говоритъ она [1]),—«судьба поставила насъ въ первые ряды арміи, которая должна сражаться во имя ея и доставить ей побѣду; на насъ лежитъ задача хорошо выполнить нашу миссію и приготовить такимъ образомъ счастье грядущихъ поколѣній...» «При томъ», прибавляетъ она,—«не отраднѣе ли бороться для счастья цѣлой націи, чѣмъ для своего собственнаго! И что же представляетъ жизнь мудреца въ общественномъ быту, какъ не вѣчную борьбу противъ предразсудковъ и страстей?... Кровь прольется, но тираннія не будетъ возстановлена; ея желѣзный престолъ поколебленъ во всей Европѣ, и усилія державныхъ властителей только ускорятъ паденіе его. Да падетъ онъ!—еслибы даже намъ суждено было погибнуть подъ его развалинами: новое поколѣніе замѣнитъ насъ, чтобы пользоваться достигнутой нами свободой, и чтобы благословлять наши труды!..»

его потерю. Демулэнъ могъ бы вновь взяться за свою должность генеральнаго прокурора фонарей. Но гдѣ же энергія народа» и т. д. Письмо къ Боску 20 декабря 1790 г.: «Постановите же декретъ объ отвѣтственности министровъ, обуздайте исполнительную власть; организуйте національную гвардію: сто тысячъ австрійцевъ собираются на нашихъ границахъ, бельгійцы побѣждены; деньги наши растрачиваются, неизвѣстно какъ; принцы крови и эмигранты получаютъ субсидіи и добываютъ на наши деньги орудія, чтобы поработить насъ... Чортъ побери! Хотя вы и парижане, вы не видите предстоящую опасность, или вамъ недостаетъ энергіи, чтобы двигать національное собраніе! Революцію совершили не представители наши,—за немногими исключеніями,—они не на высотѣ ея: революцію совершило *общественное мнѣніе-народъ*, который всегда справедливъ, когда мнѣніе это хорошо направляетъ его; Парижъ—центръ этого общественнаго мнѣнія. И такъ, довершите ваше дѣло, или готовьтесь окропить его вашей кровью. Прощайте,—гражданка и другъ вашъ на жизнь и на смерть».

[1]) Письмо къ Банкалю 18-го августа 1790 года.

Переписка г-жи Роланъ за 1790 годъ сосредоточивается, главнымъ образомъ, на событіяхъ политическихъ; интимная сторона ея жизни остается на второмъ планѣ. Общіе политическіе взгляды и общая дѣятельность послужили первоначальной связью г-жи Роланъ съ Боскомъ, Лантэна и Банкалемъ; впослѣдствіи, при болѣе короткомъ знакомствѣ, отношенія между ними сдѣлались еще ближе и дружественнѣе. Всѣхъ тѣснѣе, по характеру и воззрѣніямъ, г-жа Роланъ сблизилась съ Банкалемъ. Вскорѣ послѣ перваго ея письма къ нему (22 іюня 1790 года), Банкаль познакомился съ г-жей Роланъ, которая произвела на него глубокое впечатлѣніе [1]).

[1]) «Красота, умъ и краснорѣчіе г-жи Роланъ привлекли сердце Банкаля. Въ то время г-жа Роланъ была еще молода, ей было всего 35 лѣтъ; человѣкъ, мало знавшій ее, могъ подумать, что страстность, которую она вносила въ общественное дѣло, проистекала изъ безсодержательности ея семейной жизни. Банкаль не скрылъ отъ нея свои чувства; онъ писалъ ей влюбленныя письма. Онъ поступалъ дурно; но въ эпоху, когда господствовала еще распущенность нравовъ стараго порядка, подобный проступокъ былъ простителенъ. Гораздо болѣе достойно порицанія было отношеніе къ ней доктора Лантэна, стариннаго друга, съ которымъ Роланъ встрѣтился въ Италіи и котораго онъ представилъ своей женѣ послѣ ихъ брака. Г-жа Роланъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что Лантэна, который держалъ себя порядочно по отношенію къ ней, пока она отстраняла всѣхъ остальныхъ ухаживателей, сталъ открыто высказывать свое неудовольствіе, замѣтивши, съ ея стороны, предпочтеніе другому лицу». (Lettres de m-me Roland», ed. par Dauban).

По этому поводу, вызвавшему между ними разрывъ, г-жа Роланъ писала ему письмо, гдѣ говоритъ, между прочимъ: «Я къ вамъ относилась съ уваженіемъ, дружбой и довѣріемъ; безъ сомнѣнія, когда я стала выказывать такія же чувства другому лицу, вы имѣли право удалиться, но вы не вправѣ были жаловаться. Когда ослѣпленіе ваше, въ этомъ отношеніи, доходитъ до выраженія вашего недовольства третьему лицу,—вы обманываете довѣріе, которое я высказывала вамъ, вы дѣйствуете не честно; я вижу въ васъ лишь низменную душу, предавшуюся чувству, которое я не хочу называть, но которое я презираю... Я высказываю это такъ же открыто, какъ и всѣ мои чувства, такъ какъ ни одного нѣтъ у меня, въ которомъ я не могла бы признаться, хотя мнѣ извѣстно, какъ дурно можетъ истолковать ихъ извращенный свѣтъ»... (Scherer: «Nouvelles études sur la litterature contemporaine»)

Лантэна принадлежалъ, повидимому, къ разряду тѣхъ ничтожныхъ и ограниченныхъ людей, которымъ революція вскружила голову и которыхъ она вывела изъ свойственной имъ скромной сферы дѣятельности. При осужденіи жирондистовъ (2-го іюня 1793 года), Маратъ, его бывшій собратъ по медицинѣ, вычеркнулъ его изъ списка приговоренныхъ къ смерти, какъ человѣка безвреднаго по своей ограниченности. Это нелестное мнѣніе подтверждается статьями, которыя Лантэна посылалъ Бриссо, съ пошлыми заглавіями вродѣ слѣд: «Когда народъ созрѣлъ для свободы, нація всегда достойна быть свободной». (Письмо Лантэна къ Банкалю 26-го октября 1790 года). Въ одномъ

Съ этого времени отношенія ихъ, завязавшіяся на отвлеченной почвѣ, принимаютъ романическій оттѣнокъ, проглядывающій въ письмахъ къ нему г-жи Роланъ. Судя по шутливому намеку, съ которымъ обращается къ нему г-жа Роланъ [1]), въ одномъ изъ первыхъ своихъ писемъ, онъ доказывалъ, что не политическія событія послужили мотивомъ для сближенія ихъ, что они сблизились бы и при другихъ обстоятельствахъ,—что они были какъ бы роковымъ образомъ предназначены для взаимной дружбы [2]). — Послѣ посѣщенія «Clos de la Platière, въ сентябрѣ 1790 года, чувство его усилилось и однажды, въ бесѣдѣ наединѣ съ г-жей Роланъ, онъ признался ей въ любви.

Вскорѣ послѣ этого, онъ уѣхалъ и написалъ письмо Роланамъ [3]),—мужу и женѣ вмѣстѣ,—письмо, въ которомъ послѣдняя

изъ послѣднихъ ея писемъ, г-жа Роланъ такъ характеризуетъ Лантэна: «Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые хороши, пока не подверглись испытаніямъ и вліянію страстей... Это выродки, не созданные для страсти, которые не могутъ внушать ее, но которые способны на чувство бѣшенства и, въ особенности, на подлость, по отношенію къ тѣмъ, которые счастливѣе ихъ».

[1]) Письмо г-жи Роланъ къ Банкалю, 31 іюля 1790 года: «Я улыбнулась на ваше стараніе доказать, что дружеская связь между нами существовала бы и независимо отъ революціи политическихъ событій: вы какъ будто боитесь, чтобы честь нашей дружбы не принадлежала революціи; я почти готова обвинить васъ въ недостаткѣ чувства патріотизма».

[2]) «Есть тайные узы», писалъ онъ,—«безотчетныя симпатіи».

[3]) Въ письмѣ этомъ Банкаль съ увлеченіемъ говоритъ, между прочимъ, о проектѣ совмѣстнаго пріобрѣтенія національныхъ земель и поселеніи ихъ вмѣстѣ.

«Она будетъ отрадой нашей жизни», говорилъ онъ о г-жѣ Роланъ», — и мы не будемъ безполезны для нашихъ ближнихъ».—Какъ видно изъ переписки между друзьями, Роланъ самъ убѣждалъ его соединиться съ ними. «Письма, въ которыхъ говорится объ этомъ проектѣ, выражаютъ благородную довѣрчивость, глубокую вѣру въ добродѣтель и дружбу, — и даютъ самое высокое понятіе о Роланѣ и о всемъ ихъ кружкѣ». (Michelet, «Les femmes de la Révolution).

«Если правда, что лѣса Алиса такъ привлекательны», пишетъ Роланъ Банкалю (7-го октября 1790 года), «и если нашъ образъ жизни нравится вамъ,— почему бы вамъ не раздѣлить его?.. Вы видѣли наше прямое, открытое обращеніе; въ мои годы не мѣняется тотъ, кто всю жизнь не измѣнялъ себѣ... Быть можетъ, все это — испанскіе замки; но проектъ этотъ представляется мнѣ въ высшей степени заманчивымъ. Мы вмѣстѣ проповѣдываемъ патріотизмъ, просвѣщаемъ окружающую среду; докторъ (Лантэнъ) занимается своимъ ремесломъ, жена моя—аптекарь кантона; вы и я устраиваемъ дѣла наши; всѣ мы проповѣдываемъ миръ, единеніе, согласіе»... («Lettres autographes de m-me Roland à Bancal des Issarts», publiées par m-me Bancal des Issarts, p. 113).

прочла нѣсколько выраженій, имѣвшихъ для нея особенный смыслъ; тогда-то она написала ему [1]) изъ деревни, въ отсутствіи мужа, письмо, характерно обрисовывающее ея нравственную личность и свидѣтельствующее, что если она не отвѣчала взаимностью, то и не вполнѣ была къ нему равнодушной [2]).

«Я берусь за перо, не взвѣшивая и не зная, что̀ скажу вамъ. Въ головѣ у меня много разныхъ мыслей, которыя, безъ сомнѣнія, мнѣ легче было-бы выразить, еслибы онѣ сопровождались чувствами менѣе бурными... Воля моя безупречна, сердце чисто и, между тѣмъ, — я не спокойна! «Она составитъ величайшую отраду нашей жизни», пишете вы, — «и мы не будемъ безполезны для нашихъ ближнихъ»;—вы говорите это о дружбѣ, связывающей насъ, и эти утѣшительныя слова не возвратили мнѣ еще спокойствія!.. Это потому, что я не увѣрена въ вашемъ счастьи, — потому что мнѣ показалось, что вы связываете его, отчасти, съ условіями, которыя ложны, въ моихъ глазахъ, съ надеждами, которыя я должна воспретить» [3])...

«Привыкнувши видѣть безкорыстное ухаживаніе молодого Лантэна по отношенію къ своей женѣ, Ролану не приходило въ голову, чтобы Банкаль, старше и съ болѣе серьезнымъ складомъ ума, могъ внести разладъ въ его семью. Въ женѣ своей, которую онъ такъ любилъ, онъ видѣлъ не столько женщину, сколько неизмѣннаго товарища въ своихъ работахъ. Трудолюбивая, бодрая, энергичная, съ прозрачнымъ цвѣтомъ лица, съ спокойнымъ, яснымъ взоромъ, — г-жа Роланъ являлась самымъ успокоительнымъ воплощеніемъ добродѣтели и силы. Она обладала внѣшней привлекательностью женщины, при мужественномъ умѣ и стоическомъ сердцѣ. Въ сравненіи съ ея друзьями— Банкалемъ, Лантэномъ, Боскомъ, Шампаньё,—она мужественнѣе ихъ всѣхъ. А изъ всего кружка—самый слабый тотъ, который кажется самымъ твердымъ» — суровый Роланъ, неразрывно связанный съ другой жизнью глубокой старческой страстью». (Michelet, «Les femmes de la Révolution», p. 162, 163.).

[1]) 8-го октября 1790 года.

[2]) «Письмо это», замѣчаетъ Мишлэ,—«наивное и глубоко прочувствованное, является неоцѣненнымъ свидѣтельствомъ нравственной чистоты г-жи Роланъ, и дѣвственности сердца, — которыя она всегда сохраняла»... (Michelet, «Les femmes de la Révolution»).

[3]) «Безъ сомнѣнія», говоритъ она въ томъ-же письмѣ Банкалю—«привязанность, которая сближаетъ насъ, должна придать новую прелесть и цѣну нашей жизни; безъ сомнѣнія, добродѣтели, которыя можетъ развить или поддержать подобная привязанность, должны быть возвышенны и плодотворны: вотъ основа моей вѣры, — вотъ скала, поддерживающая меня среди сильнѣйшихъ волненій бури. Но кто можетъ предвидѣть вліяніе волненій слишкомъ сильныхъ, или слишкомъ часто возобновляемыхъ? Не должно-ли избѣгать ихъ,

Природа открытая и прямая, ей тяжело было скрывать свое чувство отъ мужа и отъ посторонних. «Почему строки эти, которыя я пишу вамъ», говоритъ она въ томъ-же письмѣ Банкалю, — «не могутъ быть посланы иначе, какъ подъ покровомъ тайны. Почему приходится скрывать отъ взоровъ людскихъ чувство, въ которомъ нѣтъ причины стыдиться и передъ высшимъ божествомъ?.. Что означаютъ эти соціальныя противорѣчія, эти людскіе предразсудки, среди которыхъ такъ трудно направлять собственное сердце, если готовность къ самопожертвованію и твердость характера не соединяются съ чистотой намѣреній, чтобы предохранить отъ искушеній, представляемыхъ на пути долга?—Когда мы увидимся съ вами?—вопросъ, который я часто дѣлаю себѣ и который не смѣю разрѣшить...»

Все письмо представляетъ трогательную смѣсь добродѣтели, страсти и непослѣдовательности; въ то-же время, въ немъ слышится меланхолическая нотка, — какъ бы мрачное предчувствіе ожидающей судьбы [1]). Заботливое участіе къ другу заглушало въ ней личное чувство; преданность идеѣ долга поддерживаетъ ее въ борьбѣ съ собой. Но, несмотря на непоколебимую твердость характера, и у нея бывали минуты упадка духа и слабости. Въ одну изъ такихъ минутъ, вспоминая послѣднее свое свиданіе съ Банкалемъ, она не въ состояніи совладать съ охватившей ее грустью. Съ чувствами, возбужденными разлукой съ нимъ, совпали явленія природы.—«Прекрасные дни, которые мы провели съ вами здѣсь», пишетъ она [2])—«смѣнились непогодой; въ самый вечеръ вашего отъѣзда погода измѣнилась и, по случайности, необычайной въ это время года, не проходило дня въ теченіе всей недѣли, чтобы не слышны были раскаты грома. Гроза надвигается и въ настоящую минуту; мнѣ нравится величественный и мрачный характеръ, который она придаетъ окружающей природѣ; но еслибы видъ ея былъ ужасенъ, она не внушила-бы мнѣ чувства страха.

еслибы даже слѣдствіемъ ихъ была лишь та слабость духа, которая временно унижаетъ нравственное существо человѣка, дѣлая его неспособнымъ стоять на высотѣ своего положенія? Но нѣтъ, я ошибаюсь, — вы далеки отъ этого: вы можете испытывать иногда грусть, но вы не способны падать духомъ; между тѣмъ, только слабость можетъ привести къ унынію, или къ пагубнымъ увлеченіямъ... Вѣра въ вашу силу поддерживаетъ меня... Сообщайте мнѣ, или лучше—намъ—о вашихъ дѣйствіяхъ и проектахъ, о томъ, что вы знаете объ общественномъ дѣлѣ, и что предполагаете предпринять для него»...

[1]) Michelet, «Les femmes de la Révolution».

[2]) Письмо къ Банкалю 8-го октября 1790 года.

Явленія природы, заставляющія блѣднѣть слабаго духомъ, на чувствительнаго человѣка, поглощеннаго великими интересами, производятъ лишь относительное впечатлѣніе, всегда менѣе потрясающее чѣмъ тѣ, которыя происходятъ въ его собственномъ сердцѣ».

Чувство г-жи Роланъ къ Банкалю, проглядывающее въ этомъ письмѣ, проходитъ тонкой нитью во всей перепискѣ ея съ нимъ осенью и зимой 1790 года. Рядомъ съ политическими событіями, продолжавшими привлекать ея вниманіе, въ письмахъ г-жи Роланъ къ Банкалю сквозятъ намеки на «соединяющую ихъ тайную симпатію», — намеки, правда, туманные, но которые становятся понятны послѣ ея признаній.—«Цѣлыхъ сто льё раздѣляютъ насъ теперь!» пишетъ она ему 28 октября 1790 года [1]), — «но бываютъ такія разлуки, въ которыхъ разстояніе не имѣетъ почти значенія... Что представляетъ пространство для друзей, которые не могутъ бесѣдовать другъ съ другомъ»? [2]).. Но вслѣдъ за этимъ какъ-бы невольнымъ возвращеніемъ къ своему чувству, она пытается возстановить упавшую энергію Банкаля, — обратить его дѣятельность на общіе интересы, воодушевить его на пользу отечества.

«Великіе интересы общественнаго дѣла», пишетъ она,—«представляютъ достойные предметы для вашей дѣятельности. Патріоты должны поддерживать священный огонь; министры продолжаютъ бороться противъ революціи, собраніе не регулируетъ финансы, отчетовъ все нѣтъ.. Ваше путешествіе въ Англію, повидимому, теперь довольно сомнительно, такъ какъ еслибъ началась война, не слѣдовало-бы уѣзжать... Да отклонитъ отъ насъ небо эти иностранныя распри, вызванныя врагами конституціи, въ надеждѣ погубить ее! Да водворится въ моемъ отечествѣ мудрое правительство, которое возвратило-бы людей къ справедливости и къ добру, и дало-бы имъ счастье, которое предназначено имъ природой!»

---

[1]) Въ то время Банкаль уѣхалъ изъ Клермона въ Парижъ.

[2]) «Женщины», говоритъ она въ томъ-же письмѣ,—«не созданы для того, чтобы раздѣлять всѣ занятія мужчинъ; онѣ всецѣло должны посвящать себя добродѣтели, семейнымъ заботамъ,—и не могутъ отвращаться отъ свойственной имъ дѣятельности, безъ ущерба для своего счастья. Счастливы тѣ, которыя не имѣютъ противорѣчивыхъ обязанностей, и не принуждены жертвовать нѣкоторыми изъ нихъ». (Lettres autographes de m-me Roland à Bancal des Issarts, publiées par m-me Bancal des Issarts).

Въ ноябрѣ 1790 г., Банкаль уѣхалъ въ Англію. Въ этотъ періодъ переписка его съ г-жей Роланъ дѣлается рѣже, и послѣдняя, въ полушутливой, граціозной аллегоріи, упрекаетъ его въ забывчивости, въ измѣнѣ старымъ друзьямъ [1]).

Съ небольшимъ два мѣсяца позднѣе (11 февраля 1791 года), г-жа Роланъ увѣдомляетъ его о предстоящей своей поѣздкѣ въ Парижъ, куда мужъ ея, состоявшій членомъ ліонскаго муниципалитета, былъ отправленъ въ качествѣ депутата въ національное собраніе [2]).

---

[1]) Къ письму г-жи Роланъ, 30 ноября 1790 года, присоединена была басня подъ заглавіемъ «Соловей и Малиновка». «Съ раннихъ лѣтъ лишенная свободы, малиновка мирно жила, ни о чемъ не сожалѣя. Добрый хозяинъ, красивая клѣтка — удовлетворяли ея требованія, или сдерживали ея желанія. Однажды блестящій соловей, распѣвая свои пѣсни, случайно прилетѣлъ къ ея клѣткѣ. Красивые глазки, хорошенькія перушки и особенно — прекрасный, нѣжный голосъ привлекли и очаровали бѣдную плѣнницу. Отъ симпатіи къ любви—одинъ шагъ: и соловей съ малиновкой полюбили другъ друга. Что же далѣе? Малиновка, постоянная въ своей неволѣ, должна была своимъ щебетаніемъ вознаграждать заботы хозяина своего, нѣжно ее любившаго; между тѣмъ увлеченный славой, соловей отправился въ лѣса воспѣвать весну, свободу, любовь. «Лети, преслѣдуй свое поприще», сказала ему растроганная малиновка; «будь гордостью нашихъ лѣсовъ, поучай ихъ дикихъ обитателей; прославляя счастье, ты будешь доставлять его; чувствительная къ твоимъ успѣхамъ, я буду радоваться торжеству твоему».

Затѣмъ,—клятвенныя увѣренія въ любви, трогательныя слова—и они распрощались. Соловей взмахнулъ крыльями и исчезъ въ поднебесьи. Вскорѣ новыя страны, чудныя рощи, незнакомыя птицы—привлекли его взоры; между птицами любопытство такъ же развито, какъ и между людьми: хочется все поглядѣть, посмотрѣть, а время уходитъ все далѣе и далѣе...

Прощай, узница въ клѣткѣ!
Сколько-бъ ни считала бѣдняжка минуты,
Онѣ скоро проходятъ для того, кто въ отсутствіи.

Afflictis lentae, celeres gaudentibus, horae—таково нравоученіе басни.

Въ началѣ 1791 года, въ тонѣ писемъ г-жи Роланъ происходитъ измѣненіе. Около этого времени, Банкаля постигло большое горе—потеря любимаго отца. Письма къ нему г-жи Роланъ этого періода полны самаго искренняго дружескаго участія; въ нихъ отражается тонкое чутье и глубокое пониманіе человѣческой природы.

[2]) «Среди кризисовъ, неизбѣжныхъ въ эпоху революціи», говоритъ г-жа Роланъ, въ своихъ мемуарахъ,—«Роланъ былъ выбранъ членомъ ліонскаго муниципалитета. Положеніе его, семья, отношенія—повидимому, связывали его съ аристократіей; характеръ его, репутація приближали его къ народной партіи... Какъ только сталъ извѣстенъ его образъ мыслей, противъ него вооружились враги, тѣмъ болѣе непримиримые, что онъ безпощадно обнаруживалъ

«Я не скрою отъ васъ», пишетъ г-жа Роланъ Банкалю, 11 февраля 1791 года,—«что я ѣду въ Парижъ; я буду откровенна и признаюсь вамъ даже, что обстоятельство это прибавляетъ къ моимъ раскаяніямъ, что я убѣждала васъ поскорѣе возвратиться. Въ этомъ положеніи есть безконечно много оттѣнковъ, которые живо чувствуются, но не могутъ быть выражены словами. Но одно ясно, и это я вамъ откровенно выскажу,—я бы не желала, чтобы вы когда-либо руководствовались въ вашемъ образѣ дѣйствій временными соображеніями и частными привязанностями. Помните, если мнѣ нужно счастье друзей моихъ, счастье это (для тѣхъ, которые думаютъ и чувствуютъ, какъ мы) обусловливается полной безупречностью. Вотъ точка, гдѣ, я надѣюсь, мы всегда встрѣтимся, и она настолько возвышенна, что мы можемъ соединиться въ ней, не смотря на превратности міра и объемъ пространства».

Слова эти, въ которыхъ отражаются слѣды глубокой внутренней борьбы, являются какъ-бы послѣднимъ отголоскомъ зарождавшагося чувства г-жи Роланъ къ Банкалю. Романъ между ними,—если можно такъ назвать соединявшую ихъ горячую симпатію, «былъ, съ ея стороны, результатомъ лишь чувства, а не страсти» [1]).

Это не была еще та глубокая, сосредоточенная любовь, которая охватила, наконецъ, ея сердце,—та любовь, на которую она намекаетъ въ своихъ мемуарахъ, когда, привѣтствуя владычество философіи, замѣнившей ей религіозное чувство, она прибавляетъ, что эти постоянные оплоты должны были, повидимому, навсегда оградить ее отъ бури страстей, «охватившей ее въ зрѣлые годы». [2]).

всѣ злоупотребленія, распространившіяся въ администраціи городскихъ финансовъ. Администрація эта, въ уменьшенномъ видѣ, представляла расхищеніе государственной администраціи, и долги Ліона возросли до 40 милліоновъ. Приходилось просить вспомоществованій: фабрики потерпѣли громадные убытки въ первый годъ революціи, и 20 тысячъ рабочихъ оставались всю зиму безъ куска хлѣба. Вслѣдствіе этого, рѣшено было отправить экстраординарнаго депутата въ національное собраніе, и Роланъ былъ избранъ депутатомъ». (Mémoires de m-me Roland, t. 1-er, p. 73, 74).

[1]) «Lettres autographes des m-me Roland à Bancal des Issarts, publiées par m-me Bancal des Issarts. Introduction par s. Beuve.

[2]) Mémoires de m-me Roland.

ГЛАВА X.

Г-жа Роланъ въ Парижѣ. Отношеніе ея къ радикальной и умѣренно-либеральной партіямъ.—Взглядъ г-жи Роланъ на событія французской революціи въ теченіе лѣта 1791 года.

Съ начала 1791 года, съ переѣзда г-жи Роланъ въ Парижъ, отношенія ея съ Банкалемъ теряютъ романическій оттѣнокъ и переходятъ въ простую дружбу, основанную на общности политическаго міровоззрѣнія. Всѣ интересы ея, съ этой минуты, переносятся на общественное дѣло, все болѣе поглощавшее ея мысли и чувства; переписка съ Банкалемъ принимаетъ характеръ отвлеченный, касаясь, почти исключительно, современныхъ политическихъ событій.

Г-жа Роланъ пріѣхала въ Парижъ 20 февраля 1791 года, наканунѣ того важнаго момента, когда должна была рѣшиться участь республики. Она пріѣхала, одушевленная революціоннымъ пыломъ, проникнутая глубокимъ сочувствіемъ къ радикальной республиканской партіи и недовѣріемъ къ національному собранію. Это чувство недовѣрія усиливалось съ приближеніемъ ея къ центру борьбы, по мѣрѣ личнаго столкновенія съ политическими группами и партіями.

«Я была на засѣданіи національнаго собранія», пишетъ она Банкалю, вскорѣ по пріѣздѣ въ Парижъ,—«и нашла его слабымъ духомъ и постепенно развращающимся; аристократовъ соединяетъ соучастіе въ интересахъ, патріоты дѣйствуютъ безъ единства, безъ согласія въ общемъ дѣлѣ...» [1]).

Всѣ члены учредительнаго собранія вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности работали, по ея мнѣнію, «изо дня въ день, безъ предусмотрѣннаго порядка, часто наперекоръ заранѣе составленному плану» [2]). «Это громадный механизмъ», замѣчаетъ она, «пущенный

---

[1]) «Я слышала», говоритъ она далѣе, въ томъ же письмѣ,—«хитраго, обманчиваго Мори, который не болѣе какъ талантливый софистъ; страшнаго Казалэса, который нерѣдко является великимъ ораторомъ, но столь же часто,—актеромъ и крикуномъ; ловкаго Мирабо, болѣе привязаннаго къ личному успѣху, чѣмъ къ общественному благу; привлекательныхъ Ламетовъ, какъ бы созданныхъ, чтобы быть идолами народа и вводить его въ заблужденіе; маленькаго Барнава, резонера, холоднаго какъ тыква, поджаренная въ снѣгу,—употребляя выраженіе одной писательницы прошлаго столѣтія; точнаго Шапелье, яснаго и методичнаго, но нерѣдко измѣняющаго принципамъ.

[2]) Письмо г-жи Роланъ къ Банкалю, 15 марта 1791 г.

въ ходъ обстоятельствами,—механизмъ, дѣйствіе котораго трудно заранѣе предвидѣть».

Упоминая лишь мимоходомъ о партіи «черныхъ» (правой), слишкомъ слабой и скомпрометированной въ общественномъ мнѣніи, чтобы внушать опасенія, г-жа Роланъ отмѣчаетъ, какъ самыхъ опасныхъ враговъ революціи, клубы 89 года и «Безпристрастныхъ»,—проявлявшихъ стремленіе «усилить, по возможности, монархическую власть и приблизить Францію къ формѣ англійскаго правительства,—поддержать постоянное различіе между классомъ богатыхъ и неимущихъ». «Партія эта», замѣчаетъ г-жа Роланъ, «стремится якобы къ свободѣ; но она ненавидитъ равенство, считая его невозможнымъ или опаснымъ» [1]).

Отрицательное отношеніе г-жи Роланъ къ главнымъ дѣятелямъ революціи вытекаетъ не только изъ различія въ политическихъ взглядахъ, но и изъ различія нравственнаго настроенія. Въ ту эпоху, въ началѣ 1791 года, самые выдающіеся дѣятели учредительнаго собранія, всего искреннѣе преданные дѣлу революціи, уже утратили часть своей энергіи въ продолженіе 2-хъ лѣтъ напряженной дѣятельности; послѣ стремительнаго порыва, они испытывали нравственное утомленіе, къ которому примѣшивалось нѣкоторое разочарованіе... «Въ нихъ уже не было», говоритъ Мишле, «той бодрости духа, той цѣльности чувствъ и впечатлѣній, той глубокой, беззавѣтной вѣры, которая являлась характерными чертами г-жи Роланъ... Энергическая, сильная духомъ, безпощадная ко всякимъ сдѣлкамъ и компромиссамъ, она у всѣхъ требовала отчета, не признавая никакихъ отсрочекъ и преградъ» [2]).

Съ ея точки зрѣнія, ни одна партія не отвѣчала вполнѣ своему назначенію. Нац. собраніе внушало ей отвращеніе, друзья—чувство состраданія. «Со стороны лѣвой», замѣчаетъ она въ письмѣ Банкалю (12 мая 1791 года),—«нѣтъ ни одного человѣка съ характеромъ, который, съ пламенной приверженностью къ добру, соединялъ бы ту отважную твердость духа, которая возстаетъ противъ невзгодъ судьбы и сокрушаетъ ихъ».—Лучшіе патріоты, по ея мнѣнію, болѣе увлекались собственной славой, чѣмъ великими интересами отечества, всѣ они—«посредственные люди, даже

[1]) «Къ этой партіи», говоритъ г-жа Роланъ въ томъ же письмѣ Банкалю, «льнутъ всѣ посредственные люди или честолюбцы, ожидающіе болѣе выгоды отъ милости короля, чѣмъ отъ собственныхъ заслугъ, недовольные соревнованіемъ, господствующимъ въ свободномъ государствѣ».

[2]) Michelet, «Les femmes de la Révolution», p. 168.

лучшіе изъ нихъ [1])».—«Якобинцы», говоритъ г-жа Роланъ въ письмѣ къ Банкалю (22 марта 1791 года),—«съ каждымъ днемъ утрачиваютъ свое вліяніе... Ими руководилъ комитетъ ихъ, который, въ свою очередь, покоряется двумъ или тремъ личностямъ, болѣе ревнивымъ къ сохраненію своего собственнаго вліянія, чѣмъ къ распространенію общественнаго духа и утвержденію свободы». «Я перестала бывать на засѣданіяхъ нац. собранія», говоритъ она въ другомъ письмѣ Банкалю,—«меня отъ нихъ бросаетъ въ лихорадку»... «Даже жизнь въ глуши деревни доставляла мнѣ болѣе нравственнаго удовлетворенія, чѣмъ та, которую я влачу здѣсь».

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Парижъ, г-жа Роланъ и мужъ ея сблизились, черезъ Брило, съ нѣкоторыми депутатами крайней лѣвой, членами якобинскаго клуба. Образовался небольшой кружокъ, четыре раза въ недѣлю собиравшійся у нихъ, по вечерамъ [2]). Собранія эти представляли живой интересъ для г-жи Роланъ, доставляя ей свѣдѣнія о вопросахъ, болѣе всего интересовавшихъ ее. Вѣрная своимъ взглядамъ на скромную роль, присущую женщинѣ, она не принимала непосредственнаго участія въ этихъ преніяхъ; но, при этомъ, ни слова изъ того, что говорилось, не проходило для нея безъ вниманія и, по собственному ея признанію, немалаго труда стоило ей иногда воздержаться отъ возраженія. «Всего болѣе», замѣчаетъ г-жа Роланъ,—«поразилъ меня тотъ родъ пустословія,—переливанія изъ пустого въ порожнее, и то легкомысліе, съ которымъ люди съ здравымъ смысломъ разсуждаютъ въ продолженіе трехъ—четырехъ часовъ, не приходя ни къ какому конечному выводу. По отношенію къ отдѣльнымъ вопросамъ, высказывались прекрасные принципы, хорошія идеи, уяснялись нѣкоторые взгляды; но, въ общемъ, не было намѣченнаго образа дѣйствія и опредѣленной цѣли, къ которой, такъ или иначе, каждый долженъ былъ стремиться. Мудрецы эти, которыхъ я съ каждымъ днемъ все болѣе уважала за ихъ благородство и честность, возбуждали иногда во мнѣ чувство злобной досады: философы, прекрасные резонеры, ученые политики въ спорахъ,—

---

[1]) «Не ума недостаетъ имъ», замѣчаетъ г-жа Роланъ въ письмѣ къ Банкалю (12 мая 1791 года), но силы духа, которая одна можетъ возвысить человѣка до того великодушнаго самозабвенія, когда онъ видитъ лишь общее благо и стремится къ нему вполнѣ безкорыстно, не заботясь о томъ, чтобы прославить себя».

[2]) Mémoires de m-me Roland, t. I, p. 78.

они не имѣли понятія о томъ, какъ руководить людьми и, по большей части, ихъ ученыя рѣчи и остроуміе не приводили ни къ какимъ результатамъ [1])».

Въ эпоху пребыванія г-жи Роланъ въ Парижѣ, на-очереди стояли вопросы первостепенной важности, отъ рѣшенія которыхъ зависѣла дальнѣйшая судьба Франціи. Одинъ изъ нихъ былъ вопросъ о новой организаціи духовнаго сословія. Уничтоженіе сословно-аристократической церкви, какъ самостоятельнаго элемента государства; конфискація церковныхъ имуществъ и переходъ богослуженія въ вѣдѣніе государства [2]),—подняли цѣлую бурю въ

---

[1]) Г-жа Роланъ не дѣлала исключенія въ этомъ сужденіи и для Бриссо, въ продолженіе 2-хъ-лѣтней переписки ихъ, внушавшаго ей такое глубокое уваженіе. При личномъ знакомствѣ, онъ произвелъ на нее впечатлѣніе человѣка убѣжденнаго, но «поверхностнаго и легкомысленнаго». (Mèmoires de m-me Roland, t. I, p. 75, 76). «Простое обращеніе Бриссо», говоритъ она о немъ,— «его откровенность и природная безпечность вполнѣ согласовались съ его строгими принципами; но я замѣтила въ немъ нѣкоторое легкомысліе въ умѣ и характерѣ, которое далеко не въ такой степени гармонировало съ его философіей... Это добрѣйшій человѣкъ, хорошій мужъ, нѣжный отецъ, вѣрный другъ, добродѣтельный гражданинъ; у него въ высшей степени уживчивый характеръ, довѣрчивый до неосторожности, веселый и наивный, какъ 15-тилѣтній возрастъ; онъ какъ бы созданъ, чтобы жить съ мудрецами и быть жертвой обмана злыхъ. Ученый публицистъ, съ юности занимавшійся изученіемъ соціальныхъ отношеній, онъ хорошо судитъ о человѣкѣ и совсѣмъ не знаетъ людей. Онъ знаетъ, что существуютъ на свѣтѣ пороки, но къ людямъ относится съ полнымъ довѣріемъ. Онъ не способенъ испытать чувство ненависти, какъ будто душа его, при своей чувствительности, не имѣетъ достаточно энергіи для такого сильнаго чувства». Только трое изъ самыхъ радикальныхъ членовъ якобинскаго клуба въ то время удовлетворяли ее—Петіонъ, Бюзо и Робеспьеръ, котораго, въ письмѣ къ Банкалю, она называетъ «самымъ мощнымъ защитникомъ свободы».

[2]) 14 и 17 апрѣля національное собраніе издало указы: 1) о выдачѣ жалованья священникамъ и содержаніи богослуженія на счетъ государства; 2) о поступленіи всѣхъ церковныхъ имуществъ въ собственность государства (Зибель, «Исторія Французской Революціи» книга 1-я, стр. 12).

29 мая комиссія (изъ членовъ нац. собранія) духовныхъ дѣлъ представила проектъ (утвержденный 12 іюля) новаго церковнаго устройства, главныя основанія котораго были уже обнародованы въ апрѣлѣ. Проектъ этотъ присвоивалъ гражданскому начальству тѣ же права по отношенію къ духовному управленію, какими оно пользовалось въ администраціи и судѣ. Избиратели каждаго уѣзда выбирали себѣ приходскаго священника, избиратели цѣлаго департамента—епископа. Каждое выбранное духовное лицо присягало на вѣрность народу, королю и конституціи. Затѣмъ, уничтожались прежніе выборы въ капитулѣ, право духовныхъ лицъ судиться только судомъ духовнымъ, а у папы—право отпущенія грѣховъ и рукоположенія.

средѣ духовнаго сословія [1]) и въ массѣ сельскаго населенія, фанатически преданнаго католической вѣрѣ. Начинавшаяся междоусобная война представляла тѣмъ болѣе опасности, что, съ внѣшней стороны, Франціи грозило вооруженное вмѣшательство иностранныхъ государей, призываемыхъ французскими эмигрантами на защиту королевской власти [2]). Въ эту критическую минуту пропаганда революціонныхъ идей и возбужденіе народнаго возстанія представлялись для радикальной партіи единственнымъ возможнымъ исходомъ [3]); при этомъ, важное значеніе, во взгля-

[1]) Въ письмѣ къ Банкалю (22-го марта 1791 года) г-жа Роланъ съ негодованіемъ говоритъ о «бурѣ, поднятой духовенствомъ и приверженцами стараго порядка противъ требованія присяги гражданской конституціи духовенства, разрушавшей, по ихъ взглядамъ, единство церкви и главенство Рима,—возлюбленные догматы католиковъ»...

[2]) Зибель, «Исторія Французской Революціи», книга 1, стр. 152. «Ничто не отвратило такъ короля отъ революціи и новаго порядка, какъ сознаніе, что хотятъ насиловать его совѣсть... Людовикъ XVI не принадлежалъ къ тѣмъ натурамъ, которыя полагаютъ свое существованіе въ верховномъ политическомъ правѣ. Онъ давалъ постепенно снимать съ себя свою верховную власть, переносилъ униженіе своего достоинства... и не питалъ той глубокой злобы, которую многіе чувствовали-бы на его мѣстѣ. Совершенно инымъ былъ онъ по отношенію къ религіи... Людовикъ XVI былъ благочестивъ до суевѣрія. Это была единственная сторона его природы, гдѣ онъ удерживалъ за собою нѣкоторую самостоятельность». (Гейссеръ, «Исторія Французской Революціи, стр. 206).

«Во всей исторіи революціи, замѣчаетъ Зибель, нѣтъ факта достовѣрнѣе, что преслѣдованіе возмутившагося противъ правительства духовенства было главнѣйшей причиной какъ Вандейскаго бунта, такъ и всѣхъ союзовъ Людовика XVI съ иностранными государями противъ своего отечества. Когда учредительное собраніе, послѣ долгихъ усилій, исторгло отъ короля согласіе на гражданское устройство церкви, онъ невольно и наивно воскликнулъ: «Послѣ этого, лучше быть королемъ какой нибудь деревни, чѣмъ Франціи. Но, потерпимъ», прибавилъ онъ,—«потерпимъ, скоро все это кончится». (Зибель, Исторія Французской Революціи, книга 1, стр. 196).

[3]) «Общественный духъ попрежнему клонится къ свободѣ», замѣчаетъ г-жа Роланъ въ письмѣ къ Банкалю (5-го апрѣля 1791 года),—«но нравы все тѣ-же, и если революція совершилась фактически, успѣхи ея не идутъ далѣе... Безъ сомнѣнія, мы приближаемся къ опасному, но необходимому кризису».—«Въ настоящее время», пишетъ г-жа Роланъ 5-го мая 1791 года,—«деспотизмъ можно преслѣдовать и сразить лишь посредствомъ общаго единенія; чтобы вырвать его съ корнемъ, необходимо со всѣхъ сторонъ преслѣдовать его... Я не имѣю духу высказать вамъ все дурное, что я думаю о нашемъ собраніи; его засѣданія возбуждаютъ во мнѣ чувство отвращенія, и я глубоко убѣждена, что оно можетъ издавать лишь дурные декреты. Намъ необходимо новое возстаніе, или мы потеряны для счастья и свободы; но я сомнѣваюсь, чтобы въ народѣ было достаточно крѣпости для подобнаго возстанія и я вижу общественное дѣло преданнымъ случайностямъ войны»...

дахъ ея, имѣло вмѣшательство въ революцію демократическаго элемента. Съ этой точки зрѣнія особенное значеніе представлялъ вопросъ, обсуждавшійся въ національномъ собраніи въ первой половинѣ 1791 года—о политическихъ правахъ гражданъ. [1]) — вопросъ, еще болѣе отдѣлившій радикальную партію, стремившуюся разрѣшить его въ духѣ принципа равенства и верховной власти народа,—отъ большинства національнаго собранія, настаивавшаго на стѣсненіи и ограниченіи политическихъ правъ [2]). Въ борьбѣ, завязавшейся по этому поводу, важную роль играетъ Мирабо. Мирабо, въ то время—самый вліятельный представитель конституціонно-монархическаго принципа, уже открыто возставалъ въ

[1]) Въ государственномъ устройствѣ 1789 — 1791 гг. было постановлено, что право подавать голосъ и выбирать въ первичныхъ собраніяхъ должно принадлежать каждому французу не моложе двадцатипяти лѣтъ, который не находится въ услуженіи, не менѣе года живетъ въ своемъ округѣ и платитъ прямой налогъ, равный трехдневной заработной платѣ... Избиратели первичныхъ собраній выбирали выборщиковъ департаментскихъ собраній, право быть выбраннымъ въ это собраніе обусловливалось налогомъ, равнымъ десятидневной заработной платѣ. Департаменскіе выборщики, которыхъ приходилось по одному на 100—150 дѣйствительныхъ гражданъ, избирали депутатовъ въ національное собраніе. Чтобы быть депутатомъ, необходимо было платить налогъ въ размѣрѣ серебряной марки и владѣть какой-нибудь поземельной собственностью.—(Гейссеръ, «Исторія французской революціи», стр. 150).

[2]) Въ извѣстномъ письмѣ своемъ къ Бриссо, въ апрѣлѣ 1791 года, г-жа Роланъ съ негодованіемъ говоритъ о несправедливомъ раздѣленіи гражданъ на активныхъ и пассивныхъ, вошедшемъ въ государственную организанію 1791 года и клонившемся къ стѣсненію политическихъ правъ. Письмо это написано въ учредительномъ собраніи, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ происходившихъ въ немъ преній. «Брось перо въ огонь, великодушный Брутъ», — такъ начинается оно, — «и ступай обработывать латукъ. Ничего болѣе не остается дѣлать честнымъ гражданамъ... Я видѣла сегодня это собраніе, которое нельзя уже болѣе называть національнымъ: это адъ со всѣми его ужасами; разумъ, истина, справедливость заглушены въ немъ или поруганы.. Сердце мое обливается кровью; я дала слово сегодня утромъ не возвращаться болѣе въ этотъ ужасный вертепъ, гдѣ смѣются надъ справедливостью и гуманностью, гдѣ пять или шесть мужественныхъ людей подвергаются оскорбленіямъ со стороны заговорщиковъ... Когда Дюбуа, д'Андрэ, Рабо коварно повторяли,—что одни лишь нищіе не будутъ активными гражданами, — какъ никто не замѣтилъ, что во всѣхъ большихъ фабричныхъ городахъ есть значительное количество рабочихъ, которые, вслѣдствіе кризисовъ, которымъ подвержены всѣ предметы конкуренціи и промышленной мануфактуры, временно не въ состояніи уплачивать какой бы то ни было налогъ, и принуждены даже пользоваться временными вспомоществованіями общественной благотворительности... Между тѣмъ, рабочіе эти—полезные, честные граждане, хорошіе отцы семействъ, горячо приверженные къ конституціи»...

1791 году противъ демократическихъ тенденцій крайней лѣвой,— противъ стремленія ея привлечь народъ къ непосредственному вмѣшательству въ революцію [1]). — Вся политическая программа Мирабо, клонившаяся къ сохраненію историческихъ традицій и къ примиренію государственной власти съ народнымъ представительствомъ [2]),—вся программа его кореннымъ образомъ расходилась съ программой радикальной партіи, къ которой принадлежала г-жа Роланъ. Ненависть къ Мирабо, вызванная различіемъ въ политическихъ взглядахъ, усиливалась оппозиціей его противъ ограниченія королевскаго vêto, противъ учрежденія избирательнаго регентства и новой системы административной организаціи.

Во взглядахъ г-жи Роланъ и друзей ея, Мирабо являлся «чудовищнымъ соединеніемъ геніальности съ развращеннымъ сердцемъ», человѣкомъ безчестнымъ, который «смѣялся надъ добродѣтелью... и продавши свой талантъ ради наживы, пожертвовалъ правдой честолюбію [3])». . «Мирабо», говоритъ г-жа Роланъ, «ненавидѣлъ деспотизмъ, отъ котораго ему такъ много пришлось пострадать; Мирабо льстилъ народу, зная права его; но Мирабо готовъ былъ продать дѣло народа двору... которому онъ хотѣлъ быть полезнымъ, добиваясь министерства [4])».

---

[1]) По свидѣтельству друга его, Ламарка, близко его знавшаго, Мирабо ясно сознавалъ, насколько выраженія «свобода, равенство» — получили фальшивое истолкованіе во время революціи; и если, минутами, онъ увлекался въ своихъ рѣчахъ средствами эффекта, заключавшимися въ этихъ словахъ, увлеченіе это, преобладавшее среди демократической партіи, не имѣло существеннаго вліянія на его политическій образъ дѣйствія. (Correspondance de Mirabeau, t. 1-er, p. 208).

[2]) Въ нотѣ 12-го сентября 1790 года, Мирабо указываетъ на необходимость для короля вступить въ борьбу съ декретомъ учредительнаго собранія, воспрещавшимъ членамъ его вступленіе въ министерство. Мирабо доказываетъ при этомъ, насколько необходимо единодушное согласіе между законодательнымъ учрежденіемъ и административной властью, насколько такое согласіе должно возвысить авторитетъ той и другой власти. «Стремиться къ созданію болѣе совершенной конституціи», говоритъ онъ, — вотъ единственная цѣль, которую дозволяютъ принять осторожность, честь и истинный интересъ короля, неразрывно связанный съ интересомъ націи» (Correspondance de Mirabeau, t. 2-d p. 429).

[3]) Письмо г-жи Роланъ къ Банкалю, 5-го апрѣля 1791 года. «Не говоря о поведеніи короля при обсужденіи vêto и декрета о правѣ мира и войны, онъ оказался (въ послѣднее время) измѣнникомъ при обсужденіи организаціи общественной казны и въ вопросѣ о регентствѣ».

[4]) Враждебное отношеніе къ Мирабо партіи, представительницей которой является г-жа Роланъ, проистекало изъ различія не только однихъ политиче-

Вмѣстѣ съ большинствомъ враговъ конституціонной монархіи, г-жа Роланъ привѣтствовала смерть Мирабо, какъ торжество своей партіи, — какъ устраненіе одного изъ главныхъ препятствій при осуществленіи демократической программы. Въ письмѣ къ Банкалю (5 го апрѣля), гдѣ она говоритъ объ этомъ событіи, чувство невольнаго преклоненія предъ личностью Мирабо смѣшивается съ радостнымъ торжествомъ. «Эта преждевременная и почти внезапная смерть высоко одареннаго человѣка», говоритъ она,—«невольно производитъ сильное впечатлѣніе. Я далека отъ увлеченія, съ которымъ столь многіе относились къ нему, и, тѣмъ не менѣе, я ненавижу смерть, такъ быстро похитившую эту великую жертву, хотя разумъ заставляетъ меня одобрять приговоръ судьбы».

Смерть Мирабо, дѣйствительно, получила важное значеніе для осуществленія республиканской программы [1]). событіе это завершило одну сторону развитія французской революціи. — Мирабо, умирая, самъ предчувствовалъ будущность, ожидавшую монархію. «Я уношу съ собой траурное одѣяніе монархіи», говорилъ онъ; «лоскутья ея раздѣлятъ между собой мятежники». Съ небольшимъ черезъ два мѣсяца по смерти Мирабо исполнились предсказанія его. Король, лишенный послѣдней поддержки въ лицѣ Мирабо, преслѣдуемый демократической печатью и клубами, рѣшился прибѣгнуть къ крайнему средству, противъ котораго возставалъ Мирабо: 21-го іюня 1791 года національное собраніе узнало о бѣгствѣ Людовика XVI. Событіе это сразу измѣнило положеніе дѣлъ.

Бѣгство короля подрывало общее довѣріе къ нему, давая поводъ обвинять его въ измѣнѣ,—въ намѣреніи прибѣгнуть къ вооруженной помощи иностранныхъ государей. Съ этой точки зрѣнія, событіе это было съ радостью привѣтствовано республиканской партіей. «Бѣгство короля — фактъ далеко не безотрадный», говоритъ г-жа Роланъ въ письмѣ къ Банкалю, 22-го іюня,—«если только у насъ есть здравый смыслъ, энергія и единство. Народная масса въ столицѣ сознаетъ это, потому что она мыслитъ

скихъ убѣжденій, но и нравственныхъ принциповъ. Между тѣмъ какъ г-жа Роланъ и друзья ея прямо и неуклонно шли къ намѣченной цѣли, Мирабо, въ своемъ политическомъ образѣ дѣйствій, нерѣдко прибѣгалъ къ уловкамъ и компромиссамъ,—нерѣдко измѣнялъ самому себѣ.

[1]) Сентъ-Бёвъ, въ своемъ предисловіи къ «Lettres autographes de M-me Roland», замѣчаетъ, что сужденіе г-жи Роланъ о Мирабо отличается «спокойнымъ безпристрастіемъ». Трудно согласиться съ этимъ взглядомъ. Какъ видно изъ письма ея къ Банкалю, она вполнѣ раздѣляла, по отношенію къ нему, предубѣжденіе радикальной партіи.

здраво; поэтому выраженія негодованія противъ Людовика XVI и слово республика—вездѣ раздавались вчера» [1]).

Во взглядахъ всей либеральной партіи, какъ умѣренной, такъ и радикальной, бѣгство короля являлось критическимъ моментомъ революціи. Возвращеніе его при помощи иноземной силы «былобы возвращеніемъ къ старому порядку и, для большинства, имѣло значеніе народнаго самоубійства» [2]). Никто, быть можетъ, такъ живо не чувствовалъ грозившей опасности, какъ г-жа Роланъ. Единственнымъ исходомъ въ ея взглядахъ представлялось созваніе первичныхъ собраній для рѣшенія вопроса о дальнѣйшемъ существованіи монархической власти. Но при этомъ для успѣха необходимъ былъ единодушный образъ дѣйствія; между тѣмъ, никто, въ то время, не рѣшался еще открыто выступить съ республиканской программой. Г-жа Роланъ не безъ нѣкотораго презрѣнія отмѣчаетъ колебанія, отсутствіе единодушія въ средѣ якобинцевъ. «Якобинцы», говоритъ она—«собравшись въ значительномъ числѣ, высказали благородные порывы и поклялись быть свободными или умереть; вѣдь въ послѣднее время», иронично прибавляетъ она,—«клятва у насъ въ большомъ ходу» [3]).

Въ письмахъ г-жи Роланъ въ концѣ іюня и началѣ іюля 1791 г. ярко и живо отражается общее настроеніе въ этотъ важный моментъ революціи, когда, въ теченіе нѣсколькихъ дней, событіябыстро смѣнялись, принося съ собой для сторонниковъ новаго порядка то уныніе, то радостныя надежды. Увлеченная теченіемъ революціи, г-жа Роланъ всецѣло отдалась впечатлѣніямъ совершавшихся политическихъ событій. Домашнія заботы, по ея взглядамъ,—главный предметъ дѣятельности женщины, отступили на послѣдній

[1]) Въ сужденіи г-жи Роланъ объ этомъ событіи отражается глубокое недовѣріе республиканской партіи къ приверженцамъ конституціонной монархіи. Лафайетъ, Бальи, Барнавъ и Ламетъ, — какъ извѣстно, вполнѣ непричастные въ бѣгствѣ короля, являются, въ ея глазахъ, соумышленниками. «Изъ признаній самого Лафайета, публично заявленныхъ», говоритъ она, «ясно видно, что уже съ Троицына дня онъ, его адъютанты, Бальи и сыскной комитетъ знали о существованіи проектовъ бѣгства... Только одинъ членъ учредительнаго собранія заявилъ о необходимости разслѣдовать поведеніе Лафайета и другихъ отвѣтственныхъ лицъ; предложеніе это было отстранено, главнымъ образомъ, Барнавомъ и Ламетомъ, которые никогда такъ ясно, какъ вчера, не выказали свое единомысліе съ д'Андрэ, Шапелье, Боме. Повидимому, заранѣе предупрежденные о томъ, что случилось, они имѣли готовый планъ дѣйствія»... (Письмо г-жи Роланъ къ Банкалю, 22-го іюня 1791 года).

[2]) Зибель, «Исторія французской революціи», стр. 204.

[3]) Письмо г-жи Роланъ къ Банкалю, 22-го іюля 1791 года.

планъ. Засѣданія учредительнаго собранія, клубы, братскія общества сдѣлались средоточіемъ ея интересовъ. Цѣлые часы проводила она на засѣданіяхъ, прислушиваясь ко всѣмъ толкамъ, зорко приглядываясь къ дѣйствующимъ лицамъ всѣхъ партій. Впечатлѣніе, въ общемъ, было тяжелое и безотрадное. — «Счастливый моментъ для свободы ускользаетъ», говоритъ она въ письмѣ къ Банкалю (1-го іюля 1791 года).—«Собраніе, робкое и трусливое, сдѣлаетъ всѣ глупости, которыя только пожелаютъ заговорщики, старающіеся запугать его призракомъ войны».

Вмѣстѣ съ другими представителями республиканской партіи, г-жа Роланъ ясно сознавала невозможность возстановленія монархіи, утратившей, послѣ Варенскаго бѣгства, традиціонное свое значеніе и нравственный авторитетъ [1]).

Временное пріостановленіе королевской власти и затѣмъ отмѣна монархіи—представлялись мѣрой естественной и необходимой, вытекавшей изъ нарушенія конституціи Людовикомъ XVI.

Глубоко проникнутая этимъ убѣжденіемъ, г-жа Роланъ съ презрѣніемъ относилась къ большинству учредительнаго собранія и якобинскаго клуба, «трепетавшаго при одномъ словѣ республика»; считала политическими ренегатами и измѣнниками Барнава, Дюнора и Ламета, отказавшихся передъ наступавшимъ соціальнымъ движеніемъ отъ крайнихъ радикальныхъ взглядовъ и обратившихся въ защитниковъ монархическаго принципа.

Всѣ представители націи, въ совокупности, стояли, въ ея глазахъ, не на высотѣ своего призванія. Немногіе вожаки республиканской партіи, рѣшавшіеся открыто выступить съ своей политической программой,—Робеспьеръ, Петіонъ, Бюзо, — имѣли лишь

---

[1]) «Какъ поступить относительно короля — клятвопреступника», пишетъ она Банкалю (24 іюня 1791 г.),—«который измѣняетъ своимъ обязательствамъ, нарушаетъ договоръ, обусловливавшій его власть, открыто протестуетъ противъ статей мирной сдѣлки и бѣжитъ къ врагамъ своего народа, чтобы, съ помощью иноземной силы, покорить его?... Возвратить власть королю былобы нелѣпостью; объявить его безумнымъ,—значило-бы, согласно конституціи, обязаться назначить регента. Назначеніе же регента не только поддержитъ недостатки конституціи въ минуту, когда можно и должно исправить ихъ, но и откроетъ путь къ гражданской войнѣ... Предать суду Людовика XVI былобы самой справедливой мѣрой, но собраніе не рѣшится принять ее»...

Г-жа Роланъ предлагаетъ временно отрѣшить короля отъ власти, пока не будетъ произведенъ судъ надъ лицами, способствовавшими его бѣгству; назначить временнаго національнаго президента и постепенно подготовить націю къ республикѣ.

слабое вліяніе: въ національномъ собраніи, такъ-же какъ въ якобинскомъ клубѣ, рѣчи ихъ, въ большинствѣ случаевъ, были лишь гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.—«Я глубоко опечалена», пишетъ г-жа Роланъ подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній; «будущее сулитъ намъ событія, среди которыхъ едва-ли возвысится духъ нашъ. Якобинцы внушаютъ мнѣ такое-же отвращеніе, какъ учредительное собраніе: неужели чѣмъ ближе узнаешь людей, тѣмъ все болѣе научаешься презирать ихъ!» [1]).

Но, не смотря на разочарованіе, сопровождавшее ближайшее знакомство съ политическими дѣятелями, во взглядѣ г-жи Роланъ на революцію заключалась и извѣстная доля оптимизма: если отдѣльныя личности и отдѣльныя партіи заблуждались и поступали дурно подъ вліяніемъ личныхъ, эгоистическихъ мотивовъ, большинство націи, по ея взглядамъ, стремилось къ общему благу, и потому не могло заблуждаться.

«Настроеніе народа ничего не оставляетъ желать», замѣчаетъ г-жа Роланъ, говоря о возвращеніи короля изъ Варенны, — «но онъ слишкомъ довѣрчивъ и не сознаетъ необходимости руководить своихъ посредственныхъ законодателей и оказывать на нихъ давленіе». [2])

И въ этомъ взглядѣ на революцію опять высказывается характерная черта жирондистскаго типа. Въ половинѣ 1791 года республиканская партія, въ то время еще слабая и немногочисленная, сосредоточивавшаяся въ частныхъ кружкахъ, искала опоры и поддержки въ народѣ. Непосредственное вмѣшательство народа въ критическую минуту рѣшенія дальнѣйшей судьбы Франціи являлось, во взглядахъ этой партіи, столько же законнымъ, сколько справедливымъ: это было единственное средство развязаться съ ненавистнымъ прошлымъ,—со старымъ порядкомъ, съ монархіей, послѣ бѣгства Людовика XVI утратившей свой нравственный авторитетъ.

Практически идея народовластія переносилась со всего народа на небольшую часть его,—на низшіе слои парижскаго населенія; народную волю стала олицетворять уличная толпа, представлявшая послушное орудіе въ рукахъ демагоговъ. [3])

---

[1]) Письмо къ Банкалю, 25-го іюля 1791 года.

[2]) Письмо къ Банкалю, 25 іюня 1791 года.

[3]) Вліяніе ея особенно рѣзко сказалось во время преній о дальнѣйшей судьбѣ монархіи.

Вступая въ національное собраніе, народная толпа поощряла «хорошихъ

Г-жа Роланъ вполнѣ раздѣляла взгляды республиканской партіи, стремленіе ея воспользоваться народными волненіями для довершенія революціи. Образъ дѣйствій народной толпы въ учредительномъ собраніи, бурныя демонстраціи ея противъ короля и аристократіи возбуждали въ ней не ужасъ, но глубокое сочувствіе и энтузіазмъ: подобныя явленія, при всей «тривіальности обстановки», казались ей «величественными и ободрительными для республиканцевъ» [1])

Въ проявленіи воли народа, въ недовѣрчивомъ отношеніи его къ учредительному собранію, она видѣла единственное средство спасенія для Франціи,—единственное средство устраненія старой, обветшалой формы правленія и перехода къ республикѣ [2]). «Необходимо», говоритъ она, «просвѣтить націю относительно настоящаго положенія собранія... Общее настроеніе умовъ ничего не оставляетъ желать, народъ долженъ только узнать, насколько собраніе слабо и развращено, чтобы менѣе довѣрять ему и рѣшиться руководить его дѣйствіями» [3]).

Крайняя идеализація г-жи Роланъ по отношенію къ народу представляетъ рѣзкій контрастъ съ проницательными, трезвыми сужденіями ея объ отдѣльныхъ лицахъ и партіяхъ. Г-жа Роланъ обладала чрезвычайной ясностью взгляда,—даромъ быстро и мѣт-

---

депутатовъ», и съ угрозами и бранью обращалась къ приверженцамъ монархіи; при этомъ, нерѣдко происходили дикія сцены: толпа врывалась въ національное собраніе съ кликами «да здравствуетъ свобода и хорошіе депутаты! долой короля!» музыка играла, при этомъ, знаменитый напѣвъ «ça ira», подъ аккомпаниментъ хора. (Письмо г-жи Роланъ къ Банкалю 11 іюля 1791 г.).

Это отношеніе народной толпы къ представителямъ націи, отношеніе высокомѣрное и надменное, высказалось при попыткахъ учредительнаго собранія ограничить произволъ ея посредствомъ стѣсненія доступа на трибуны и отстраненія революціонныхъ петицій. Такъ, когда однажды президентъ учредительнаго собранія отказался немедленно выслушать петицію представителей братскихъ обществъ: «Скажите ему», возражаетъ глава депутаціи,—«скажите ему, что часть верховнаго властелина желаетъ говорить съ своими делегатами». (Письмо г-жи Роланъ къ Банкалю 24 іюня 1791 года).

[1]) Письмо г-жи Роланъ къ Банкалю 24 іюня 1791 г.).

[2]) Въ письмѣ къ Банкалю (25 іюля 1791 года) г-жа Роланъ вполнѣ справедливо указываетъ на противорѣчіе въ образѣ дѣйствій конституціонной партіи.

«Короли», говоритъ она,—«стараются унизить въ общественномъ мнѣніи и, въ то же время, убѣдить, что онъ—необходимое звено въ правительственномъ механизмѣ; его хотятъ представить безопаснымъ для конституціи и необходимымъ для нея».

[3]) Письмо къ Банкалю 1 іюня 1791 года.

ко схватывать характерныя черты событій и окружавшихъ ее политическихъ дѣятелей; и при всей глубокой симпатіи ея къ представителямъ республиканской партіи, она не идеализировала ихъ, не закрывала глаза на ихъ слабыя стороны. Но народъ она знала лишь по отвлеченнымъ теоріямъ; народъ былъ въ ея глазахъ не живой организмъ, дѣйствовавшій подъ вліяніемъ тѣхъ же страстей, которыя направляли дѣятельность окружавшихъ ее лицъ и партій,—но страстей болѣе грубыхъ, не сдерживаемыхъ уздой, налагаемой цивилизаціей: народъ былъ для нея отвлеченной формулой, совмѣщавшей въ себѣ всѣ добродѣтели, приписываемыя первобытному человѣку теоріями XVIII вѣка.

Стремленіе республиканской партіи привлечь народъ къ непосредственному участію въ революціи выразилось въ событіи на Марсовомъ полѣ 17 іюля 1791 года. Агитація, возбужденная 17 іюля въ народной массѣ, была попыткой произвести coup d'état и силой принудить учредительное собраніе къ отмѣнѣ монархическаго принципа.

Неудача этой попытки окончательно подорвала силы республиканской партіи и дала перевѣсъ ея противникамъ.

Письмо г-жи Роланъ къ Банкалю въ яркихъ краскахъ описываетъ событіе это и отношеніе къ нему.

Въ подавленіи народнаго мятежа съ помощью военной силы она видѣла не законную правительственную мѣру, но актъ насилія и деспотизма, «кровавую бойню», какъ выражалась демократическая печать [1]). «Трауръ и смерть въ стѣнахъ Парижа», пишетъ она,—«тиранія утвердилась на престолѣ, обагренномъ кровью. Свободы уже нѣтъ болѣе!»[2]) Къ негодованію г-жи Роланъ противъ торжествующаго врага примѣшивалось и чувство сострадательнаго презрѣнія къ республиканской партіи, объятой страхомъ въ минуту опасности.

Послѣ 17 іюля большинство представителей ея упали духомъ

[1]) Описаніе г-жи Роланъ событія 17 іюля не согласно съ свидѣтельствомъ большинства ея современниковъ. Собраніе народной массы на Марсовомъ полѣ для прочтенія и подписи адреса имѣло, по ея мнѣнію, характеръ вполнѣ миролюбивый. «Граждане», — говоритъ она въ письмѣ къ Банкалю (18 іюля 1791 г.) —«отправились на Марсово поле съ мирнымъ намѣреніемъ прочесть и подписать петицію о назначеніи депутатовъ въ слѣдующее законодательное собраніе».—Г-жа Роланъ отрицаетъ даже фактъ, засвидѣтельствованный исторіей, что, передъ употребленіемъ военной силы, народу былъ прочтенъ законъ о мятежѣ и было предложено мирно разойтись.

[2]) Письмо къ Банкалю 18 іюня 1791 года.

и бросили общее дѣло, спасаясь отъ преслѣдованій. Демулэнъ пріостановилъ изданіе своей газеты, Дантонъ удалился въ свое имѣніе, Робеспьеръ, «самый ревностный защитникъ свободы», потерялъ всякую энергію и бодрость духа передъ угрожавшей личной опасностью [1]). Общая паника распространилась и на клубы Якобинцы притихли послѣ 17 іюля и искали примиренія съ фельянами. «Я не могу передать вамъ»,—пишетъ г-жа Роланъ Банкалю 18 іюля 1791 года,—«трусость и смятеніе, охватившія якобинцевъ во время вчерашняго засѣданія; они обратились въ бѣгство, вслѣдствіе распространившагося слуха, что зало окружено военной силой; одинъ изъ членовъ клуба, спасаясь, бросился, со страху въ трибуну женщинъ; я заставила его удалиться, устыдивши за трусость».

Преобладаніе фельяновъ въ учредительномъ собраніи и муниципальномъ правленіи, строгія мѣры, принятыя по ихъ иниціативѣ противъ зачинщиковъ мятежа, преслѣдованіе газетной и клубной пропаганды «патріотовъ»,—все, повидимому, предвѣщало въ ближайшемъ будущемъ окончательную побѣду сторонниковъ монархическаго принципа. Г-жа Роланъ, также какъ большинство ея единомышленниковъ, считала дѣло республики проиграннымъ.

Успѣхъ революціи казался ей тѣмъ болѣе сомнительнымъ, что она видѣла характеръ и свойства представителей республиканской партіи. Еще ранѣе, присутствуя на частныхъ собраніяхъ своего

---

[1]) «Робеспьеръ»,—говоритъ г-жа Роланъ,—«казался мнѣ въ то время честнымъ человѣкомъ; ради его принциповъ, я прощала ему его скучныя рѣчи и непріятное произношеніе. Тѣмъ не менѣе, я уже тогда замѣтила его скрытность; въ нашемъ тѣсномъ кружкѣ онъ выслушивалъ всѣ мнѣнія, рѣдко выражалъ свое собственное, или же не выяснялъ его; между тѣмъ, на слѣдующій день, какъ я слышала, онъ первый пользовался на трибунѣ аргументами друзей своихъ. Его робость, его испугъ въ минуту опасности столько же поразили меня въ эпоху бѣгства короля, какъ при событіи на Марсовомъ полѣ, но я чувствовала къ нему состраданіе. Природа создала его такимъ робкимъ, что я вдвойнѣ цѣнила его преданность общему дѣлу. Я не видѣла еще тогда, что народная популярность, на которую онъ уже мѣтилъ въ то время, представляла для него точку опоры, поддерживавшую его слабость и честолюбіе въ его оппозиціи двору. — Случалось что ему слегка пеняли за его образъ дѣйствія; онъ отдѣлывался шутками, прощали его хитрыя уловки, также какъ и его безмѣрное честолюбіе. . Онъ защищалъ принципы съ жаромъ и упорствомъ; а для этого требовалось мужество въ эпоху, когда такъ уменьшилось число защитниковъ народа... Дворъ ненавидѣлъ ихъ и дѣйствовалъ противъ нихъ клеветой; слѣдовательно, патріоты должны были поддерживать ихъ и поощрять...» (Mémoires m-me Roland, t. 1-er, p. 80, 81.)

небольшаго кружка и на засѣданіяхъ якобинскаго клуба, она отмѣтила отсутствіе общаго символа вѣры, общаго плана дѣйствія среди республиканской партіи: «ихъ соединяла», говоритъ она,—«лишь ненависть къ Людовику XVI и стремленіе измѣнить законодательное собраніе, въ остальномъ—взгляды расходились до безконечности» [1]). Послѣ 17 іюля, обнаружившаго преобладаніе личныхъ интересовъ и отсутствіе гражданскаго мужества среди радикальной партіи, г-жа Роланъ относится къ ней еще болѣе отрицательно.—«Честные люди»,—говоритъ она, «не образуютъ корпораціи,—они представляютъ лишь нѣсколько изолированныхъ индивидуальныхъ личностей, случайно брошенныхъ въ толпу... Ошибаются тѣ, которые подраздѣляютъ человѣческій родъ лишь на двѣ категоріи—обманщиковъ и ихъ жертвъ: существуетъ еще болѣе многочисленный разрядъ людей—трусовъ, которые не принадлежатъ ни къ одной изъ вышеупомянутыхъ категорій, хотя, сообразно съ обстоятельствами, они весьма склонны переходить къ той или другой [2]).

Послѣ реакціи, послѣдовавшей за возвращеніемъ короля изъ Варенны, надежды республиканской партіи сосредоточились на образованіи новаго законодательнаго собранія, облеченнаго конституціонной властью. Уже ранѣе, 17-го мая 1791 года, былъ изданъ законъ, воспрещавшій доступъ въ него членамъ учредительнаго собранія. Постановленіе это, въ которомъ сошлись стремленія противоположныхъ партій [3]), было радостно привѣтствовано г-жей Роланъ и ея единомышленниками [4]). «Старайтесь», пишетъ г-жа Роланъ Банкалю (21-го іюля 1791 года),—«соединиться въ требованіи новаго законодательнаго собранія,—это единственное прибѣжище, оставшееся въ нашихъ рукахъ».

---

[1]) Письмо къ Банкалю 17 іюня 1791 г.

[2]) Письмо къ Банкалю 21 іюля 1791 г.

[3]) Съ помощью двора, никогда не упускавшаго случая скомпрометировать и общественное дѣло, и себя,—якобинцы воспользовались недовольствомъ правой стороны и изнеможеніемъ собранія; частью по утомленію, частью по увлеченію, въ припадкѣ неумѣстнаго безкорыстія, учредительное собраніе постановило декретъ, по которому ни одинъ изъ его членовъ не могъ быть избранъ въ слѣдующее собраніе... (Taine, «La conquête Jacobine», p. 78).

[4]) «Законодательныя собранія, пишетъ г-жа Роланъ Банкалю, въ маѣ 1791 года, «собираются безъ приглашенія короля. Послѣдній не имѣетъ права распускать ихъ. Члены учредительнаго собранія не могутъ быть избраны въ слѣдующее собраніе. Вотъ прекрасные законы, и первыми изъ нихъ мы обязаны послѣднему, который прежде всѣхъ былъ поставленъ».

Главной опорой въ образованіи новаго собранія должна была служить, по взглядамъ г-жи Роланъ, агитація патріотическихъ обществъ въ департаментахъ: отъ «развращённой столицы, гдѣ пламя низменныхъ страстей снѣдало и разрушало самыя плодотворныя начинанія [1])—она уже не ожидала поддержки и опоры. Поворотъ, происшедшій въ общественномъ мнѣніи послѣ событія 17-го іюля, равнодушіе, обнаруженное народомъ къ пораженію республиканской партіи, переходъ народныхъ симпатій къ королю послѣ принятія имъ конституціи,—всѣ эти симптомы постепенно охлаждали демократическое увлеченіе г-жи Роланъ. Народъ, представлявшійся ей ранѣе понятіемъ отвлеченнымъ, теперь впервые является передъ ней, какъ живое, органическое цѣлое. При столкновеніи съ дѣйствительностью, она увидѣла его съ свойственными ему недостатками,—«съ легкомысліемъ, непослѣдовательностью, съ неустойчивостью въ политическихъ симпатіяхъ» и преклоненіемъ передъ торжествующей силой, съ готовностью поступиться политическими идеалами ради удовлетворенія мелкихъ будничныхъ интересовъ [2])...

Впечатлѣніе это должно было усилиться при непосредственныхъ столкновеніяхъ съ народомъ. Въ Ліонѣ, гдѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сосредочивалась патріотическая дѣятельность Ролановъ,—въ Ліонѣ, г-жу Роланъ встрѣтили, по возвращеніи ея, обвиненіями въ контръ-революціи и кликами: «на висѣлицу аристократовъ». Правда, и теперь, сталкиваясь лицомъ къ лицу съ этими фактами, главную отвѣтственность за нихъ она слагала на аристократію, на ея происки и интриги. Но, тѣмъ не менѣе, приписывая заблужденіямъ этимъ значеніе случайное, она замѣчаетъ, что они даютъ «печальное понятіе о тупости народной массы» [3]).

Уже въ первой половинѣ 1791 года, въ періодъ увлеченія де-

---

[1]) Письмо г-жи Роланъ къ Банкалю, 21 іюля 1791 года.

[2]) «Общественное мнѣніе», пишетъ г-жа Роланъ Банкалю 11 сентября 1791 года,—«въ состояніи полнаго бездѣйствія; у насъ останется лишь призракъ свободы, жалкое подобіе конституціи, которому масса будетъ тупо приносить благодаренія, между тѣмъ какъ будутъ имъ пользоваться, чтобы поработить ее... Народъ усталъ, онъ охотно даетъ увѣрить себя, что революція кончена,—и думаетъ лишь о своихъ каждодневныхъ работахъ»... Въ другомъ письмѣ къ Банкалю (24 сентября 1791 года) г-жа Роланъ говоритъ о «легкомыслін и непостижимомъ идолопоклонствѣ парижанъ, до энтузіазма увлекавшихся королемъ, со времени принятія имъ конституціи, и дошедшихъ до всевозможныхъ низостей».

[3]) Письмо къ Банкалю 24 сентября 1791 года.

мократіей, г-жа Роланъ предвидѣла невозможность мирнаго исхода революціи. Она считала необходимымъ и неизбѣжнымъ новое возстаніе, «иначе», говорила она, «мы будемъ потеряны для счастья и свободы» [1])!

Нѣсколько позднѣе, въ эпоху возвращенія короля изъ Варенна и реакціи въ пользу монархіи, она пишетъ: «Было бы лучше для свободы, еслибы король не былъ арестованъ; тогда гражданская война сдѣлалась бы неизбѣжной, и нація поневолѣ должна была бы пройти черезъ эту великую школу общественныхъ добродѣтелей. Какъ это ни ужасно, но съ каждымъ днемъ дѣлается очевиднымъ, что миръ пагубенъ для насъ, и что кровопролитная борьба необходима для нашего возрожденія. Характеръ легкомысленный, нравы испорченные или суетные,—вотъ данныя, несовмѣстимыя съ свободой, и которыя могутъ быть измѣнены лишь подъ вліяніемъ превратностей судьбы» [2]).

Вмѣстѣ съ большинствомъ республиканской партіи, г-жа Роланъ раздѣляла стремленія Бриссо къ пропагандѣ революціонныхъ идей; пропаганда представлялась могущественной опорой для утвержденія ихъ въ предѣлахъ Франціи и, въ то же время, отвѣчала естественнымъ стремленіямъ революціи. «Напрасно будемъ мы мечтать объ усовершенствованіи нашей свободы», говорила г-жа Роланъ, «если мы не возбудимъ любовь къ ней среди всѣхъ нашихъ сосѣдей... Необходимо единеніе всѣхъ друзей человѣчества; мы слишкомъ слабы и разъединены, чтобы возвыситься однимъ; свѣтъ долженъ озарить весь міръ, пора человѣческому роду выйти изъ нѣдръ хаоса» [3]).

Но мечтая о всемірномъ распространеніи принциповъ революціи, г-жа Роланъ не раздѣляла взглядовъ Бриссо по отношенію къ средствамъ пропаганды. Между тѣмъ какъ Бриссо и его единомышленники стремились къ войнѣ, видя въ ней средство устранить консервативные элементы, вызвать реакцію во внутренней политикѣ и влить свѣжую жизнь въ государственный строй,—г-жа Роланъ относилась къ войнѣ скептически и недовѣрчиво. Такъ-же какъ Робеспьеръ, она предвидѣла, «что война выдвинетъ военную силу и похоронитъ клубы, создастъ диктаторовъ, а не трибуновъ, рабство а не свободу». «Мы подвергнемся иноземному вторженію», говорила она въ іюнѣ 1791 г.,—«но внѣшняя война можетъ лишь

[1]) Письмо къ Банкалю, 5 мая 1791 года.
[2]) Письмо къ Банкалю, 25 іюня 1791 года.
[3]) Письмо къ Банкалю 5 мая 1791 года.

усилить нашихъ интригановъ, искусно умѣющихъ выказать себя необходимыми и истощать наши силы» [1]).

Мѣсяцемъ позднѣе, по поводу усилившихся слуховъ о войнѣ, она замѣчаетъ, что «это было бы прекрасное средство для обращенія учредительнаго собранія въ долгій парламентъ». «При этомъ», говоритъ она, «аристократія сплотится, административныя учрежденія наполнятся интригами, истинные патріоты подвергнутся безконечнымъ преслѣдованіямъ при господствѣ заговорщиковъ» [2]).

Настоящее положеніе дѣлъ осенью 1791 года, представлялось, во взглядахъ г-жи Роланъ, также безотраднымъ, какъ и будущее. Въ концѣ августа законодательныя работы національнаго собранія были окончены, и вопросъ конституціи рѣшенъ въ пользу монархическаго принципа. «Дѣйствіе собранія», пишетъ г-жа Роланъ 30-го августа,—«соотвѣтствуетъ его крайней испорченности,—оно представляетъ полное противорѣчіе декларацiи правъ!.. Мы остаемся при гражданахъ, лишенныхъ права избранія; при королѣ неприкосновенномъ, стоящемъ во главѣ покорной ему военной силы и т. д... Я начинаю радоваться послѣднимъ крайностямъ собранія, и желаю ихъ, какъ единственное средство пробудить общественное мнѣніе»...

Въ сентябрѣ 1791 года кончилась миссія Ролана, призвавшая его въ Парижъ. Получивши для города Ліона всѣ финансовыя льготы, которыя были возможны [3]), Роланы рѣшили покинуть Парижъ, гдѣ никакіе частные и общіе интересы не удерживали ихъ болѣе. Уже ранѣе, въ концѣ лѣта 1791 года, г-жа Роланъ высказывала въ письмахъ къ Банкалю свое стремленіе возвратиться къ уединенію частной жизни. Въ Парижѣ, средоточіи революціонной борьбы, нѣсколько мѣсяцевъ ранѣе представлявшемся въ ея мечтахъ оплотомъ свободы, ей становилось все болѣе и болѣе тяжело.—«Мнѣ здѣсь невыносимо», писала она Банкалю еще 21-го іюля, «я только и мечтаю о томъ, чтобы удалиться въ уединеніе».—Въ началѣ сентября 1791 года, г-жа Роланъ уѣхала въ свое помѣстье Clos de la Platière.

Здѣсь она возвратилась къ хозяйственной и домашней дѣятельности, намѣреваясь осуществить, въ ближайшемъ будущемъ, проектъ ассоціаціи съ Банкалемъ и Лантэно, для совмѣстнаго прі-

[1]) Письмо къ Банкалю, 25 іюня 1791 года.
[2]) Письмо къ Банкалю, 22 іюля 1791 года.
[3]) Mémoires de m-me Roland, t. 1-er, p. 88.

обрѣтенія національной земли.—Но интересы провинціальной деревенской жизни казались мелкими и безсодержательными въ сравненіи съ великими общественными вопросами, которые должна была разрѣшить революція; и чѣмъ сомнительнѣе казалось благопріятное разрѣшеніе этихъ вопросовъ, тѣмъ тяжелѣе было для нея бездѣйствіе провинціальной жизни.—«Что касается до насъ лично», пишетъ она Банкалю 11-го сентября 1791 года,—«я не безъ сожалѣнія вижу нашего друга [1]) отброшеннымъ въ бездѣятельность провинціальной глуши; онъ привыкъ къ общественной жизни,—она для него необходима»... «Я чувствую себя», говоритъ она далѣе въ томъ-же письмѣ,—«погрузившеюся въ ничтожество провинціальной жизни... Будущее представляется мнѣ подъ печальнымъ покровомъ».

Въ декабрѣ 1791 года, по упраздненіи учредительнымъ собраніемъ должности инспектора мануфактуръ, Роланы возвратились въ Парижъ. Однимъ изъ непосредственныхъ мотивовъ возвращенія были энциклопедическія работы Ролана, требовавшія пособій и матеріаловъ, которые трудно было найти въ глуши провинціи, отдаленной отъ центра просвѣщенія. Другимъ мотивомъ, быть можетъ не менѣе сильнымъ, были общественные вопросы, продолжавшіе привлекать сторонниковъ революціи, несмотря на всѣ испытанныя разочарованія.

ГЛАВА XI.

Законодательное собраніе.—Вопросы о неприсягнувшемъ духовенствѣ и эмигрантахъ. — Жирондистское министерство; политическое значеніе г-жи Роланъ. — Письмо Ролана къ королю. — Паденіе жирондистскаго министерства, 10-го августа.—2-е министерство Ролана.—Сентябрьскія убійства.—Борьба Ролана съ коммунной.—Бюро.

Въ концѣ 1791 г. и началѣ 1792 года въ политическомъ настроеніи Парижа произошли значительныя измѣненія. Учредительное собраніе, послѣ пересмотра и утвержденія конституціи, разошлось и уступило мѣсто законодательному собранію, состоявшему изъ элементовъ новыхъ, не обладавшихъ ни подготовкой, ни политической опытностью своихъ предшественниковъ.—«Предшествую-

[1]) Ролана.

щее собраніе», замѣчаетъ одинъ современникъ, — «заключало въ себѣ выдающіеся таланты, крупныя состоянія, замѣчательныя имена; совокупностью этихъ качествъ оно импонировало народу, — при всемъ его предубѣжденіи противъ всякихъ личныхъ отличій. Законодательное собраніе представляло нѣчто вродѣ совѣта адвокатовъ, собравшихся изъ всѣхъ городовъ и деревень Франціи» [1]).

«Большинство законодательнаго собранія», говоритъ другой современникъ—«во всемъ видѣли заговоры и считали возможнымъ защищаться лишь нападая. Въ учредительномъ собраніи были еще таланты, но безъ политической опытности... Большинство депутатовъ не сознавали свои заблужденія; члены законодательнаго собранія не имѣли этого сознанія и готовы были начинать сначала» [1]).

При разъединенности партій и отсутствіи единства въ идеяхъ и образѣ дѣйствій, преобладающее значеніе въ законодательномъ собраніи вскорѣ пріобрѣла небольшая партія, въ то время уже извѣстная подъ именемъ Жиронды и выдвинувшаяся, благодаря искренности своихъ политическихъ убѣжденій и страстной преданности идеямъ революціи. Правда, и у жирондистовъ не было вполнѣ ясно опредѣленной политической программы; но въ отрицательной своей политикѣ они дѣйствовали неуклонно,—послѣдовательно и энергично. Выдающаяся роль между жирондистами принадлежала близкимъ друзьямъ и знакомымъ Роланов. Бриссо, Годэ, Верньо, Жансонэ—~~стояли~~ стали членами законодательнаго собранія; Петіонъ былъ мэромъ Парижа.

Блестящее краснорѣчіе, богатое фантазіей, мѣткое остроуміе, при темпераментѣ живомъ и страстномъ, — невольно привлекали къ нимъ общія симпатіи. «Это—очаровательная молодежь», говоритъ о нихъ одинъ современникъ [3]), ѣхавшій съ ними вмѣстѣ изъ Бордо въ Парижъ, осенью 1791 года, — «полная энергіи, пылкая и безгранично преданная своимъ идеямъ».

---

[1]) Correspondance du baron de Staël avec sa Cour, 6 octobre 1791.—«На 500 членовъ законодательнаго собранія», говоритъ Понтекуланъ, — «едва-ли насчитывалась сотня поземельныхъ собственниковъ; остальная часть собранія состояла изъ адвокатовъ и лицъ, принадлежащихъ къ различнаго рода ученымъ, артистическимъ или промышленнымъ профессіямъ». Pontécoulant, Mémoires, t. 1-er, p. 117.

[2]) Malouet, II, p. 115.

[3]) Рейнгардъ.—Тотъ-же современникъ, во время путевыхъ наблюденій, замѣтилъ въ нихъ большую неопытность и легкомысліе. И, тѣмъ не менѣе, онъ былъ до такой степени очарованъ ими, что не отходилъ отъ нихъ впродолженіи всего путешествія.

Въ политическомъ образѣ мыслей жирондистовъ главную роль играли чувство и фантазія. Читая мемуары жирондистовъ, мы встрѣчаемъ тѣ же общія черты, которыя характеризуютъ постепенное умственное развитіе г-жи Роланъ. Всѣ они зачитывались въ дѣтствѣ и юности Плутархомъ, увлекались его героями, мечтами о перенесеніи въ современный міръ античныхъ добродѣтелей. Затѣмъ, на смѣну явились великіе писатели XVIII вѣка — Монтескьё, Вольтеръ и Руссо. Всѣ эти пестрые идеи и идеалы, при наклонности къ мечтательности, развивались и слагались отвлеченно, нерѣдко при полномъ незнаніи дѣйствительной жизни. Быть можетъ, это незнаніе жизни, въ соединеніи съ увлеченіемъ, свойственнымъ юности, способствовало развитію нетерпимости, слѣпой приверженности къ принципамъ и презрительнаго отношенія къ фактамъ дѣйствительной жизни [1]), въ которыхъ обвиняютъ ихъ современники. — «Эти господа», замѣчаетъ о жирондистахъ одинъ наблюдатель [2]),—«высказывали глубокое презрѣніе къ своимъ предшественникамъ, членамъ учредительнаго собранія; они относились къ нимъ какъ къ людямъ не дальнозоркимъ, съ предразсудками, которые не съумѣли воспользоваться обстоятельствами».

Свойства эти, характеризовавшія партію Жиронды—страстная нетерпимость при отсутствіи политической опытности—должны были оказать рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее теченіе политическихъ событій.

Въ концѣ 1791 и началѣ 1792 года два вопроса, неразрѣшенные предъидущимъ собраніемъ, привлекали вниманіе всѣхъ партій: вопросъ о неприсягнувшемъ духовенствѣ и эмигрантахъ. Агитація противъ революціи, возбуждаемая духовенствомъ внутри Франціи и эмигрантами внѣ предѣловъ государства, представляла тѣмъ болѣе опасности, что дворъ втайнѣ поддерживалъ реакцію. Король, по прежнему, держался нерѣшительнаго, колеблющагося образа дѣйствія, одновременно подчиняясь различнымъ вліяніямъ и тѣмъ еще болѣе возбуждая противъ себя недовѣріе [3]).

---

[1]) «По мнѣнію предводителей Жиронды», говоритъ Тэнъ, — «...принципы должны примѣняться безъ ограниченій; всякій, кто останавливается на полдорогѣ, лишенъ, въ ихъ глазахъ, ума или сердца».—Taine, «La Conquête Jacobine», p. 107.

[2]) Taine, «La Conquête Jacobine» Souvenirs, manusrits de M. X.

[3]) «Каждый имѣлъ свой заговоръ и своихъ сообщниковъ», замѣчаетъ одинъ современникъ— очевидецъ, говоря о приближенныхъ Людовика XVI.— «...Мудрые и энергичные совѣты пугали слабыхъ, тревожили буйныхъ, задѣвали слабонервныхъ и безхарактерныхъ». «Correspondance de Gouverneur Morris», t. II, p. 221.

Порицая непатріотическій образъ дѣйствій эмигрантовъ и внѣшнимъ образомъ выражая свою приверженность конституціи, онъ въ то-же время отказывался утвердить декреты законодательнаго собранія противъ эмигрантовъ и неприсягнувшаго духовенства [1]). Онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ въ иностранной политикѣ и оставался равнодушнымъ къ внутреннимъ событіямъ.

Конституція казалась ему тяжкими узами, церковный порядокъ—покушеніемъ на свободу его собственной совѣсти [2]). Двусмысленное поведеніе короля вызывало тѣмъ болѣе раздраженія среди приверженцевъ революціи, что съ нимъ совпадали попытки вмѣшаться въ дѣла Франціи со стороны иностранныхъ державъ. За угрозой вооруженнаго вмѣшательства, заключавшейся въ Пильницкомъ манифестѣ, послѣдовала нота австрійскаго правительства [3]), въ которой предлагалось соглашеніе европейскихъ государей для сохраненія спокойствія и рѣшенія французскаго вопроса посредствомъ европейскаго конгресса. Демонстраціи эти, хотя и не сопровождались враждебными дѣйствіями, заживо задѣвали національное самолюбіе и увеличивали шансы войны, о которой уже съ половины 1791 года мечтала Жиронда [4]). Въ началѣ 1792 года, въ стремленіи къ войнѣ страннымъ образомъ соединились приверженцы всѣхъ партій. Роялисты мечтали о возстановленіи стараго порядка съ помощью иностранныхъ державъ; республиканцы видѣли въ войнѣ средство разрѣшить внутреннія недоразумѣнія

---

[1]) 29-го ноября 1791 года законодательнымъ собраніемъ былъ изданъ декретъ, лишавшій казеннаго жалованья духовныхъ лицъ, отказавшихся отъ присяги гражданскому устройству духовенства, и ставившій ихъ въ положеніе заподозрѣнныхъ въ неповиновеніи законамъ и злоумышленіи противъ отечества. 19-го ноября 1791 г. былъ изданъ декретъ, требовавшій немедленнаго возвращенія эмигрантовъ во Францію; лица, не повиновавшіяся этому декрету, какъ виновныя въ заговорѣ, подвергались преслѣдованіямъ и смертной казни.

[2]) Гейссеръ «Исторія французской революціи».

3-го декабря 1791 года король написалъ многимъ дворамъ, что принятіе имъ конституціи не защитило его отъ притязаній партій, и что спасеніе свое онъ видитъ только въ скоромъ открытіи конгресса. Онъ надѣялся, что вмѣшательство Европы охладитъ воинственный жаръ республиканцевъ. (Зибель, «Исторія французской революціи», книга III, стр. 254).

[3]) 21-го декабря 1791 года.

[4]) Зибель, «Исторія французской революціи». Гейссеръ, «Исторія французской революціи». Taine, «La Conquête Jacobine».

и устранить изъ конституціи монархическій принципъ [1]); крайніе демократы—средство продолжить анархію и захватить власть въ свои руки. Всѣхъ дѣятельнѣе пропагандировала войну Жиронда. Вопросъ о войнѣ имѣлъ для нея не одно внѣшнее, но и внутреннее политическое значеніе, какъ средство утвердить свое вліяніе и произвести реакцію во внутренней политикѣ. Въ мартѣ 1792 года, послѣ паденія министерства Делессара, вызваннаго непопулярной его политикой, король рѣшился, наконецъ, составить министерство изъ числа «патріотовъ»,—наиболѣе вліятельныхъ членовъ законодательнаго собранія [2]). Выборъ палъ на второстепенныхъ представителей Жиронды; въ числѣ ихъ былъ Роланъ. 21-го марта 1792 года Ролану былъ предложенъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ. 23-го марта онъ вступилъ въ должность. Съ этой эпохи начинается наиболѣе важный періодъ въ политической дѣятельности г-жи Роланъ: изъ частнаго лица она превращается

---

[1]) «Если французскій народъ обнажилъ шпагу», говорилъ Испаръ въ своей рѣчи 29-го ноября 1791 года,—«онъ далеко отброситъ отъ себя ножны; одушевленный пламенемъ свободы, вооружившись мечомъ, перомъ, разумомъ, краснорѣчіемъ,—онъ одинъ можетъ, если раздражатъ его, измѣнить поверхность міра»...

«Въ силу размышленія, также какъ фактовъ», говорилъ Бриссо въ Якобинскомъ клубѣ 16-го декабря 1791 года,—«я пришелъ къ убѣжденію, что народу, достигшему свободы послѣ 10-ти-вѣковаго рабства, необходима война Намъ нужна война, чтобы утвердить свободу, намъ нужна война, чтобы исцѣлить ее отъ пороковъ деспотизма; намъ нужна война, чтобы удалить людей, которые могли бы погубить ее. Благословляйте небо за то, что оно само помогло вамъ въ этомъ и дало случай прочнѣе утвердить вашу конституцію.

[2]) «Положеніе дѣлъ, всеобщее недовольство безпокоило дворъ. Министры сдѣлались предметомъ общественнаго осужденія, и, дѣйствительно, политика ихъ была направлена противъ конституціи 1791 года, которую король утвердилъ противъ своей воли, и которую онъ не желалъ поддерживать. При частыхъ измѣненіяхъ и смутахъ въ министерствѣ, дворъ, вѣчно колеблющійся, не зналъ, на комъ остановить свой выборъ... Наконецъ, по слабости или изъ чувства страха, дворъ установилъ свой выборъ, надѣясь склонить на свою сторону, или удалить, въ случаѣ неудачи, лица, которыя предполагалось призвать къ министерству. Выборъ остановился на такъ-называемыхъ «патріотахъ». Memoires de m-me Roland, t. II, p. 88. Было справедливо, что поступки министерства Делессара были часто несообразны и противны конституціи; что оно выказывало противодѣйствіе и вражду всѣхъ мѣрамъ собранія, что оно постоянно придерживалось въ своихъ нотахъ умѣреннаго, мирнаго тона, который нельзя было согласовать съ рѣчами жирондистовъ, и лишь съ трудомъ можно было привести въ связь съ постановленіями собранія». (Гейссеръ, «Исторія французской революціи», стр. 222).

въ главу партіи и пріобрѣтаетъ, черезъ своего мужа, значительное вліяніе на ходъ политическихъ событій.

Прежде чѣмъ перейти къ этому періоду въ біографіи г-жи Роланъ, необходимо опредѣлить, въ общихъ чертахъ, значеніе ея политической роли. И современники г-жи Роланъ, и позднѣйшіе историки, поклонники ея и враги,—всѣ свидѣтельствуютъ о значеніи ея, какъ представительницы партіи Жиронды. Ее называютъ «единственнымъ мужчиной, котораго выставила эта партія».

«Еслибы г-жа Роланъ», замѣчаетъ одинъ современникъ,—«могла сообщить партіи Жиронды энергію свою и отвагу,—монархія была-бы низвержена, но якобинцы не остались бы побѣдителями» [1]).

Признаніе политическаго значенія г-жи Роланъ всегда какъ-бы невольно приводитъ къ сравненію съ политической дѣятельностью ея мужа,—сравненію, невыгодному для послѣдняго.

Начиная съ Марата, иронично называвшаго министерство 23-го марта—министерствомъ г-жи Роланъ, и кончая искренними друзьями Ролана,—всѣ современники говорятъ о громадномъ вліяніи, которое имѣла на него жена. Барбару, сравнивающій Ролана-министра съ Сюлли и Кольберомъ [2]), замѣчаетъ, что онъ «болѣе всѣхъ современниковъ приближался къ образу Катона, но, прибавляетъ онъ, — нельзя не признать, что мужествомъ своимъ и талантами онъ обязанъ своей женѣ».

Этотъ взглядъ на политическую дѣятельность и способности Ролана былъ, повидимому, весьма распространенъ въ эпоху перваго и второго министерства его [3]). Въ своихъ мемуарахъ г-жа

---

[1]) «Souvenirs sur Mirabeau», par Etienne Dumont.

[2]) «Я видѣлъ Ролана въ его 2-мъ министерствѣ», говоритъ Барбара,—«такимъ-же простымъ въ обращеніи, какимъ и въ его прежнемъ скромномъ уединеніи. Изъ общественныхъ людей, онъ одинъ противуполагалъ добродѣтель проискамъ злодѣевъ и подвергался ихъ нападеніямъ, безъ устали занимаясь, среди сумятицы, основаніемъ національной промышленности и общественной нравственности. Еслибы его не принудили покинуть министерство, онъ заставилъ-бы позабыть Сюлли и Кольбера, который, основывая мануфактуры, пренебрегалъ агрикультурой, питающей все человѣчество». (Mémoire de Barbaroux, p. 40).

[3]) Еще болѣе рѣзки сужденія о Роланѣ и его политической дѣятельности современныхъ писателей. «Философія Ролана и республиканскіе его принципы», говоритъ Барантъ,—«были лишь декламаціей и педантизмомъ. Личность его, безъ сомнѣнія, была-бы предана забвенію, еслибъ онъ не былъ мужемъ женщины, имя которой прославилось въ исторіи».—(Barante» Histoire de la Convention Nationale, t. 1-er, p. 44.

По мнѣнію Тэна, Роланъ-министръ—«пустой фразеръ и административный

Роланъ опровергаетъ взглядъ этотъ, какъ оскорбительный для нея и несправедливый.

«Весьма многіе», говоритъ она, «приписываютъ мнѣ заслуги для того лишь, чтобы въ невыгодномъ свѣтѣ представить моего мужа; другіе приписываютъ мнѣ въ политическихъ дѣлахъ такого рода вліяніе, котораго я никогда не имѣла. Привычка и наклонность къ кабинетнымъ занятіямъ побудили меня раздѣлять работы мужа, когда онъ былъ еще частнымъ лицомъ... Когда онъ сталъ министромъ, я не вмѣшивалась въ администрацію; но когда дѣло шло о циркулярѣ, объ инструкціи, о важной дѣловой бумагѣ, — мы имѣли обыкновеніе обсуждать вопросъ сообща; при этомъ, имѣя въ распоряженіи болѣе свободнаго времени, я бралась за перо и излагала его взгляды, съ которыми сходились мои собственные... Я ничего не могла выразить, съ точки зрѣнія справедливости и разума, что онъ не въ состояніи былъ поддержать или осуществить на практикѣ,—и я лучше его умѣла изобразить его дѣйствія. Роланъ, безъ моего содѣйствія, былъ-бы столь-же хорошимъ администраторомъ; нельзя отказать ему въ знаніи дѣла и честности; съ моимъ содѣйствіемъ онъ произвелъ болѣе впечатлѣнія, потому что въ томъ, что я писала для него, отразилось чувство въ соединеніи съ авторитетомъ разума, присущіе лишь женщинѣ съ сердцемъ и здравымъ сужденіемъ [1])».

Эти немногія слова бросаютъ свѣтъ на отношеніе г-жи Роланъ къ ея политической дѣятельности. Ни въ частномъ, ни въ политическомъ ея образѣ дѣйствій не проглядываетъ того безмѣрнаго честолюбія, которое приписываютъ ей враги ея. Г-жа Роланъ не искала политической сферы дѣятельности, какъ средства прославиться. Теченіе событій, помимо ея воли, увлекли ее на этотъ путь.—И здѣсь, природныя дарованія, недюжинный умъ выдвинули ее на первый планъ, — помимо ея воли, помимо всякой личной иниціативы.—Вполнѣ искренно, безъ разсчета, безъ честолюбивыхъ замысловъ, она отдала свой энтузіазмъ, свои дарованія этому кружку талантливыхъ и экзальтированныхъ людей, стремившихся образовать изъ себя партію и представлявшихъ лишь стачку; она воодушевляла ихъ прелестью своего слова, живостью своихъ впечатлѣній [2]).

манекенъ, пружиной котораго заправляла жена его; самъ по себѣ, онъ представляетъ нѣчто химерическое, смѣшное и плоское». (Taine, «La Conquête Jacobine», p. 109).

[1]) Mémoires de m-me Roland, t. II, p. 102, 103.

[2]) Barante, «Histoire de la Convention Nationale», t. 1-er, p. 44.

Что касается Ролана, онъ, безъ сомнѣнія, не обладалъ всѣми дарованіями и умственными качествами, которыя приписывала ему жена его. Это былъ человѣкъ не чуждый мелкаго тщеславія и самолюбія, упрямый по характеру, посредственнаго ума. Одинъ современникъ революціи 1792 — 93 гг. [1]), иронично отзываясь о преувеличенной славѣ, созданной Ролану его друзьями, такъ характеризуетъ его: «Роланъ», говоритъ онъ, «стоялъ гораздо ниже своей репутаціи; онъ не былъ ни великимъ человѣкомъ, ни дуракомъ, но онъ не обладалъ ни однимъ изъ качествъ, необходимыхъ для государственнаго человѣка: онъ былъ до крайности вспыльчивъ, упрямъ и умѣлъ лишь сопротивляться, не обладая даромъ предупреждать нападенія своихъ враговъ... Его окрестили эпитетомъ «добродѣтельнаго, неподкупнаго»; нашлись другіе, которые провозгласили себя еще болѣе добродѣтельными и неподкупными патріотами, чѣмъ онъ; и чтобы исключительно присвоить себѣ репутацію Ролана, они свергли его... Къ тому-же, Роланъ былъ строгъ въ своихъ отчетахъ и не злоупотреблялъ администраціей въ свою пользу; онъ одинъ, изъ всѣхъ министровъ, осмѣлился предать гласности свои дѣйствія послѣ 10-го августа, и представить добросовѣстный отчетъ министерскихъ расходовъ»...

Не выше въ умственномъ отношеніи стояли товарищи Ролана по министерству 23-го марта. Это были, по большей части, честные труженики, добросовѣстные и благонамѣренные, но не выдававшіеся талантами и дарованіями. «Всеобщая посредственность», замѣчаетъ г-жа Роланъ въ своихъ мемуарахъ, «черта всего болѣе поразившая меня въ эпоху министерства моего мужа; посредственность эта превосходитъ все, что можетъ представить себѣ воображеніе; она распространена во всѣхъ слояхъ, начиная съ канцелярскаго служителя, которому необходимъ лишь здравый умъ, чтобы схватить суть дѣла, и приличный слогъ, чтобы составлять письма, и кончая посланникомъ, министромъ, стоящимъ во главѣ администраціи, военачальникомъ, командующимъ войсками.

Безъ личнаго опыта никогда я не повѣрила-бы, что человѣческій родъ такъ скудно одаренъ въ духовномъ отношеніи [2]).

---

[1]) «Les Souvenirs de l'Histoire ou le Diurnal de la Révolution de France», par Beaulieu.

[2]) Въ мемуарахъ г-жи Роланъ мы встрѣчаемъ мѣткую характеристику представителей министерства 23-го марта. «Дюрантонъ, призванный изъ Бордо», пишетъ она, «былъ, говорятъ, человѣкъ честный, но весьма лѣнивый; тщеславный съ виду, онъ, по своей болтовнѣ и трусливому характеру, всегда

Несмотря на умственное развитіе, обиліе знаній, внѣшнюю привлекательность политическихъ дѣятелей первой эпохи французской революціи, всѣ они, по взглядамъ г-жи Роланъ, были «люди заурядные, пигмеи».

«О, бѣдное мое отечество»! говорила она въ началѣ 1792 года, подъ впечатлѣніемъ знакомства съ Люкнеромъ, «все потеряно, если приходится прибѣгать къ подобному ничтожеству и ввѣрять ему судьбу цѣлаго государства [1]).

По мнѣнію г-жи Роланъ, современные политическіе дѣятели Франціи, при всѣхъ своихъ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ, неспособны были выполнить задачу, къ которой были призваны. Франція представлялась ей оскудѣвшей по отношенію къ своимъ политическимъ представителямъ. «Напрасно», говорила она, «будемъ мы искать силы духа, этого перваго аттрибута героя, при ясности и широтѣ взгляда, проникающаго завѣсу будущаго. Почти нигдѣ не встрѣчается соединенія этихъ качествъ, составляющаго истинно великаго человѣка [2]).

По свидѣтельству г-жи Роланъ, между членами министерскаго совѣта господствовало вначалѣ полное единеніе; всѣ, болѣе или менѣе соблюдая собственные интересы, искренно желали поддер-

---

производилъ на меня впечатлѣніе старой бабы. Клавьеръ, министръ финансовъ, человѣкъ дѣятельный и трудолюбивый, вспыльчивый и упрямый, какъ большинство людей, которые живутъ въ уединеніи кабинетныхъ занятій; язвительный и привязчивый въ спорахъ, онъ долженъ былъ сталкиваться съ Роланомъ, рѣзкимъ въ обращеніи и столь-же приверженнымъ къ своимъ мнѣніямъ. Лакостъ отличался знаніями, привычками трудолюбія и ничтожностью канцелярскаго служителя; такъ какъ онъ долго занимался въ канцеляріи морского вѣдомства, его сочли годнымъ для министерства этого департамента.. Ему недоставало широты взглядовъ и дѣятельности, необходимыхъ для администратора большого вѣдомства, въ особенности при данныхъ обстоятельствахъ. Дюмурье, министръ иностранныхъ дѣлъ, былъ умнѣе остальныхъ, но въ нравственномъ отношеніи уступалъ каждому изъ нихъ. Дѣятельный и храбрый, хорошій генералъ, ловкій придворный, онъ говорилъ легко и остроумно, хорошо писалъ, способенъ былъ на большія предпріятія; ему недоставало лишь выдержки и хладнокровія, чтобы преслѣдовать свои планы. Въ военномъ министерствѣ Дегравъ былъ замѣненъ Серваномъ. Это былъ честный человѣкъ, въ полномъ смыслѣ слова, пылкій по темпераменту, отличавшійся суровостью философа и чистотой нравовъ; просвѣщенный патріотъ, бдительный министръ, ему недоставало лишь большаго хладнокровія и силы характера». «Mémoires de m-me Roland», t. 1-er, p. 94, t. 2-d, p. 118, 115.

[1]) Mémoires de m-me Roland t. 2-d p. 116.

[2]) Mémoires de m-me Roland, t. 2-d p. 95.

жать конституцію, всѣ стремились водворить порядокъ въ администраціи [1]).

Засѣданія совѣта имѣли характеръ семейный, патріархальный. Каждый министръ принималъ свои указы и прокламаціи для подписи. Во время преній, король читалъ газету и англійскіе журналы, предлагая, отъ времени до времени, общіе вопросы, и съ любезными замѣчаніями обращаясь къ тому или другому лицу [2]) «Совѣтъ министровъ», замѣчаетъ г-жа Роланъ, «походилъ на кафе, гдѣ занимались лишь пустой болтовней; не было ни секретаря, ни протоколовъ происходившихъ преній» [3]).

Мирное, благодушное настроеніе распространялось первое время и на отношенія министровъ къ королю. Была минута, когда наиболѣе скептичные готовы были повѣрить, что революція кончена. Въ продолженіе трехъ недѣль Роланъ и Клавьеръ, довольные внѣшнимъ обращеніемъ короля, искренно радовались мирному исходу борьбы между старымъ и новымъ порядкомъ. «Боже мой», говорила г-жа Роланъ, подъ впечатлѣніемъ радостнаго расположенія духа, съ которымъ они отправлялись на совѣтъ министровъ,— «когда я вижу васъ въ этомъ настроеніи довѣрія, мнѣ всегда кажется, что вы готовы сдѣлать глупость». Г-жа Роланъ ссылалась на предшествующіе факты, доказывая неосновательность этого довѣрія. Главнымъ ея аргументомъ было бѣгство въ Вареннъ.

Трудно было, по ея мнѣнію, ожидать приверженности къ конституціи со стороны неограниченнаго монарха, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ всѣмъ своимъ поведеніемъ заявлявшаго о своемъ несочувствіи новой формѣ правленія.

Мнимое согласіе между королемъ и его совѣтниками не могло продолжиться; и ее возмущало легковѣріе и безпечность министровъ, терявшихъ время въ пустыхъ преніяхъ, въ результатѣ которыхъ «получалось лишь нѣсколько лишнихъ подписей».

«Всѣ вы довольны», говорила она мужу, «потому что король не противорѣчитъ вамъ и даже любезенъ съ вами; каждый изъ

---

[1]) Mémoires de m-me Roland, t. 2-d, p. 120.

[2]) Mémoires de m-me Roland, t. 1-er, t. 2-d, p. 97, 98.

[3]) Будущее ускользало отъ ихъ пониманія подъ впечатлѣніемъ настоящаго. Большинство министровъ забывали присущія имъ заботы и располагались въ своихъ отеляхъ, какъ-бы намѣреваясь остаться въ нихъ навсегда. Г-жа Роланъ одна, при видѣ окружавшей ее роскоши, повторяла, что это, въ ея глазахъ, «позолота постоялаго двора». (Etienne Dumont, «Souvenirs sur Mirabeau», p. 414).

васъ, повидимому, дѣйствуетъ въ своемъ департаментѣ, какъ желаетъ; боюсь, чтобы вы не стали жертвой обмана [1]).

Предсказанія г-жи Роланъ не замедлили оправдаться. Отказъ короля утвердить декреты законодательнаго собранія противъ эмигрантовъ и неприсягнувшихъ священниковъ, агитировавшихъ противъ революціи [2]); усиленіе исполнительной власти въ Парижѣ посредствомъ противозаконнаго увеличенія состава національной гвардіи; двойственная внѣшняя политика короля [3]), тайныя сношенія его съ иностранными государями и слухъ о заговорѣ, подготовлявшемъ иноземное вторженіе въ центръ Франціи,—всѣ эти симптомы реакціи, слѣдовавшіе одинъ за другимъ, не могли не возбудить прежнее недовѣріе къ королю представителей Жиронды.

Война, давно желательная этой партіи, какъ средство произвести реакцію во внутренней политикѣ,—война весной 1792 года являлась неизбѣжной; и между тѣмъ, въ эту критическую минуту ясно было, что исполнительная власть не расположена защищать національные интересы Франціи и не представляетъ надежной опоры для поддержанія новаго порядка. И вотъ, подъ вліяніемъ этого сознанія, въ средѣ совѣтниковъ короля является мысль о необходимости произвести на него давленіе, чтобы выйти изъ неопредѣленнаго положенія; и является эта мысль прежде всего у Ролана и Сервана—у тѣхъ представителей министерства, которые

---

[1]) Mémoires de m-me Roland, t. 2-d, p. 99.

[2]) «Ошибки роялистовъ», замѣчаетъ Маллэ-дю-Панъ, описывая положеніе Франціи 1792 г,,—«увеличивали ошибки фельяновъ. Съ самаго начала большинство недовольныхъ видѣло свое спасеніе лишь въ усиленіи зла... Софизмамъ партійнаго духа революція обязана ужаснымъ характеромъ, который она приняла съ 1792 года... Она обязана имъ той систематической эмиграціи, которая разлучила монарха съ его приверженцами, королевство—съ роялистами, владѣнія съ владѣльцами, партію съ ея сторонниками... Не было возможности добиться отъ нихъ какой-либо политики: жажда ненависти, повидимому, обуяла ихъ... ни тюрьма, ни смерть не прекращали ихъ враждованія; каждая часть партіи, приверженной къ монархическому правленію, предавала проклятію всѣ тѣ, которыя не сходились съ ней въ мельчайшихъ вопросахъ политики». Mallet du Pan, «Considérations sur la nature de la Révolution Française».

[3]) Plus on est instruit de l'histoire de cette époque, moins il est possible de douter, que la cour ne fut sous le masque; le roi seul portait son visage, mais il ne le montrait que de profil»... (Souvenirs sur Mirabeau par Et. Dumont, p. 375).

Внутри Франціи исполнительная власть усиленно примѣняла принципы «laissez-faire, laissez-aller»,—чтобы анархія дала скорый и суровый урокъ и старый порядокъ сдѣлался-бы предметомъ общихъ желаній».—Buchez et Roux—«Histoire parlementaire de la Révolution Française».

недавно еще такъ оптимистически относились къ политическому положенію дѣлъ. Трудно сказать, насколько, въ данномъ случаѣ, повліялъ на Ролана образъ мыслей его жены; но изъ мемуаровъ г-жи Роланъ мы узнаемъ, что знаменитое письмо къ королю, въ которомъ Роланъ обращался къ Людовику XVI съ увѣщаніями и политической проповѣдью,—по формѣ и содержанію всецѣло принадлежало ей. «Настоящее положеніе Франціи», такъ начиналось письмо,—«не можетъ продолжиться; это кризисъ, достигшій высшаго своего предѣла; онъ долженъ окончиться взрывомъ, который близко затронетъ интересы какъ вашего величества, такъ и всего государства». — Далѣе говорилось о стремленіи короля возстановить прерогативы, составлявшія нѣкогда принадлежность монархіи,—стремленіи, которымъ хотѣли воспользоваться враги революціи; и при этомъ ставился вопросъ: имѣетъ-ли право королевская власть вступать въ союзъ съ врагами конституціи и дѣйствовать противъ законодательной власти?—Вопросъ рѣшался отрицательно.—«Отступать уже поздно; нѣтъ даже болѣе возможности медлить: революція совершалась въ умахъ; она окончится кровопролитіемъ, если мудрость не предупредитъ несчастія, которыя возможно еще избѣгнуть. Престолу вашему угрожаютъ страшныя бѣдствія, если онъ не будетъ утвержденъ на основахъ конституціи и упроченъ миромъ»... Письмо заканчивалось мрачными картинами будущаго, ожидающаго короля, при дальнѣйшемъ сопротивленіи его законодательному собранію. «Общественное мнѣніе уже подвергаетъ осужденію намѣренія вашего величества; еще отсрочка—и опечаленный народъ будетъ видѣть въ своемъ королѣ друга и сообщника заговорщиковъ».

Написанное подъ вліяніемъ минутнаго порыва и нѣсколько рѣзкое по формѣ, письмо также мало походило на оффиціальную дѣловую бумагу, какъ и на «выговоръ высокомѣрнаго педагога», какъ характеризуетъ его одинъ [современный историкъ [1]). Въ формѣ его и содержаніи отразились прямота и страстная горячность убѣжденія—характерныя черты г-жи Роланъ. Въ немъ ясно доказывалось, какъ естественно поведеніе короля должно было вызвать въ народѣ подозрѣніе о сношеніяхъ его съ врагами націи; при этомъ прямо, безъ околичностей, ставился вопросъ—пожелаетъ ли король идти заодно съ большинствомъ законодатель-

[1]) Taine, «Conquête Jacobine».

наго собранія и министерства, или онъ откажетъ въ утвержденіи декретовъ и станетъ на сторону реакціи? [1]).

Не трудно было предвидѣть результатъ ультиматума, предъявленнаго Роланомъ. 12 іюня, два дня послѣ представленія королю письма, Роланъ получилъ отставку, почти одновременно съ двумя своими товарищами, Серваномъ и Клавьеромъ. Развязка эта соотвѣтствовала ожиданіямъ г-жи Роланъ; она привѣтствовала ее радостно, какъ выходъ изъ положенія, съ каждымъ днемъ становившагося болѣе фальшивымъ и тяжелымъ.

Отставка жирондистскаго министерства явилась сигналомъ къ послѣдней стадіи борьбы революціи съ монархіей. Въ эту эпоху, когда на политическомъ горизонтѣ положеніе дѣлъ становилось все болѣе труднымъ и запутаннымъ, когда французскія войска терпѣли одно пораженіе за другимъ,—опасность со стороны демагогіи, постепенно распространявшей свою деспотическую власть въ Парижѣ и департаментахъ, скрывалась, въ глазахъ республиканской партіи, за призракомъ стариннаго врага. Ослабленная и униженная, монархическая власть далеко не представлялась безопасной; союзъ ея съ иноземными державами казался тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что были явныя доказательства тайныхъ ея сношеній съ вѣнскимъ дворомъ [2]). Этимъ общимъ недовѣріемъ къ исполнительной власти объясняется частью пассивное, частью активное

[1]) Письмо Ролана къ королю послужило предметомъ рѣзкой критики со стороны современныхъ писателей. Барантъ («Histoire de la convention Nationale, t. I, p. 47) находитъ письмо «дерзкимъ и неприличнымъ». Тэнъ («La Conquête Jacobine, p. 190) укоряетъ Ролана за высокомѣрный тонъ,—за то, что онъ хотѣлъ «разслѣдовать чувства короля и пояснить ему его обязанности».—Однимъ изъ главныхъ поводовъ къ осужденію Ролана послужилъ фактъ обнародованія письма его, послѣ того, какъ онъ, будто бы, обѣщалъ въ этомъ письмѣ сохранить его въ тайнѣ. При этомъ ссылаются на свидѣтельство мемуаровъ Дюмурье, враждебно относившагося къ Ролану и его партіи; между тѣмъ, въ текстѣ письма Ролана, который приводится въ мемуарахъ его жены, о такомъ обѣщаніи нигдѣ не упоминается. Тэнъ (La Conquête Jacobine) и Барантъ (Histoire de la Convention Nationale) утверждаютъ, что письмо было прочтено Роланомъ королю къ совѣтѣ министровъ, во время засѣданія 10 іюня, какъ бы для того, чтобы вынудить у него согласіе. Изъ мемуаровъ г-жи Роланъ мы узнаемъ, что письмо не было прочтено въ совѣтѣ, такъ какъ король, въ засѣданіи 10 іюня, прервалъ пренія относительно декретовъ о преслѣдованіи неприсягнувшихъ священниковъ и объ организаціи федеративнаго лагеря, и потребовалъ, чтобы каждый министръ представилъ ему письменное изложеніе своего мнѣнія. (Mémoires de m-me Roland, t. 2, p. 105).

[2]) Etienne Dumont, «Souvenirs sur Mirabeau», p. 375. Buchez et Roux, «Histoire parlementaire de la Révolution française».

участіе жирондистовъ въ событіяхъ 20-го іюня и 10-го августа 1792 года. «Истинные патріоты», замѣчаетъ г-жа Роланъ въ своихъ мемуарахъ, «оставляли дѣйствовать демагогію, какъ шумную свору собакъ, и не прочь были воспользоваться ею, чтобы произвести давленіе на исполнительную власть».

Но при этомъ, стремясь подчинить или устранить монархію, жирондисты далеки были отъ мысли прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ и кровопролитію, запятнавшимъ переворотъ 10 августа. Задуманный ими проектъ являлся въ формѣ величественной народной демонстраціи [1],—«священной какъ права, которыя она должна была утвердить, достойной служить примѣромъ всѣмъ народамъ...»—«Еслибы планъ этотъ былъ исполненъ», — замѣчаетъ одинъ современный свидѣтель 10 августа (Барбару)—«кровь французовъ и швейцарцевъ не была бы пролита; республика утвердилась бы безъ убійствъ и насилій, и мы не стали-бы предметомъ ненависти всѣхъ народовъ».

Послѣ 10 августа начинается новая эра въ политической дѣятельности Жиронды. Монархія ~~физически~~ фактически была уничтожена; большинство законодательнаго собранія принадлежало къ числу послѣдователей Жиронды, и политическая власть, съ возвращеніемъ въ министерство Ролана, Сервана и Клавьера, перешла, повидимому, въ руки этой партіи. Но торжество ея было лишь минутнымъ и призрачнымъ. Въ самый моментъ побѣды, на политической сценѣ является новый врагъ, завязывается новая борьба. Если для Жиронды 10 августа было послѣднимъ актомъ революціи, послѣднимъ насиліемъ, необходимымъ, въ ихъ глазахъ, для устраненія элементовъ стараго порядка,—для вождей демагогической партіи, побѣдителей 10-го августа, событіе это являлось началомъ новаго переворота, гдѣ, подъ маской демократической республики, должно было утвердиться деспотическое господство ихъ партіи. Стремленіе это проявляется уже вначалѣ 2-го жирондистскаго министерства, въ то время, когда Роланъ и друзья его мечтали еще объ утвержденіи свободы: «Какъ прискорбно»,—говорила г-жа Роланъ,—«что составъ министерства испорченъ Дантономъ, пользующимся такой дурной репутаціей!»—Но уже въ то время мнѣніе это нельзя было высказывать вслухъ, и уже тогда друзья отвѣчали на замѣчаніе ея: «Что дѣлать! Дантонъ былъ полезенъ въ революціи и народъ любитъ его; нельзя возбуждать недовольство, приходится мириться съ нимъ» [2].

[1]) Mémoires de Barbaroux, p. 51.

[2]) Mémoires de m-me Roland, t. 2, p. 111.

И тутъ вскорѣ сказалась на практикѣ несовмѣстимость гуманныхъ принциповъ Жиронды съ тѣми средствами и орудіями, которыми она пользовалась для проведенія ихъ. Власть постепенно переходила въ руки тѣхъ, которые не останавливались на полпути и не пренебрегали средствами для достиженія цѣли, — въ руки парижской коммуны, дѣйствовавшей подъ руководствомъ Дантона и его сообщниковъ.

По мнѣнію ихъ, открыто выраженному въ законодательномъ собраніи,—«противъ враговъ націи всѣ средства были пригодны, всѣ справедливы» [1]).—«Чтобы побѣдить враговъ»,—говорилъ Дантонъ,—«намъ нужна смѣлость и смѣлость!» Слова эти послужили какъ бы прелюдіей къ сентябрьскимъ убійствамъ, цѣль которыхъ состояла въ томъ, чтобы «произвести народное волненіе и распространить ту панику, при которой горсть смѣлыхъ честолюбцевъ закладываетъ фундаментъ своего могущества» [2]). Совершившіяся насилія и злодѣянія должны были сразу открыть глаза республиканской партіи и положить конецъ ея иллюзіямъ. Какое потрясающее впечатлѣніе произвели сентябрьскія событія на Жиронду—свидѣтельствуетъ письмо г-жи Роланъ къ Банкалю, которымъ заканчивается переписка ея съ нимъ. «Дантонъ ведетъ все дѣло»,—говоритъ она, описывая сентябрскія убійства,—«Робеспьеръ—его орудіе, Маратъ вооруженъ кинжаломъ и факеломъ. Этотъ свирѣпый трибунъ царствуетъ здѣсь, и мы подъ его гнетомъ, пока не пали еще жертвами его. Если бы вы знали всѣ подробности послѣднихъ событій!... Вамъ извѣстна моя преданность революціи: теперь я стыжусь ея! Запятнанная злодѣями, она стала отвратительна!» [3]).

Сентябрьскія убійства проложили глубокую пропасть между Жирондой и Горой, явившись доказательствомъ различія въ ихъ нравственныхъ и политическихъ принципахъ. 2 сентября, по словамъ одного изъ главныхъ представителей партіи Горы (Коло д'Эрбуа), являлось для нихъ «величайшимъ догматомъ свободы»; оно вполнѣ соотвѣтствовало цѣли ихъ,—по собственному ихъ выраженію—состоявшей «въ деспотическомъ утвержденіи демокра-

[1]) «Mortimes—Ternaux», Histoire de la Terreur, t. V, p. 100.

Слова Базира въ засѣданіи законодательнаго собранія 24-го августа 1792 года.

[2]) Mémoires de m-me Roland, t. 1-er, p. 124, 125.

[3]) Dauban, «M-me Roland et son temps». Письмо къ Банкалю 9 сентября 1792 года.

тической республики» [1]). Для Жиронды кровавыя сцены, ознаменовавшія этотъ періодъ, — были позорнымъ пятномъ на революціи,—преступленіемъ, часть отвѣтственности за которое лежала на ихъ партіи; примиреніе съ виновниками его было въ глазахъ ея вдвойнѣ невозможнымъ,—какъ униженіе собственнаго достоинства [2]) и какъ преступленіе противъ отечества; и преслѣдованіе виновниковъ злодѣяній явилось одной изъ главныхъ цѣлей конвента, замѣнившаго 21 сентября 1792 г. законодательное собраніе.

Въ борьбѣ, завязавшейся между республиканцами и демагогами, Жиронда вначалѣ щадитъ враговъ своихъ, дѣйствуетъ осмотрительно и осторожно. Первый протестъ противъ насилій и убійствъ—письмо въ законодательное собраніе министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 3-го сентября, отличается сдержанностью тона; въ немъ проглядываетъ страхъ возбудить народное недовольство и стремленіе всю отвѣтственность за злодѣянія сложить на нѣсколько отдѣльныхъ личностей.—«Въ природѣ человѣческаго сердца», — пишетъ министръ,—«увлекаться побѣдой; море, всколебленное бурей, долго не успокоивается; но все должно имѣть предѣлъ!.. Вчера былъ день, на событія коего слѣдуетъ, быть можетъ, набросить покровъ. Я знаю, что народъ, страшный въ своей мести, и въ ней руководствуется нѣкоторой справедливостью... Но я знаю, что легко злодѣямъ-измѣнникамъ злоупотребить волненіемъ, и что необходимо остановить его; я знаю, что мы обязаны объявить всей Франціи, что исполнительная власть не въ силахъ была предупредить и остановить эти чрезмѣрности; и я знаю также, что законныя власти должны прекратить ихъ, или подать въ отставку» [3]).

Впечатлѣніе, которое произвелъ протестъ этотъ, съ нашей точки зрѣнія слабый и робкій, можетъ служить мѣриломъ общественнаго настроенія Парижа въ ту эпоху. Такъ велика была всеобщая паника, что всякое порицаніе совершившихся злодѣяній казалось почти геройскимъ подвигомъ. При томъ, злодѣянія эти представлялись торжествующей партіи, какъ актъ народнаго правосудія

---

[1]) Taine, «La Conquête Jacobine» p. 388. Адресъ парижскихъ якобинцевъ департаментскимъ якобинскимъ обществамъ, 7 января 1793 года.

[2]) «Когда департаменты убѣждали насъ вступить въ союзъ съ этими людьми (съ Горой)», говоритъ Бюзо въ своихъ мемуарахъ,—«какое мнѣніе имѣли они о насъ и о своемъ собственномъ достоинствѣ? Безъ сомнѣнія, мы обязаны были жертвовать жизнью для отечества; но нашу честь, нашу свободу—могли ли мы приносить въ жертву?»—Mémoires de Buzot, p. 7.

[3]) Dauban, «Mme Roland et son temps».

надъ государственными измѣнниками, и Жиронда, возбуждая противъ нихъ открытыя преслѣдованія, боялась утратить популярность въ народѣ, свою послѣднюю опору. Мотивы эти въ значительной степени объясняютъ нерѣшительный въ началѣ, робкій образъ дѣйствій Ролана, попытки его войти въ сдѣлку съ врагами. «Мнѣ понятно, къ чему должно было привести обманутое терпѣніе народа и его чувство справедливости», говоритъ онъ въ письмѣ къ жителямъ Парижа 13 сентября; «тѣмъ не менѣе, не осуждая необдуманно его первое движеніе, я нашелъ, что тѣ, которые старались продолжить его, дѣйствовали подъ вліяніемъ воображенія или жестокихъ и злонамѣренныхъ людей. Если заблудшіе собратья признаютъ, что они ошиблись, пусть они придутъ, я готовъ принять ихъ въ свои объятія» [1]).

Но никто изъ «заблудшихъ собратьевъ» не откликнулся на призывъ Ролана. Также безплодны были протесты и обличенія остальныхъ предводителей Жиронды—Жансонэ, Верньо, Ланжюинэ и др.

Послѣдняя надежда спасенія заключалась теперь для нихъ въ департаментахъ, большинство которыхъ съ негодованіемъ отнеслись къ сентябрьскимъ событіямъ. «Мы всѣ подъ ножемъ Робеспьера и Марата», писала г-жа Роланъ Банкалю (5-го сентября), «Собраніе и совѣтъ погибли, если департаменты не пришлютъ охранную стражу. И такъ, спѣшите къ намъ на помощь, подъ предлогомъ отраженія внѣшняго врага, и пусть вся Франція способствуетъ сохраненію двухъ своихъ учрежденій, которыя дороги ей».

Была минута, когда торжество, казалось, склонялось на сторону Жиронды. Общественное мнѣніе стояло за нее, департаменты вооружались противъ тиранніи парижской коммуны; въ конвентѣ партія Жиронды одерживала побѣды надъ Горой и требованіемъ разслѣдованія сентябрьскихъ убійствъ держала ее въ постоянномъ страхѣ. Но въ этихъ мимолетныхъ побѣдахъ было болѣе блеска и шума, чѣмъ дѣйствительной силы: онѣ ограничивались ораторскими торжествами на трибунѣ конвента и не сопровождались практическими мѣрами для прекращенія анархіи. «Трибуны» (въ конвентѣ) осыпали насъ оскорбленіями и угрозами», говоритъ одинъ изъ вліятельныхъ представителей Жиронды (Лувэ), «мѣшали намъ свободно высказывать свои мнѣнія, и въ это время наши несчаст-

[1]) Dauban. «M-me Roland et son temps».

ные друзья видѣли лишь одно средство противъ всѣхъ этихъ бѣдствій—планъ конституціи, который они оканчивали; и когда имъ предлагали рѣшительныя мѣры противъ заговорщиковъ, они отвѣчали съ величайшимъ хладнокровіемъ, что не слѣдуетъ ожесточать этихъ свирѣпыхъ людей» [1]).

Въ борьбѣ жирондистовъ съ Горой ярко выразилась практическая ихъ неспособность. По выраженію одного историка, они были «болѣе артисты, чѣмъ политики, и представляли собой скорѣе мнѣніе чѣмъ партію». Между ними не было ни единства, ни дисциплины, и ни одинъ изъ нихъ не обладалъ свойствами, необходимыми для руководства партіей [2]). «Насъ соединяла», говоритъ одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ и благородныхъ представителей Жиронды (Бюдо), «лишь цѣль и любовь къ свободѣ; цѣль наша заключалась въ томъ, чтобы создать, по возможности, лучшее правительство во Франціи; что-же касается до способовъ прове-

---

[1]) Mémoires de Souvet, p. 31. «Наши философы», замѣчаетъ другой современный наблюдатель, «хотятъ всего достигнуть убѣжденіемъ, какъ будто сраженія выигрываются краснорѣчивыми аргументами, блестящими рѣчами, планами конституціи. По ихъ системѣ, вскорѣ можно будетъ замѣнять пушки на полѣ сраженія полнымъ изданіемъ сочиненій Макіавелли, Руссо, Монтескье». Taine, «La Conquête Jacobine». Shmidt «Tableaux de la Révolution française», v. II, p. 4. Rapport. de Dutard, 6 Juni 1793.

[2]) «Каждый изъ жирондистовъ принималъ участіе въ борьбѣ отдѣльно, какъ доброволецъ скорѣе, чѣмъ какъ солдатъ; при томъ, во многихъ вопросахъ, такъ сказать личныхъ, многіе изъ нихъ, болѣе вѣрные истинѣ, чѣмъ собственному интересу, подавали голосъ (въ законодательномъ собраніи) заодно съ врагомъ, не считая это измѣной своему дѣлу». (Lanfrey, «Essai sur la Révolution Française», p. 278.

Не мало повредила ихъ дѣлу слѣпая приверженность жирондистовъ къ извѣстнымъ принципамъ. Въ концѣ 1793 года возможенъ былъ лишь одинъ образъ дѣйствій: отрѣшить коммуну, распустить секціи, закрыть клубы... Въ самый разгаръ борьбы, министръ внутреннихъ дѣлъ циркуляромъ 22-го декабря предписывалъ административнымъ учрежденіямъ поощрять ихъ (клубы). «Злоупотребленія отдѣльныхъ народныхъ обществъ не должны дѣлать администрацію несправедливой по отношенію къ нимъ и закрывать ей глаза на ихъ пользу. Если народъ, съ трудомъ выходящій изъ грязи разврата, развиваетъ въ собраніи, гдѣ онъ свободно собирается, безпокойныя страсти... если онъ жадно ухватывается за клеветы, которыми возбуждаютъ его гнѣвъ,—это небольшое зло, къ которому надо быть готовымъ. Горе администраціи, которая опасается его! Клеймо оковъ, которыя мы несли, можетъ исчезнуть лишь съ возрожденіемъ нравовъ. Пока оно не изгладится, государственный мужъ долженъ смѣло ступать среди препятствій, которыя воздвигаютъ ему. Онъ трудится не для себя; что до того, что станется съ нимъ! Совѣсть его чиста и потомство позаботится объ его славѣ». Dauban, «M-me Roland et son temps».

денія этого идеала, каждый пользовался въ этомъ отношеніи полной свободой» [1]).

Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ борьбы, послѣдовавшей за сентябрьскими убійствами, на первый планъ среди республиканской партіи выдвигаются самые интимные друзья Роланов; и между ними особенное вниманіе привлекаетъ лицо, получившее важное значеніе въ судьбѣ г-жи Роланъ, Бюзо. Прежній депутатъ учредительнаго собранія, засѣдавшій нѣкогда рядомъ съ Петіономъ и Робеспьеромъ, Бюзо мало выдѣлялся въ первые годы революціи. Имя его пріобрѣло извѣстность лишь послѣ сентябрьскихъ событій, въ разгаръ борьбы между Жирондой и Горой. Въ качествѣ члена конвента, онъ вскорѣ составилъ себѣ здѣсь громкую славу, какъ одинъ изъ самыхъ неутомимыхъ и безстрашныхъ поборниковъ свободы. Всегда изъ первыхъ обличителей Горы на трибунѣ конвента, Бюзо выдѣлялся въ своей партіи энергіей и послѣдовательностью въ образѣ дѣйствій. Уже въ концѣ сентября 1792 года, онъ выступилъ въ конвентѣ сторонникомъ политики Ролана, съ проектомъ издать законъ противъ зачинщиковъ безпорядковъ, и учредить для охраны конвента гвардію изъ представителей 83 хъ департаментовъ [2]). Тѣхъ-же взглядовъ держалась и г-жа Роланъ, которой общественное мнѣніе приписывало, въ то время, значительную роль въ политикѣ министерства внутреннихъ дѣлъ; и съ этихъ поръ она сдѣлалась предметомъ особенной ненависти монтаньяровъ. Всѣмъ извѣстенъ былъ престижъ, которымъ она пользовалась въ своей партіи и, въ частности, вліяніе ея на мужа и кружокъ интимныхъ своихъ друзей; и чтобы очернить ея репутацію, всевозможныя средства были пущены въ ходъ. «Маратъ ни на минуту не оставляетъ меня въ покоѣ», пишетъ она Сервану въ декабрѣ 1792 года; памфлеты сыплются одинъ за другимъ, и едва-ли приписывалось болѣе преступленій Маріи Антуанетѣ, съ которой меня сравниваютъ, чѣмъ сколько приписывается мнѣ. Со всѣхъ сторонъ приходятъ угрозы убійства, мнѣ дѣлаютъ честь ненавидѣть меня».

Въ концѣ 1792 года, ~~пріязненное~~ враждебное отношеніе Горы къ г-жѣ Роланъ послужило поводомъ къ блестящей манифестаціи въ ея честь. Призванная 7-го декабря въ конвентъ для оправданія въ обвиненіяхъ, взведенныхъ на нее враждебной партіей по доносу нѣкоего

[1]) Mémoires sur la Révolution française par Buzot, précédés d'un précis de sa vie et de recherches historiques par Guadet, p. 111.

[2]) Mortimer-Ternaux «Histoire de la Terreur», t. IV, p. 80.

Віара [1]), г-жа Роланъ явилась въ засѣданіе 7-го декабря и была встрѣчена своей партіей шумными овиціями. «Жиронда публично привѣтствовала свою Эгерію, и Равнина, изъ рыцарскаго побужденія, послѣдовала ея увлеченію [2])». — Г-жа Роланъ безъ труда доказала ложность всѣхъ представленныхъ документовъ и свою невинность. Она говорила съ свойственной ей простотой и ясностью выраженія, безъ малѣйшей рисовки, и краснорѣчіе ея, въ соединеніи съ чарующимъ голосомъ и привлекательной наружностью, не мало способствовали общему энтузіазму. По окончаніи допроса, президентъ, обращаясь къ ней, объявилъ, что «конвентъ, удовлетворенный представленными ею объясненіями, приглашаетъ ее присутствовать на засѣданіи».

Торжество г-жи Роланъ было полное [3]); но оно было такъ-же призрачно и мимолетно, какъ и всѣ прочія побѣды Жиронды. Царица дня, г-жа Роланъ, подверглась всѣмъ опасностямъ, сопряженнымъ съ царственнымъ положеніемъ; отнынѣ частная ея жизнь сдѣлалась мишенью всевозможной клеветы [4]).

Въ концѣ 1792 года, несмотря на популярность Жиронды и ея численное превосходство въ конвентѣ, почва все болѣе и болѣе ускользала отъ нея. Паденіе въ департаментахъ авторитета мѣстныхъ властей, избранныхъ подъ давленіемъ якобинцевъ; распространеніе въ селеніяхъ и городахъ якобинскихъ клубовъ, — оча-

[1]) Віаръ, темная личность, типъ интригана, по возвращеніи изъ Англіи донесъ Шабо и Марату о великомъ заговорѣ жирондистовъ, будто бы имъ открытомъ; въ заговорѣ этомъ важную роль играли Роланъ и его жена.

«Маратъ бросился на эту удочку съ жадностью акулы... Шабо, неглупый, но весьма легкомысленный и лишенный здраваго смысла, не потрудился провѣрить доносъ, и на слово повѣрилъ Віару. Конвентъ, взявшись разсмотрѣть дѣло, потратилъ цѣлый день въ спорахъ и пререканіяхъ, пока вызвали Віара и убѣдились, что этотъ почтенный свидѣтель, на котораго ссылались Шабо и Маратъ, былъ шпіонъ, вѣроятно, работавшій въ руку всѣхъ партій. Michelet, «Histoire de la Révolution Française, t. V, p. 160».

[3]) Mortimer-Ternaux, «Histoire de la Terreur» t. V, p. 138».

[3]) Въ ту минуту, когда г-жа Роланъ, среди громкихъ заявленій сочувствія, направлялась черезъ залу къ мѣсту, предназначенному для просителей, Маратъ подалъ знакъ трибунамъ, которые мгновенно смолкли. — «Обратите вниманіе на безмолвіе народа», воскликнулъ «другъ народа»,—«онъ мудрѣе насъ».

На слѣдующій день, Маратъ имѣлъ дерзость утверждать, что все дѣло 7-го декабря было лишь «заговоромъ, подстроеннымъ кликой Ролана и его Пенелопы, съ цѣлью ввести въ заблужденіе патріотовъ комитета охраны и публично выставить ихъ на посмѣяніе. Mortimer-Ternaux, «Histoire de la Terreur», t. V, p. 140».

[4]) Mortimer-Ternaux, «Histoire de la Terreur». v. V, p. 146.

говъ волненія и мятежа [1]),—всѣ эти симптомы анархіи шли рука объ руку съ усиленіемъ демагогіи въ Парижѣ.

Между тѣмъ, въ конвентѣ рѣшался въ это время вопросъ, тѣсно связанный съ судьбой всего государства и, въ частности, Жиронды. Въ ноябрѣ 1792 года, по требованію обѣихъ враждебныхъ партій конвента, король былъ преданъ суду и начался процессъ,—процессъ, въ которомъ Жиронда и Гора преслѣдовали каждая свои особыя цѣли.

«Парижскіе демагоги», пишетъ г-жа Роланъ въ своихъ мемуарахъ,—«хотѣли предать суду короля, чтобы поддержать броженіе умовъ, поставить себѣ въ заслугу смерть короля и замедлить окончаніе конституціи, которая должна была возстановить порядокъ и ограничить ихъ власть [2])».—Жиронда, предавая суду короля, стремилась поднять свою популярность и опровергнуть обвиненія въ роялизмѣ: въ то-же время, посредствомъ аппеляціи къ первоначальнымъ собраніямъ, она надѣялась спасти его отъ смертной казни, грозившей повлечь за собой всемірную войну и господство террора.

Въ преніяхъ по вопросу о судьбѣ короля, занимающихъ весь декабрь 1792 года, выдѣляются по блестящему краснорѣчію близкіе друзья Роландъ,—Верньо, Бюзо, Ланжюинэ и друг. За нихъ стоитъ большинство конвента, — но большинство пассивное, безгласное, неспособное противустоять давленію крайней лѣвой. Уже съ половины декабря, выдающіеся члены правой, «преслѣдуемые угрозами и оскорбленіями, принуждены были скрываться по ночамъ и не разставаться съ оружіемъ [3])». Въ залѣ засѣданій, якобинская чернь на трибунахъ и галлереяхъ, окружала правую конвента, прерывая пренія шумными кликами и ропотомъ. — «Когда депутаты правой стороны излагали свои мнѣнія», разсказываетъ г-жа Роланъ въ мемуарахъ,—«ихъ обвиняли; когда они защищались, ихъ упрекали въ личномъ эгоизмѣ; трибуны осыпали ихъ угрозами, руганью, оскорбленіями; когда-же, въ негодованіи, они аппелировали къ своимъ избирателямъ, ихъ обвиняли въ измѣнѣ».

Среди многочисленныхъ опасностей возраставшей демагогіи, г-жа Роланъ не переставала поддерживать мужа въ его трудной политической миссіи. Въ мужественной борьбѣ Ролана съ анархіей давно уже не было слѣда нерѣшительности и робости, проявив-

[1]) Taine, «La Conquête Jacobine», p. 113.

[2]) Mèmoires de m-me Roland, t. 2-d., p. 161.

[3]) Mémoires de Louvet.

шихся въ его первыхъ протестахъ противъ сентябрьскихъ убійствъ, въ то время, когда оставалась еще надежда на примиреніе партій.—Несмотря на всѣ клеветы и доносы, которыми преслѣдовали его монтаньяры и коммуна, онъ «не переставалъ обличать и преслѣдовать виновниковъ сентябрьскихъ злодѣяній, требовать отмѣны мятежной коммуны [1]), защищать права человѣчества и интересы общественнаго порядка».

Между тѣмъ, уже начиная съ октября, вліяніе Жиронды въ министерствѣ все болѣе и болѣе падало. Министръ юстиціи Гара, замѣнившій 10-го октября Дантона, и Пашъ, получившій министерство военныхъ дѣлъ, благодаря протекціи Ролана, не были расположены поддерживать Ролана противъ коммуны и ея сторонниковъ въ конвентѣ [2]). — При такомъ отсутствіи единодушія въ средѣ министерства, положеніе Ролана съ каждымъ днемъ становилось опаснѣе. Преслѣдованіемъ виновниковъ анархіи, требованіемъ денежныхъ отчетовъ отъ коммуны [3]), послѣ революціи

[1]) Знаменитый отчетъ Ролана отъ 29-го октября 1792 года нанесъ смертный ударъ мятежной коммунѣ. Представивши конвенту подробное описаніе положенія Парижа, онъ говоритъ въ заключеніе: «Департаментская администрація благонамѣренная, но безсильная; коммуна дѣятельная и деспотичная, масса народа неиспорченная нравственно, но частью—запуганная и угнетенная, частью—возбужденная клеветой и совращенная льстецами; смѣшеніе административныхъ учрежденій, злоупотребленіе властей, общественная сила, ослабленная дурнымъ начальствомъ,—таково положеніе Парижа!.. Перечисленіе бѣдствій и ихъ причинъ приводитъ къ средствамъ, существующимъ для уничтоженія ихъ. Представители націи! вы спасете республику, пренебрегая всякой опасностью, подавляя мятежниковъ и приводя въ исполненіе законы»! (Shmidt, «Tableaux de la Révolution Française», p. 100, 101.

[2]) Гара, человѣкъ безхарактерный и апатичный, болѣе всего стремился «не раздражать монтаньяровъ, какъ людей опасныхъ, на все готовыхъ, которыхъ нельзя было изгнать изъ конвента». «Робкій Гара», такъ отзывается о немъ г-жа Роланъ,—«человѣкъ пріятнаго обращенія, привѣтливый въ обществѣ, плохой писатель и отвратительный администраторъ«. (Mémoires de m-me Roland, t. 1-er, p. 18). Пашъ, обязанный своимъ возвышеніемъ Ролану, перешелъ на сторону монтаньяровъ и явился однимъ изъ наиболѣе опасныхъ враговъ своихъ прежнихъ покровителей. «Пашъ», замѣчаетъ о немъ г-жа Роланъ, «дѣлалъ въ своемъ департаментѣ всевозможныя ошибки, проистекавшія изъ его безхарактерности и изъ преданности якобинцамъ». (Mémoires de m-me Roland, t. 1-er, p. 16).

[3]) «Послѣ 10-го августа, въ Тюильерійскомъ дворцѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ были совершены покражи и расхищенія; нѣсколько времени спустя, коммуна получила фонды на продовольствіе; на министрѣ внутреннихъ дѣлъ лежала обязанность спрашивать отчеты для передачи ихъ законодательному собранію. Поэтому Роланъ настоятельно требовалъ ихъ отъ коммуны,

10-го августа, онъ создалъ себѣ многочисленныхъ враговъ, готовыхъ на все, чтобы избавиться отъ докучнаго администратора. Одно за другимъ слѣдовали обвиненія министра внутреннихъ дѣлъ въ аристократизмѣ, въ измѣнѣ отечеству, въ подкупѣ журналистовъ.—«Противъ Ролана», говоритъ его жена въ мемуарахъ,—«возстали всѣ дѣятели, составившіе себѣ въ народѣ репутацію патріотовъ 10-го августа, побѣдителей тиранніи. Къ нимъ присоединились враги, поднятые грабителемъ Дантономъ противъ товарища, обличавшаго сентябрьскія преступленія... и Робеспьеромъ, агитировавшимъ противъ всѣхъ друзей Бриссо. Въ числѣ этихъ враговъ одни, замѣшанные въ преступленіяхъ, стремились избавиться отъ строгаго цензора и обличителя, другіе, люди увлекающіеся, поклонялись патріотамъ 10-го августа, третьи — находили выгоднымъ поддерживать ихъ [1])»...

но требованіе его осталось неудовлетвореннымъ, такъ какъ коммуна и не могла представить какихъ-либо отчетовъ. Тогда Роланъ, чтобы снять съ себя отвѣтственность, сдѣлалъ объ этомъ докладъ собранію... Необходимо воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы возобновить составъ коммуны. Но Дантонъ, направлявшій дѣйствія коммуны, былъ министромъ; онъ имѣлъ сторонниковъ въ собраніи и орудіе его было сохранено». (Mémoires de m-me Roland, t. 2-d, p. 148).

Мѣры Ролана, наиболѣе соотвѣтствовавшія республиканскимъ принципамъ, истолковывались врагами въ обратномъ смыслѣ. Такъ, между прочимъ, стремясь найти противовѣсъ анархическому всемогуществу коммуны, онъ организовалъ при министерствѣ «бюро общественнаго мнѣнія» («bureaux d'esprit public»). Цѣль этого бюро заключалась въ томъ, чтобы «образовать общественное мнѣніе», т. е. — распространять сочиненія полезныя, способныя повліять на общественное мнѣніе, которое враги старались ввести въ заблужденіе. Роланъ самъ открыто исповѣдывалъ принципы, которые онъ стремился распространять такимъ способомъ. Съ одной стороны, онъ доказывалъ преимущества республики и свободной конституціи; съ другой стороны—онъ поощрялъ своихъ соотечественниковъ къ защитѣ законовъ, собственности, общественнаго порядка и человѣческихъ правъ. (Shmidt, «Tableaux de la Révolution française», p. 133, 134). — Учрежденіе Роланомъ «бюро общественнаго мнѣнія» дало поводъ врагамъ обвинить его въ стремленіи развратить общественное мнѣніе съ цѣлью организовать заговоръ противъ республики.

Другимъ поводомъ для обвиненія Ролана послужило открытіе имъ бумагъ въ тайномъ желѣзномъ шкапѣ, въ Версальскомъ дворцѣ. Бумаги эти, компрометировавшія короля, доказывая неискренность отношенія его къ конституціи 1791 года, были переданы Роланомъ конвенту въ ноябрѣ 1792 года. При этомъ, враждебная партія обвинила его въ утайкѣ части этихъ бумагъ, — именно тѣхъ, въ которыхъ, якобы, заключались доказательства заговора партіи Бриссо.

[1]) Mémoires de m-me Roland, t. 2-d, p. 149.

Послѣ сентябрьскихъ событій, г-жа Роланъ все болѣе утрачивала вѣру въ счастливый исходъ революціи. Сужденія ея о современныхъ событіяхъ и дѣятеляхъ доказываютъ, что она отдавала себѣ полный, ясный отчетъ объ опасности, грозившей всему дѣлу революціи и, въ частности, ея партіи. Порывъ страстнаго увлеченія, поддерживавшій ее въ самыя трудныя минуты, смѣнился чувствомъ глубокаго унынія. Въ письмѣ къ Сервану отъ 25-го декабря, описывая состояніе анархіи въ Парижѣ, она передаетъ ему свои послѣднія желанія.—«Я распорядилась всѣми дѣлами своими», пишетъ она,—«въ ожиданіи великаго путешествія» (подразумѣвая при этомъ смерть).—«Я съ твердымъ духомъ ожидаю грядущія событія. Наши соціальныя учрежденія дѣлаютъ жизнь такъ трудной для честныхъ людей, что лишеніе ея—не великая потеря».

Такъ же какъ для друзей ея и единомышленниковъ, главнымъ предметомъ заботъ ея, въ эти трагическія ~~минуты~~ минуты, является для нея сохраненіе доброй славы въ потомствѣ. «Позаботьтесь о нашей памяти», говоритъ она въ томъ-же письмѣ Сервану,—«когда отъ насъ останется одно лишь воспоминаніе; враги способны очернить ее; быть можетъ, уже готовы клеветы, которыя они внесутъ въ наши бумаги...Тяжело мнѣ въ этомъ мірѣ; онъ не созданъ для честныхъ людей».

Не однѣ обманутыя политическія надежды заставляли г-жу Роланъ равнодушно относиться къ дальнѣйшей судьбѣ личной жизни. Одновременно съ приближеніемъ къ послѣднему акту революціонной драмы, въ душѣ ея совершалась нравственная борьба, не менѣе трагическая. Намеки на эту борьбу, — любовь ея къ Бюзо, встрѣчаются въ мемуарахъ ея и нѣкоторыхъ письмахъ, освѣщающихъ постепенно совершавшійся въ ней нравственный переворотъ. Глубокое чувство, охватившее ее въ зрѣлый періодъ жизни, не походило на прежнія ея увлеченія; въ немъ уже не было холоднаго, спокойнаго резонерства: она любила впервые не умомъ, а сердцемъ, не анализируя любимаго человѣка, не подвергая его строгой критикѣ разума. Но чѣмъ глубже и сильнѣе было это чувство, тѣмъ безвыходнѣе являлось ея положеніе. Прежнее семейное счастье, основанное на взаимномъ довѣріи и уваженіи, было для нея навѣки потеряно; но принести въ жертву любви семейныя связи, мужа, привязавшагося къ ней всѣми фибрами своего существованія, — было невозможно, какъ поступокъ, котораго не допускало ея нравственное чувство. Будущее представляло ей отнынѣ въ личной жизни лишь безвыходное горе; душевный міръ ея былъ

поколебленъ и семейная жизнь, доставлявшая ей прежде нѣкоторое нравственное удовлетвореніе, являлась теперь исполненіемъ долга, дѣлавшагося все болѣе и болѣе тяжелымъ.

ГЛАВА XII.

Борьба между Жирондой и Горой.—Удаленіе Ролана отъ политической дѣятельности.—Анархія.—2-е іюня.—Арестъ г-жи Роланъ.—Переписка ея съ Бюзо. — Г-жа Роланъ въ Сентъ-Пелажи. — Судъ надъ жирондистами.—Роланъ въ Консьержери.—Смерть г-жи Роланъ.

Кровавая развязка, которой заключился судъ надъ Людовикомъ XVI, была первымъ великимъ пораженіемъ Жиронды,—пораженіемъ, одновременно разорвавшимъ связи ея съ приверженцами конституціонной монархіи и усилившимъ власть демагогіи. Начиная съ этого историческаго момента, популярность Жиронды все болѣе падаетъ. По свидѣтельству Бюзо [1]), въ 1793 году «лишь нѣсколько отдѣльныхъ личностей искренно сочувствовали республикѣ... и мечтали утвердить ее въ странѣ непостоянства и легкомыслія... Остальная часть націи стремилась къ конституціи 1791 года и отзывалась объ истинныхъ республиканцахъ, какъ о честныхъ сумасбродахъ».

Доказательствомъ конституціонно-монархическихъ симпатій большинства націи явилось общее настроеніе унынія, распространившееся въ Парижѣ и департаментахъ послѣ казни короля. Массы народа испытывали теперь тѣмъ болѣе разочарованія, чѣмъ болѣе увлекались ранѣе надеждами, связанными съ водвореніемъ республики: монархія пала и, между тѣмъ, общественное и экономическое благосостояніе, которое сулили имъ, являлось болѣе несбыточнымъ, чѣмъ когда-либо [2]).—«Какъ объяснить», наивно спрашиваетъ одинъ современный публицистъ, вѣчно льстящій торжествующей партіи [3])—«какъ объяснить все, что происходитъ предъ нашими глазами. Откуда эта общая нерадивость, унынie, апатія?... Со времени 10-го августа, желанія наши почти приведены въ испол-

---

[1]) Mémoires de Buzot, p. 33.

[2]) Mortimer-Ternaux, «Histoire de la Terreur, v. VI, p. 33.

[3]) Prud'homme—издатель газеты «Révolutions de Paris».

неніе Фельяны, умѣренные—исчезли... И, между тѣмъ, анархія достигла крайнихъ своихъ предѣловъ [1]).

Общее настроеніе народа, враждебное республиканскому правленію, не проявлялось въ открытомъ протестѣ лишь вслѣдствіе подавленности общественнаго мнѣнія.

Послѣ казни короля, большинство мирнаго населенія Парижа, устрашенное слухами о подготовлявшихся проскрипціяхъ, воззваніями къ домашнимъ обыскамъ и убійствамъ, — бѣжало изъ столицы, гдѣ личность и собственность не пользовались болѣе охраной закона [2])!

Энергичный протестъ противъ анархіи проявлялся лишь со стороны Жиронды; но и этотъ протестъ, выражавшійся въ смѣлыхъ обличительныхъ рѣчахъ ея въ конвентѣ, оказывался безсильнымъ. Прекращеніе судебныхъ преслѣдованій противъ виновниковъ сентябрьскихъ убійствъ, паденіе проектовъ, созваніе войскъ для охраны конвента и возобновленіе состава коммуны,—всѣ эти факты краснорѣчиво свидѣтельствовали о всемогуществѣ противниковъ Жиронды. Въ то же время утрачивалось постепенно вліяніе ея въ министерствѣ, падали, одна за другой, самыя надежныя опоры партіи. Роковой день 21-го января — день казни Людовика XVI, подготовилъ и паденіе Ролана. Дѣятельное преслѣдованіе, возбужденное министромъ внутреннихъ дѣлъ противъ виновниковъ сентябрьскихъ событій, неутомимая борьба его съ анархической коммуной, пропаганда его посредствомъ знаменитаго «Bureau d'esprit public»—давно уже сдѣлали его ненавистнымъ для монтаньяровъ. Однимъ изъ предлоговъ для нападеній служило политическое вліяніе, которымъ пользовалась жена его. Когда, въ ноябрѣ 1792 года, по поводу избранія Ролана депутатомъ департамента Соммы, въ конвентѣ было выражено желаніе, чтобы Роланъ остался министромъ, Дантонъ иронично замѣтилъ, что конвентъ, приглашая Ролана сохранить свое мѣсто въ министерствѣ, долженъ обра-

[1]) Dauban, «La Démagogie en 1793 à Paris», p. 93.

[2]) По свидѣтельству министра внутреннихъ дѣлъ, «многія лица, независимыя по положенію и состоянію, покидали городъ, гдѣ ежедневно шла рѣчь лишь о возобновленіи проскрипцій... Незаконный образъ дѣйствій властей, мятежныя воззванія нѣсколькихъ секцій, захватившихъ пушки С. Денп, — всѣ эти симптомы пугали мирныхъ жителей». (Barante, «Histoire de la Convention Nationale», t. 2, p. 263).

«Безмолвная скорбь», замѣчаетъ одинъ современникъ, подражая описательной формѣ Тацита,—«безмолвная скорбь царитъ на улицѣ; ужасъ, сковывающій выраженіе всѣхъ чувствъ, читается на лицахъ гражданъ».

титься съ такимъ-же предложеніемъ и къ женѣ его, такъ какъ «Роланъ не одинъ былъ въ своемъ департаментѣ» [1]).

Демагогическая пресса, съ Маратомъ во главѣ, осыпала Ролана памфлетами, обвиненіями въ аристократизмѣ, въ стремленіи извратить общественное мнѣніе. Отношеніе Ролана къ процессу Людовика XVI, протестъ его противъ смертнаго приговора—послужили новымъ предлогомъ для обвиненія его въ приверженности къ монархіи.—Безпощадно преслѣдуемый коммуной и якобинскими клубами, подавленный сознаніемъ своего безсилія въ борьбѣ съ анархіей, Роланъ рѣшилъ наконецъ покинуть министерство. Кто знаетъ, быть можетъ, въ измѣненіи его нравственнаго настроенія, въ упадкѣ энергіи и бодрости духа, поддерживавшаго его въ тяжелой политической борьбѣ, немаловажную роль играли и семейныя отношенія. Глубокая внутренняя драма, разыгравшаяся въ это время въ жизни жены его, не могла пройти для него безслѣдно. Во внѣшней своей обстановкѣ, семейная жизнь его не измѣнилась; но прежнее содержаніе ея утратилось, — утратился тотъ элементъ семейной гармоніи, который освящалъ и поддерживалъ все его существованіе —Въ такомъ тяжеломъ душевномъ настроеніи, нравственно разбитый, преслѣдуемый интригами и клеветой своихъ враговъ, Роланъ рѣшилъ отказаться отъ общественной дѣятельности. 22-го января 1793 г., онъ обнародовалъ циркуляръ, гдѣ объявлялъ, что, не чувствуя себя въ состояніи приносить общественную пользу, онъ оставляетъ должность, которую сохранялъ долгое время, среди «всевозможныхъ интригъ и оскорбленій».—Въ то же время, онъ обращался къ конвенту съ требованіемъ провѣрки отчетовъ всей его административной дѣятельности. Письмо его къ собранію заключалось патетическимъ воззваніемъ, въ духѣ того времени: «Я обѣщалъ остаться на своемъ посту, пока конвентъ не удалитъ меня; но наше политическое положеніе таково, что все, поддерживающее недовѣріе и несогласіе въ законодательномъ собраніи, можетъ повлечь за собой величайшія несчастія... Я предстою передъ судомъ моимъ современниковъ, также какъ потомства,—дѣла мои говорятъ за меня».

Такъ кончилась политическая карьера Ролана. Безъ шума, почти незамѣтно сошелъ со сцены этотъ человѣкъ, недавно еще пользовавшійся громкой извѣстностью, котораго современники, по

---

[1]) Barante «Histoire de la Convention Nationale», 2, p. 25. «Mémoires de m-me Roland», t. 1-er, p. 147.

стойкости и неуклонной преданности дѣлу, сравнивали съ Катономъ. Съ удаленіемъ Ролана отъ политической дѣятельности, Жиронда лишалась послѣдней твердой поддержки въ министерствѣ. Преемникъ его, Гора, «плохой писатель и никуда негодный администраторъ», какъ характеризуетъ его г-жа Роланъ, слѣдовалъ, въ административномъ управленіи, образу дѣйствія, противоположному Ролану; по собственному его признанію [1]), политика его состояла въ томъ, чтобы «не раздражать опасныхъ членовъ конвента, которыхъ нельзя было удалить, и которые на все готовы были дерзнуть».

«Вскорѣ», говоритъ г-жа Роланъ, описывая положеніе Франціи въ 1-й половинѣ 1793 года, — «вскорѣ ослабленіе административнаго механизма расшатало составныя его части и доказало слабость исполнительной власти; въ департаментахъ поднялось волненіе, начался голодъ; въ Вандеѣ загорѣлась гражданская война; парижскія власти поспѣшили воспользоваться смутой: якобинцы захватили бразды правленія. Пашъ, удаленный изъ дезорганизованнаго имъ министерства, былъ избранъ шайкой заговорщиковъ на должность мэра,—должность, гдѣ уступчивость его была необходима монтаньярамъ» [2]).

Мемуары г-жи Роланъ, такъ-же какъ ея политическихъ единомышленниковъ, свидѣтельствуютъ, что представители Жиронды ясно и трезво относились къ положенію Франціи, не скрывая отъ себя грозившей опасности, предчувствуя ожидавшую ихъ участь; и если возрастающему вліянію демагогіи Жиронда противоставляла лишь пассивное геройство, уклоняясь отъ рѣшительныхъ мѣръ, которыя могли доставить имъ побѣду, — они дѣйствовали такимъ образомъ сознательно, предпочитая уступки тѣмъ средствамъ, къ которымъ обращались ихъ политическіе враги. — «Не трудно было», замѣчаетъ одинъ современникъ, сторонникъ Жиронды, — не трудно было посредствомъ убійствъ подавить заговоръ. Такъ-же какъ и мы, весь Парижъ тяготился якобинскимъ игомъ и, еслибы мы способны были дѣйствовать посредствомъ народнаго возстанія, оно было-бы уничтожено. Но возможно-ли было прибѣгать къ мѣрамъ, за которыя мы осуждали враговъ нашихъ»? [3])

Подобно г-жѣ Роланъ, выражающей всѣ идеальныя стремленія

---

[1]) Garat, «Mémoires sur la Révolution».

[2]) Mémoires de m-me Roland, t. 1-er, p. 18.

[3]) Taine, «La Conquête Jacobine, p. 430, 431.

своей партіи, жирондисты смотрѣли на себя, какъ на очистительныя жертвы революціи, обреченныя на неминуемую гибель; оставалось погибнуть съ честью, сохранивъ незапятнанную славу въ потомствѣ. Въ медленной агоніи, предшествующей паденію ихъ партіи и продолжающейся отъ казни короля до 2-го іюня 1793 года, они являются, по выраженію одного современнаго историка, «не столько дѣятелями великаго историческаго кризиса, сколько героями трагедіи, въ которой ими движетъ таинственная десница, заранѣе предначертавшая ихъ роли» [1]). Мистическая экзальтація сказывается въ отношеніи ихъ къ современнымъ великимъ событіямъ и къ своей собственной миссіи. «Древній міръ близокъ къ своему концу!» восклицаетъ одинъ современный представитель Жиронды, пораженный зрѣлищемъ внѣшнихъ и внутреннихъ потрясеній, переживаемыхъ Франціей. «Въ скоромъ времени, онъ окончательно распадется; второй хаосъ долженъ предшествовать созданію новаго міра. Элементы соціальной природы смѣшаются, вступятъ въ борьбу между собой и сольются, чтобы основать новое общество. Всеобщая война породитъ всеобщій миръ, полное разложеніе нравовъ создастъ добродѣтель націй; всеобщее бѣдствіе положитъ основаніе счастью всего человѣчества» [2]).

Но рядомъ съ мистическимъ увлеченіемъ, неизбѣжно должно было сказываться подавляющее вліяніе дѣйствительности, принимавшей характеръ все болѣе угрожающій. Массы народа, возбужденныя противъ элементовъ соціальнаго порядка, ничѣмъ не сдерживаемыя въ своихъ дикихъ инстинктахъ, повсемѣстно распространяли свое давленіе, готовыя предпринять противъ непокорнаго большинства конвента новое 10 августа или 2 сентября. Уже начиная съ декабря 1792 года, выдающіеся представители Жиронды, члены правой въ конвентѣ, «преслѣдуемые и осыпаемые угрозами», не имѣли возможности высказать свои взгляды, не вызывая громкій протестъ публики на галлереяхъ [3]). По свидѣтельству

---

[1]) Albert Sorel, «L'Europe et la Révolution», t. II, p. 303.—«Они (жирондисты) вполнѣ проникнуты своей миссіей и исполняютъ ее съ глубокой вѣрой. Народъ вначалѣ радостно привѣтствовалъ ихъ: они олицетворяютъ всѣ его стремленія, всѣ его противорѣчивыя желанія. Отсюда—необычайный успѣхъ при появленіи ихъ; отсюда-же—быстрота и глубина ихъ паденія».

[2]) Dauban, «La Démagogie à Paris en 1793». «Journal des Amis», 6 Février, 1793.

[3]) Taine, «La conquête Jacobine», p. 423. Современный очевидецъ, увлекающійся оптимистическими картинами будущаго Франціи, замѣчаетъ, говоря о партіи, руководившей въ то время судьбой государства: «Философія, на ко-

очевидцевъ, ни личность, ни собственность не пользовались охраной закона какъ въ Парижѣ, такъ и въ департаментахъ.—«Никакое правительство уже не правитъ нами», говоритъ въ конвентѣ Бареръ [1]), подъ впечатлѣніемъ грабежей и безпорядковъ, ознаменовавшихъ въ Парижѣ 24 и 25 февраля. «Религіозныя идеи уничтожены; принципы нравственности ослабли». Вчера захватили колоніальные товары,—завтра все предадутъ разграбленію, потому что всѣ собственности тѣсно связаны между собою» [2]).

Вліяніе демагогической партіи все далѣе и тѣснѣе охватывало своими сѣтями Францію. Департаменты, терроризированные революціонными комитетами; всѣ мѣстныя власти, подчиненныя деспотизму наемныхъ шаекъ санъ-кюлотовъ; Парижъ, порабощенный коммуной конвентъ безсильный, дѣйствующій подъ давленіемъ якобинской черни на галлереяхъ [3]),—всѣ эти факты являлись свидѣтельствомъ прогрессивнаго воцаренія во Франціи террора. Одновременно съ этимъ, приближался рѣшительный моментъ въ борьбѣ между Жирондой и Горой. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе становилась очевидной невозможность одновременнаго существованія этихъ двухъ партій. Сентябрьскія событія, судъ и казнь короля, терроръ, установленный коммуной,—сдѣлали невозможнымъ примиреніе между Жирондой и Горой. Ясно было, что для виновниковъ всѣхъ преступленій, совершившихся во Франціи, начиная съ сентября 1792 года,—для поклонниковъ демократической республики, какъ Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ, также какъ для содѣятелей ихъ, находившихъ личную выгоду въ господствѣ анархіи,—ясно, что для всѣхъ ихъ не было безопасности, пока свидѣтельницей ихъ дѣяній являлась вліятельная партія въ конвентѣ. Въ теченіе борьбы между обѣими партіями, успѣхъ нерѣдко склоняется на сторону жирондистовъ; но въ общемъ перевѣсъ силы, смѣлости, единодушія въ образѣ дѣйствія—на сторонѣ ихъ враговъ.

торую всѣ ссылаются, и которая у всѣхъ на устахъ,—не вошла еще въ нашу плоть и кровь... и нигдѣ не встрѣчается въ дѣйствительности. Ничто не можетъ быть противоположнѣе философіи, какъ эти властолюбивыя, такъ называемыя, законодательныя головы, не имѣющія понятія о самыхъ элементарныхъ основахъ нравственности, такъ же, какъ о принципахъ здраваго смысла». Taine, «La conquête Jacobine», p. 415.

[1]) Бареръ—типъ опортюниста конца XVIII вѣка, прославившійся умѣніемъ лавировать между партіями и поддерживавшій въ то время монтаньяровъ, какъ самую могущественную партію.

[2]) Barante, «Histoire de la Convention Nationale», t. II, p. 397.

[3]) Taine, «La conquête Jacobine», p. 415.

Заговоръ противъ Жиронды 10 марта, хотя и неудачный по исходу, ясно показалъ, что окончательная побѣда останется въ рукахъ самаго смѣлаго изъ противниковъ, не стѣснявшагося въ средствахъ для достиженія цѣли. Съ этой эпохи,—начиная съ 10 марта, черезъ посредство петицій ясно высказывается намѣреніе устранить 22-хъ изъ наиболѣе вліятельныхъ представителей Жиронды. «Настоящій моментъ ужасенъ», пишетъ 12 мая безпристрастный наблюдатель совершившихся событій,—«и напоминаетъ моменты, подготовившіе 2 сентября» [1]). «Что называли нѣкогда священнымъ энтузіазмомъ, патріотизмомъ,—преобразовалось (среди народной массы) въ ярость, которая можетъ быть сдерживаема лишь посредствомъ силы... Въ публикѣ трибунъ (конвента) преобладаетъ народъ дикій, съ звѣрскими инстинктами» [2]).

Мимолетные успѣхи Жиронды лишь временно будятъ общественное мнѣніе, вызывая сочувствіе къ ней департаментовъ и мирныхъ секцій въ Парижѣ. Въ концѣ концовъ, несмотря на общее враждебное настроеніе массы населенія, которая «ропщетъ противъ якобинцевъ и о Маратѣ говоритъ съ презрѣніемъ» [3]),—въ результатѣ, успѣхи эти являлись лишь свидѣтельствомъ полнаго безсилія партіи, лишенной опоры вооруженной силы, изолированной въ конвентѣ и въ самомъ Парижѣ. Негодованіе, съ которымъ лучшая часть населенія департаментовъ относилась къ монтаньярамъ, не могло оказать сильной поддержки Жирондѣ: и тамъ, почти такъ-же какъ въ Парижѣ, большинство, расположенное къ умѣренной партіи, не выказывало мужества въ борьбѣ противъ общихъ враговъ [4]).

---

[1]) A. Shmidt. «Tableaux de la Révolution Française«, t. I, p. 212. Rapport de Dutard, 13 mai 1793.

[2]) «Много здѣсь прежнихъ лакеевъ», говоритъ тотъ же свидѣтель,—«которые, прочитавши «Четыре сына Эймона»,—вообразили, что изучили полный трактатъ политики, и убѣждены въ своемъ знаніи всеобщей географіи, потому что раза два побывали на почтѣ. Теперь, когда дѣла не идутъ согласно ихъ желанію, гордость ихъ оскорблена, честолюбіе обмануто. Замѣчательно,—ни одного нѣтъ члена общества, который, согласно своему положенію, не строилъ бы съ начала революціи свой маленькій испанскій замокъ».—Schmidt, «Tableaux de la Révolution Française». Rapport de Dutard à Marat, 18 mai.

[3]) Shmidt, «Tableaux de la Révolution Française», t. I, p. 233.

[4]) Въ Парижѣ значительная часть жителей были возстановлены противъ Жиронды, благодаря неосторожнымъ словамъ, сказаннымъ Инаромъ. 25 мая, въ разгаръ борьбы съ монтаньярами, онъ произнесъ угрозу противъ парижскаго населенія, призывая на него месть департаментовъ, въ случаѣ,

Приближалось то время, предсказанное Верньо и ожидаемое жирондистами, такъ-же какъ большинствомъ современныхъ очевидцевъ,—когда революція, какъ Сатурнъ, поглотитъ свои дѣтища [1]). Моментъ этотъ настаетъ 2 іюня, которое является финальнымъ актомъ въ борьбѣ между Жирондой и Горой.

Къ числу жертвъ, давно уже намѣченныхъ послѣдней, принадлежали Роланъ и жена его. Въ продолженіе 4-хъ мѣсяцевъ, послѣдовавшихъ за отставкой его, Роланъ тщетно обращался къ конвенту съ требованіемъ провѣрить отчеты по административной его дѣятельности. Послѣдніе слишкомъ компрометировали коммуну, и руководители ея намѣренно затягивали дѣло въ конвентѣ, выжидая удобнаго момента для нападенія. Такой моментъ насталъ 31 мая.

Убѣдившись въ безплодности дальнѣйшей борьбы съ анархіей въ Парижѣ, г-жа Роланъ намѣревалась удалиться съ дочерью въ деревню, куда, по окончаніи провѣрки отчетовъ, долженъ былъ послѣдовать мужъ ея. Но внезапная болѣзнь задержала г-жу Роланъ въ Парижѣ и измѣнила всѣ ея проекты.

Между тѣмъ, насталъ переворотъ 31 мая,—кризисъ, давно съ нетерпѣніемъ ожидаемый обѣими партіями въ конвентѣ. Г-жа Роланъ, намѣревавшаяся покинуть въ этотъ день Парижъ, принуждена была остаться. Минута для отъѣзда была неблагопріятна: звонъ набата, волненіе на улицахъ — возвѣщали о готовившемся политическомъ переворотѣ. Г-жа Роланъ привѣтствовала его какъ неизбѣжную, давно ожидаемую развязку; трусость и малодушіе, обнаруженныя большинствомъ конвента,—безгласнаго и инертнаго

еслибъ было нарушено народное представительство.—«Парижъ», сказалъ онъ,—«обязанъ уважать представителей народа... Еслибъ совершилось посягательство на нихъ... объявляю вамъ во имя всей Франціи,—Парижъ былъ бы уничтоженъ; вскорѣ на берегахъ Сены искали бы то мѣсто, гдѣ существовалъ этотъ городъ».—Угроза эта задѣвала безразлично всѣхъ гражданъ столицы. Демагоги не преминули воспользоваться словами, такъ неосторожно высказанными Иснаромъ, бывшимъ въ то время президентомъ конвента. Они представили своихъ политическихъ противниковъ, какъ непримиримыхъ враговъ столицы, съ помощью департаментовъ готовившихся напасть на нее съ огнемъ и мечемъ. (Mortimer Ternaux, «Histoire de la Terreur», t. VII, p. 279). По свидѣтельству современниковъ, масса народа подраздѣлялась на двѣ категоріи: «одна, въ состояніи искусственнаго возбужденія, ежедневно содѣйствовала своей погибели; другая, пораженная паникой, влачила тягостное существованіе, среди мученій страха».(Mortimer Ternaux, «Histoire de la Terreur». Рѣчь Верньо 13 марта 1793 года).

[1]) Рѣчь Верньо 13 марта 1793 года.

центра,—вызывали въ ней такое же чувство презрѣнія, какъ и пассивное бездѣйствіе жителей Парижа. Самый трагическій исходъ являлся теперь желательнымъ, въ ея глазахъ, какъ средство пробудить общественное мнѣніе и вызвать вмѣшательство департаментовъ.

Въ самый день 31 мая, отъ имени революціоннаго комитета, къ Ролану явилось нѣсколько вооруженныхъ лицъ, съ приказомъ арестовать его. Онъ отказался повиноваться незаконной произвольно установленной власти; отказъ его побудилъ представителей революціоннаго комитета отправиться съ донесеніемъ въ совѣтъ коммуны, и Роланъ воспользовался этимъ временемъ чтобы скрыться. Тогда-то у г-жи Роланъ явилась смѣлая мысль обратиться лично къ конвенту, передать гласности совершившіяся насилія и потребовать его защиты для мужа. Но доступъ въ конвентъ оказался прегражденнымъ. Вооруженные отряды войскъ, въ нѣсколько десятковъ тысячъ, окружали тюиллерійскій дворецъ; въ собраніи, среди безпорядковъ и общаго смятенія, депутація просителей—приверженцевъ коммуны, — требовала ареста 22-хъ жирондистовъ.

Всеобщая паника охватила конвентъ; большинство сторонниковъ Жиронды, устрашенные угрозами трибунъ и лѣвой конвента,—отсутствовали въ этотъ день въ собраніи.

Убѣдившись въ невозможности проникнуть въ залу собранія, г-жа Роланъ отправилась предупреждать мужа о совершившихся событіяхъ, намѣреваясь возвратиться затѣмъ въ собраніе. Но когда, черезъ два-три часа, г-жа Роланъ приблизилась къ площади Карусель, передъ Тюиллерійскимъ дворцомъ, внѣшній видъ сцены дѣйствія уже измѣнился: войска исчезли, толпы разошлись, засѣданіе было закрыто. Распущеніе собранія въ моментъ возстанія, когда 40 тысячъ войска окружали Тюиллери и депутаты въ залѣ собранія подвергались угрозамъ и нападеніямъ со стороны уличной толпы,—ясно указывало, что конвентъ покинулъ бразды правленія и предоставилъ участь государства на произволъ судьбы.

При данныхъ обстоятельствахъ, дальнѣйшее пребываніе въ Парижѣ являлось величайшимъ рискомъ; предстояло теперь немедленно рѣшить,—искать-ли спасенія въ бѣгствѣ, или выжидать событія на мѣстѣ. Г-жа Роланъ рѣшилась на послѣднее. Всякій скрытный образъ дѣйствія внушалъ ей отвращеніе, какъ унизительный для собственнаго достоинства; она предпочитала лицомъ къ лицу встрѣчать опасность, надѣясь, въ случаѣ преданія суду,

защитой своей помочь оправданію Ролана и обнаруженію истины. Но и тогда уже представлялась возможность иного исхода — насильственной смерти безъ суда, безъ процесса; и эта развязка не устрашила ее.—«Возобновленіе 2 сентября», — замѣчаетъ г-жа Роланъ въ «Мемуарахъ», взвѣшивая случайности ближайшаго будущаго,—означало бы, что честные депутаты во власти враговъ, что все погибло въ Парижѣ; и тогда я предпочла бы умереть, чѣмъ быть свидѣтельницей гибели моего отечества» [1]).

Къ утомленію безплодной политической борьбой, къ разочарованію въ общественныхъ и политическихъ стремленіяхъ—присоединялись тяжелыя впечатлѣнія личнаго свойства.

Ни уваженіе, связывавшее ее съ мужемъ, ни горячая любовь къ дочери—не доставляли ей нравственнаго удовлетворенія. Она съ глубокимъ разочарованіемъ сознавала, что всѣ тѣ надежды, которыя она возлагала на дочь, ничѣмъ не оправдывались; что, при многихъ хорошихъ нравственныхъ качествахъ, ей недоставало всѣхъ тѣхъ свойствъ недюжинной натуры, которыя она мечтала передать ей; и сознаніе это нерѣдко заставляло г-жу Роланъ относиться къ дочери въ своихъ сужденіяхъ сурово и рѣзко [2]).

Еще тяжелѣе были отношенія ея съ мужемъ, съ которымъ соединяло ее лишь уваженіе и чувство долга. Съ тѣхъ поръ, какъ она полюбила, отношенія эти чѣмъ далѣе, тѣмъ становились мучительнѣе; и невольно, при мысли о предстоящихъ долгихъ годахъ, томительно-однообразныхъ, жизнь для нея представлялась лишь рядомъ тяжелыхъ испытаній.

Таково было психическое настроеніе г-жи Роланъ, когда въ ночь съ 31-го мая на 1-е іюня, явились къ ней нѣсколько представителей секцій съ приказомъ коммуны арестовать её. Г-жа Роланъ была къ этому приготовлена и встрѣтила ихъ спокойно, хладнокровно; твердость не измѣнила ей и при прощаніи съ дочерью и домашними, и во время путешествія въ тюрьму «Аbbaye», при видѣ толпы, съ любопытствомъ обступившей экипажъ и привѣтствовавшей ее кликами: «на гильотину!».

[1]) Mémoires de m-me Roland, t. 1-er, p. 33.

[2]) «Дочь моя»,—замѣчаетъ г-жа Роланъ въ «Мемуарахъ», — «имѣетъ доброе сердце, но природа создала ее лѣнивой и безпечной; я оставляю ей примѣръ, который не забывается въ ея годы, и она будетъ хорошей женщиной, съ нѣкоторыми талантами; но никогда неотзывчивая ея душа и неподвижный умъ—не доставятъ мнѣ того нравственнаго удовлетворенія, котораго я ожидала... Никогда не узнаетъ она ни моя горячія привязанности, ни горести мои, ни радости...» («Mémoires de m-me Roland», t. 1-er, p. 33).

Новая обстановка и новыя впечатлѣнія успокоительно отразились на нравственномъ настроеніи г-жи Роланъ. Послѣ долгихъ мѣсяцевъ лихорадочной дѣятельности и напряженнаго ожиданія развязки, она почувствовала какъ бы облегченіе, оставшись одна сама съ собой. Впервые, теперь, могла она сосредоточить свои мысли, провѣрить себя, подвести итоги жизни своей.

«Этими минутами»,—замѣчаетъ г-жа Роланъ въ своихъ мемуарахъ,—«я никогда не пожертвовала бы ради самыхъ счастливыхъ въ моей жизни; никогда не изгладятся онѣ у меня въ воспоминаніи. Въ критическомъ положеніи, въ виду туманнаго, грознаго будущаго, я извѣдала счастье, которое даетъ чистая совѣсть и твердость духа» [1]).—Но эти минуты созерцательнаго спокойствія вскорѣ смѣняются новой тревогой. Въ первыхъ числахъ іюня г-жа Роланъ узнала о декретѣ, осуждавшемъ 22 депутата Жиронды; въ числѣ ихъ стояло имя Бюзо.

Вѣсть эта, возбуждая мучительный страхъ за судьбу любимаго человѣка и друзей, грозила, въ то-же время, разрушить послѣднія надежды на спасеніе Франціи. Диктатура коммуны, междоусобная война, нападенія внѣшняго врага, торжествующаго, благодаря внутреннимъ раздорамъ государства, окончательная погибель свободы, представлялись ближайшими послѣдствіями распаденія національнаго представительства. «Пока я одна была подъ игомъ притѣсненій», пишетъ г-жа Роланъ, «я была спокойна, сохраняя нѣкоторыя надежды на успѣхъ поборниковъ свободы. Теперь—побѣда за преступленіемъ» [2]).

Въ минуту торжества деспотизма, при общей паникѣ, г-жа Роланъ считала долгомъ просвѣщать общественное мнѣніе, предавать гласности всѣ совершавшіяся насилія. Съ этой цѣлью, она пишетъ, одно за другимъ, письма къ редактору газеты «Термометръ», Дюлору, и къ своей секціи, жалуясь на несправедливость ареста, ничѣмъ не мотивированнаго, приведеннаго въ исполненіе незаконной властью; пишетъ министру юстиціи и, вторично,—министру внутреннихъ дѣлъ, требуя, чтобы было прочитано въ собраніи письмо ея къ конвенту. Тонъ ея въ этихъ письмахъ не похожъ на обращеніе подсудимой къ высшимъ властямъ; она гордо заявляетъ въ нихъ о своихъ правахъ, о несправедливости гоненія, воздвигнутаго противъ нея и сторонниковъ ея партіи. «Я требую

[1]) Mémoires de m-me Roland, t. 1-er, p. 40, 41.
[2]) Mémoires de m-me Roland, t. 1-er, p. 53.

суда и защиты», говоритъ она, обращаясь къ конвенту. «Я требую, чтобы конвентъ разслѣдовалъ мотивъ моего ареста и юридическую его форму» [1]).

Въ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ, Гора, упрекая его въ слабости и безхарактерности, она напоминаетъ ему объ ожидающемъ его высшемъ судѣ потомства. «Гоненія», говоритъ она въ заключеніе, «воздвигнутыя противъ всѣхъ тѣхъ, которые съ характеромъ и добродѣтелью соединяютъ талантъ, даетъ поводъ гордиться преслѣдованіями, которыхъ я являюсь жертвой. Партіи сходятъ со сцены, вѣчной остается одна справедливость. Если, стоя у кормила правленія, вы не съумѣете направить его твердой рукой, вы не избѣгните обвиненія въ томъ, что бросили его на произволъ волнъ, и остались на своемъ посту, не умѣя исполнить свой долгъ».

Двѣ недѣли проходятъ для г-жи Роланъ въ мучительной тревогѣ. Наконецъ, около 20-го іюня, она узнаетъ, черезъ одного изъ сторонниковъ своей партіи, Дюперрэ, что представители Жиронды, подвергшіеся преслѣдованію и бѣжавшіе въ началѣ іюня изъ Парижа, благополучно прибыли въ Кальвадосъ и находятся внѣ опасности.

«Мои друзья и отечество спасены», пишетъ она Дюперрэ, «теперь я спокойна! Если первые въ безопасности, и большинство департаментовъ, зная о положеніи дѣла, готовятся вступиться, я ни о чемъ болѣе не сожалѣю. Въ минуту, когда таланты и добродѣтель подвергаются гоненію, быть жертвой преслѣдованій дѣлаетъ мнѣ честь» [2]).

Одновременно съ этими вѣстями, г-жа Роланъ получила посланіе отъ Бюзо. Она отвѣчала ему въ письмѣ отъ 22 іюня, ярко обрисовывающемъ ея душевное настроеніе. Чувства самыя разнородныя и смѣшанныя высказываются въ немъ: и состраданіе къ мужу, одинокому, преслѣдуемому, лишенному всякой нравственной поддержки; и радостное сознаніе нравственной свободы въ заклю-

[1]) «Я требую», говоритъ она въ заключеніе своего письма къ конвенту, «я требую доклада объ отчетахъ безупречнаго человѣка, являющагося жертвой неслыханнаго преслѣдованія. Если преступленіе мое состоитъ въ раздѣленіи его строгихъ принциповъ, мужественной энергіи его и горячей любви къ свободѣ, я сознаю себя виновной. Законодатели, я жду вашего приговора; Франція, свобода, участь республики и ваша собственная зависятъ, въ настоящее время, отъ свершенія правосудія, котораго вы являетесь представителями».

[2]) Mémoires de m-me Roland, t. 2-d, p. 178.

ченіи, разорвавшемъ тяжелые семейные узы; и, болѣе всего, чувство любви, въ которомъ, какъ въ гармоническомъ аккордѣ, сливаются всѣ прочія. Теперь, когда, быть можетъ, не суждено уже было имъ встрѣтиться, когда нравственный долгъ не являлся преградой, она чувствовала себя ближе къ нему, чѣмъ прежде, и не пыталась скрывать свою любовь [1]).

Она признавалась, что лишеніе свободы возбудило въ ней болѣе радости, чѣмъ горя: оно доставляло ей возможность поддержать въ предстоящемъ политическомъ процессѣ славу и доброе имя мужа, и тѣмъ какъ-бы загладить невольно причиненное ему горе.

«Не жалѣй меня», пишетъ она Бюзо,—«въ моемъ одиночествѣ я ближе къ тебѣ, чѣмъ прежде. Благодаря лишенію свободы, я могу пожертвовать собой мужу и всецѣло принадлежать тебѣ, согласуя любовь съ чувствомъ долга»

Въ отвѣтъ на его письмо отъ 16-го іюня, она убѣждала его не дѣлать попытокъ къ освобожденію ея, не рисковать жизнью своей, которая могла еще быть полезной отечеству. «Въ твоемъ письмѣ отъ 16-го (іюня) высказывается человѣкъ свободный и гордый, преданный высокимъ цѣлямъ, возвысившійся надъ судьбой, способный на самыя великодушныя рѣшенія, самый энергичный образъ дѣйствій. Но какъ печально письмо твое отъ 17-го! Какія мрачныя мысли заключаютъ его! Стоитъ-ли заботиться о моей судьбѣ! Главное — необходимо сохранить твою жизнь и посвятить ее на пользу отечества; остальное—вопросъ второстепенной важности. Продолжай, другъ мой, начатое дѣло. Брутъ, на Филипскомъ полѣ, слишкомъ рано отчаялся въ спасеніи Рима; пока живъ хотя одинъ республиканецъ, пока онъ свободенъ, онъ можетъ и долженъ быть полезенъ своему отечеству» [2]).

Стремясь поддержать энергію и бодрость духа въ своихъ друзьяхъ, г-жа Роланъ, въ своей собственной жизни, проявляла при-

---

[1]) «Сколько разъ я перечитывала твои письма», говоритъ она въ письмѣ къ Бюзо отъ 22-го іюня. «Сколько разъ я покрывала ихъ поцѣлуями и прижимала къ сердцу!.. Я прибыла сюда въ спокойномъ настроеніи духа, сохраняя еще нѣкоторыя надежды для моего отечества и для защитниковъ свободы, когда дошла до меня вѣсть объ обвинительномъ декретѣ противъ 22-хъ; и тогда я сочла Францію погибшей. Я была въ самой ужасной тревогѣ, пока не удостовѣрилась, что ты спасся бѣгствомъ». (Dauban, «M-me Roland et son temps».

[2]) Dauban, «M-me Roland et son temps».

мѣръ мужественной твердости. Среди всѣхъ превратностей судьбы ее поддерживало гордое сознаніе нравственной силы, силы, которую она закаляла ограниченіемъ всѣхъ своихъ жизненныхъ потребностей. «Я находила удовольствіе», пишетъ она, «въ упражненіи моихъ нравственныхъ силъ посредствомъ лишеній. Мнѣ хотѣлось на опытѣ узнать, до какой степени человѣческая воля можетъ ограничить наши потребности».

Несмотря на неблагопріятную обстановку и тревожную неопредѣленность будущаго, г-жа Роланъ не оставляла въ заключеніи съ дѣтства усвоенную привычку къ постоянному, дѣятельному труду. Въ первое-же время лишенія свободы, она предприняла составленіе историческихъ очерковъ (Notices Historiques), позднѣе - своихъ мемуаровъ. Тѣ и другія имѣли цѣлью обнаружить истину передъ потомствомъ и оправдать политическую дѣятельность Жиронды. По выраженію г-жи Роланъ, «это было нравственное и политическое ея завѣщаніе». Какое значеніе она придавала ему, высказывается въ отношеніи ея къ потери части рукописей. Передавая о томъ, какъ Шампанье, которому онѣ были отданы на сохраненіе, принужденъ былъ сжечь ихъ во время преслѣдованій противъ сторонниковъ Жиронды въ іюлѣ 1793 года, она замѣчаетъ: «Признаюсь, мнѣ легче было-бы самой быть заживо сожженной. Утрата эта болѣе поразила меня, чѣмъ самыя жестокія испытанія, которымъ я подвергаюсь и донынѣ. Въ рукописяхъ этихъ заключалось оправданіе моей памяти и памяти другихъ лицъ» [1]).

Мысль обратиться къ суду потомства тѣмъ настоятельнѣе представлялась г-жѣ Роланъ и друзьямъ ея, что теченіе событій мало оставляло надежды на справедливый судъ въ ближайшемъ будущемъ. Двѣнадцать дней послѣ ареста, г-жа Роланъ впервые была подвергнута допросу, при чемъ были высказаны предлоги, мотивировавшіе обвиненіе Жиронды и, впослѣдствіи, смертный ея приговоръ. Главнымъ являлось обвиненіе въ федерализмѣ, въ стремленіи возстановить департаменты противъ Парижа и разорвать связи, соединявшія ихъ съ столицей; при этомъ, въ веденіи допроса ясно обнаружилось враждебное отношеніе къ г-жѣ Роланъ властителей Парижа. Горячая симпатія, съ которой относилась къ ней ея партія, интересъ, выказанный къ ея судьбѣ, навлекли къ

[1]) Mémoires de m-me Roland, t. 1-er, p. 162.

Сохранился лишь небольшой отрывокъ «Notices Historiques». Въ изданіи «Bibliothéque Nationale», онъ напечатанъ въ началѣ 1-го тома мемуаровъ г-жи Роланъ.

ней ненависть политическихъ враговъ Жиронды, ненависть, выразившуюся въ многочисленныхъ памфлетахъ демагогическихъ газетъ. Органъ Гебера, «Pere Duchêne», распространялъ о г-жѣ Роланъ и ея мужѣ самыя нелѣпыя клеветы, по поводу будто-бы открытыхъ сношеній министра внутреннихъ дѣлъ съ мятежными департаментами и англійскимъ правительствомъ.

Вымыслы эти, смѣшанные съ площадной бранью, достигали до слуха г-жи Роланъ. «Газетчики, получившіе, вѣроятно, инструкціи», пишетъ она,—«не покидали окрестностей моей тюрьмы; они сопровождали клевету кровожадными воззваніями къ народу, толпившемуся на рынкѣ [1])».

Демонстраціи эти явились для г-жи Роланъ предзнаменованіемъ новыхъ преслѣдованій со стороны враговъ ея. 24 іюня она получила оффиціальное увѣдомленіе о своемъ освобожденіи, якобы вызванномъ отсутствіемъ уликъ противъ нея, и вечеромъ-же, въ тотъ-же день, по возвращеніи домой, она подверглась вторичному аресту. Мотивомъ этой жестокой комедіи послужило, повидимому, то обстоятельство, что первый арестъ былъ произведенъ незаконно, нелегальной властью, и администрація желала обставить дѣло всѣми формальностями, предписываемыми закономъ.

Не легко было пережить переходъ отъ радостныхъ впечатлѣній свободы къ новому заключенію, еще болѣе тяжелому. Мрачный, угрюмый видъ «S-te Pélagie»,—новаго ея мѣста заключенія, воспоминаніе о злодѣяніяхъ, совершенныхъ здѣсь во время сентябрьскихъ убійствъ, тѣсная обстановка тюрьмы, приводившая въ соприкосновеніе съ подонками человѣческаго общества, все, въ первыя минуты, должно было усилить тяжелыя впечатлѣнія. — «Подъ одной и той-же кровлей и рядомъ, отдѣленная лишь тонкой перегородкой», разсказываетъ г-жа Роланъ,—«я жила въ сосѣдствѣ съ падшими женщинами и убійцами... Каждая камера, запертая на ключъ и засовъ, отпиралась утромъ тюремщикомъ, и всѣ обитатели тюрьмы собирались въ корридорахъ и на лѣстницахъ, на тѣсномъ дворѣ или въ залѣ, сырой и смрадной, — достойномъ притонѣ этихъ отбросовъ общества [2])».

Распространившаяся вѣсть о новомъ заключеніи г-жи Роланъ возбудила сильнѣйшую тревогу въ средѣ друзей ея; они убѣждали ее не подвергаться дальнѣйшимъ опасностямъ, составляли планы для бѣгства ея.

---

[1]) Mémoires de m-me Roland, t. 2-d, p. 51.

[2]) Mémoires de m-me Roland, t. 2-d, p. 64.

Г-жа Роланъ твердо и непоколебимо отклоняла всѣ эти предложенія. Въ письмѣ къ Бюзо отъ 6-го іюля, убѣждая его ничего не предпринимать для ея спасенія и отказаться отъ мысли о бѣгствѣ, она указывала на неполитичность подобнаго шага въ минуту, когда притѣсненія правительства начинали вызывать протестъ общества [1]). — «Успокойся, другъ мой», говоритъ она въ томъ-же письмѣ отъ 6-го іюля: «мое новое заключеніе не настолько ухудшило положеніе мое, чтобы стоило чѣмъ-либо рисковать для измѣненія его. Вторичный мой арестъ, среда, окружающая меня здѣсь,—въ первыя минуты вызвали во мнѣ глубокое негодованіе; но негодованіе это такъ живо раздѣляется обществомъ, что, оставляя лишній предметъ для него, гонители наши болѣе теряютъ черезъ него, а я только выигрываю... Освобожденіе мое несомнѣнно, судя по обороту, который приняло дѣло; весь вопросъ лишь во времени. Выжиданіе не тягостно для меня и, по истинѣ, самыя отрадныя для меня минуты, въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ,—тѣ, которыя я переживаю здѣсь [2])».

Едва-ли въ глубинѣ души г-жа Роланъ относилась къ своей судьбѣ съ тѣмъ оптимизмомъ, который высказывается въ письмѣ ея къ Бюзо. Истинные мотивы, сильнѣе другихъ вліявшіе на ея рѣшеніе, обнаруживаются въ заключительныхъ строкахъ письма ея. Упоминая о Роланѣ, о его подавленномъ нравственномъ состояніи, она говоритъ, что освобожденіе отъ тюрьмы возобновило-бы узы, связывающія ее съ мужемъ. Но эти узы, налагаемыя долгомъ, были для нея тяжелѣе тюремныхъ оковъ: возвращеніе къ прежней жизни было возвращеніемъ къ нравственной зависимости, къ ежедневнымъ и ежеминутнымъ обязанностямъ, мелочнымъ и томи-

[1]) Изъ писемъ г-жи Роланъ къ Бюзо видно, что однимъ изъ мотивовъ, побуждавшихъ ее отрицательно относиться къ планамъ бѣгства, было также опасеніе подвергнуть отвѣтственности тюремныхъ сторожей, относившихся къ ней участливо и гуманно.

[2]) Dauban, «M-me Roland et son temps». «Четыре дня тому назадъ», говоритъ она въ заключеніе письма къ Бюзо, — «я достала this dear picture (портретъ Бюзо), котораго, по какому-то суевѣрію, я не хотѣла брать съ собой въ тюрьму... Онъ спрятанъ отъ всѣхъ взоровъ на сердцѣ у меня.. Мнѣ не вѣрится, чтобы провидѣніе предназначало одни испытанія чувствамъ столь чистымъ и достойнымъ его благоволенія. Мысль эта даетъ мнѣ силу выносить жизнь и спокойно ожидать смерть. Будемъ съ благодарностью пользоваться тѣми благами, которыя даны намъ. Кто умѣетъ любить такъ, какъ мы, тотъ способенъ на великія дѣянія, тотъ получаетъ награду за всѣ самыя тяжелыя жертвы, возмездіе за всѣ горести». Dauban, «M-me Roland et son temps».

тельнымъ, — къ постоянному «противорѣчію между законами и предразсудками общества и влеченіями сердца», къ безпрерывной борьбѣ съ личнымъ чувствомъ [2]).—Такая жизнь являлась, въ ея глазахъ, нравственнымъ самоубійствомъ, въ сравненіи съ которымъ настоящее положеніе ея представлялось земнымъ раемъ. — «Я не хочу проникать въ промыслы неба», говоритъ она въ письмѣ къ Бюзо... «но я воздаю ему благодареніе за настоящія оковы, которыми оно замѣнило прежнія. Замѣна эта представляется мнѣ началомъ его благоволенія; но еслибы оно и ничего болѣе не дало мнѣ, да сохранитъ оно мнѣ настоящія условія жизни—до окончательнаго избавленія моего отъ міра, гдѣ царитъ несправедливость и горе»...

Бюзо, какъ видно изъ письма г-жи Роланъ, не мирился съ состояніемъ бездѣйствія; вмѣстѣ съ своими товарищами, онъ стремился принять непосредственное участіе въ движеніи департаментовъ противъ столицы. Г-жа Роланъ убѣждала его отказаться отъ этой мысли. Съ ея точки зрѣнія, было неразумно и безразсудно подвергать опасности жизнь, необходимую отечеству, въ минуту, когда такъ мало было людей, способныхъ руководить массой; съ другой стороны, непосредственное участіе ихъ въ народномъ движеніи придало-бы ему характеръ личной мести.—«Представители народа, права котораго нарушили и неприкосновенность оскорбили», говоритъ г-жа Роланъ въ заключеніи письма къ Бюзо, — «вы обратились къ департаментамъ съ вашимъ справедливымъ протестомъ; они подымаются, чтобы возстановить права свои,—не

[1]) «Ты не можешь представить себѣ», говоритъ она въ письмѣ къ Бюзо,— «какъ привлекательна жизнь въ тюрьмѣ, гдѣ о каждой минутѣ обязанъ отдавать отчетъ лишь себѣ, гдѣ не требуется тяжелыхъ жертвъ... гдѣ нѣтъ противорѣчій между законами и предразсудками общества съ влеченіями сердца; гдѣ ревнивый взглядъ не слѣдитъ за выраженіемъ чувства... Возвратившись къ истинѣ и нравственной свободѣ, можно, не оскорбляя правъ или привязанности кого-либо, обрѣсти духовную независимость среди кажущейся неволи и пользоваться ею съ той полнотой, которую почти всегда нарушаютъ соціальныя отношенія. Независимость эту я не позволяла себѣ искать цѣною счастья другого,—счастья, которое такъ трудно было мнѣ поддерживать; событія дали мнѣ то, что могло быть достигнуто лишь посредствомъ преступленія. Какъ я благословляю цѣпи, въ которыхъ я свободна любить тебя безраздѣльно, и ежеминутно думать о тебѣ. Здѣсь всякое другое занятіе прервано; я принадлежу лишь тому, кто любитъ меня, и такъ достоинъ моей любви. Продолжай начатое дѣло, будь полезенъ отечеству, спаси свободу, — каждое изъ твоихъ дѣяній внушаетъ мнѣ радость и гордость»... Dauban, «M-me Roland et son temps».

вамъ идти во главѣ ихъ отрядовъ; такой образъ дѣйствій имѣлъ-бы характеръ личной мести».

Политическія вѣсти, достигавшія тюрьмы г-жи Роланъ, въ первое время заключенія ея, указывали на сочувственное отношеніе департаментовъ къ жирондистамъ.—«Друзья мои, спасшіеся бѣгствомъ», писала г-жа Роланъ,—«были въ Каннахъ, подъ охраной военныхъ отрядовъ. Я имѣла извѣстія о томъ, кто былъ мнѣ всѣхъ дороже [1])... Ходъ политическихъ событій внушалъ надежду, что республика будетъ спасена. Примирившись съ собственной судьбой, я могла назвать себя счастливой... Счастье», замѣчаетъ она,—«менѣе зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ жизни, чѣмъ отъ душевнаго и умственнаго настроенія [2])».

Въ обстановкѣ ея собственной жизни произошло, въ это время, значительное измѣненіе къ лучшему. Нравственныя качества г-жи Роланъ постепенно привлекли ей симпатіи и горячее участіе ея сторожей. Жена тюремщика предложила ей переходить на день изъ тѣсной душной тюрьмы, необитаемой въ жаркую лѣтнюю пору,—въ ея собственную квартиру; черезъ нѣкоторое время, она нашла возможность перемѣстить ее изъ тюрьмы въ отдѣльную комнату, уютную и просторную.

Г-жа Роланъ избавилась такимъ образомъ отъ общества своихъ тюремныхъ сосѣдей и могла возвратиться къ прежнимъ своимъ занятіямъ,—къ музыкѣ, живописи, къ чтенію любимыхъ авторовъ. Плутархъ и Тацитъ, Шефтсбюри и Томсонъ доставляли ей нравственную поддержку и сокращали долгіе часы заключенія.—Въ то-же время, она могла видаться, раза два въ недѣлю, съ тѣми изъ друзей своихъ, которые остались въ Парижѣ; къ числу ихъ принадлежали — Гранпрэ, инспекторъ тюремъ, Шампанье,—занимавшій въ то время мѣсто перваго чиновника министра внутреннихъ дѣлъ, и Боскъ, администраторъ почтоваго вѣдомства, старинный другъ Ролановъ.

Но этотъ періодъ времени въ тюремной жизни г-жи Роланъ былъ непродолжителенъ. Уже съ половины іюля теченіе политическихъ событій вновь измѣнилось.

Отсутствіе согласія и единодушія въ образѣ дѣйствій департаментовъ, неудачи инсуррекціонной арміи подъ начальствомъ Вимп-

[1]) Бюзо.

[2]) Mémoires de m-me Roland, t. 2-d, p. 67.

фена, очищеніе Каннъ, — разрушали послѣднія надежды Жиронды на поддержку департаментовъ [1]).

Свидѣтельница злодѣяній, совершавшихся правительствомъ террора, и пассивнаго отношенія къ нимъ народа, г-жа Роланъ тѣмъ менѣе могла быть вполнѣ безпристрастнымъ, хладнокровнымъ судьей современныхъ событій, что ей неизвѣстно было истинное положеніе дѣла. Ей неизвѣстны были всѣ мѣры, принимавшіяся парижскими демагогами для пресѣченія сношеній между Жирондой и департаментами, — всѣ средства пропаганды, къ которымъ прибѣгало правительство для извращенія общественнаго мнѣнія. Безучастное отношеніе департаментовъ къ нарушенію національнаго представительства и къ судьбѣ депутатовъ Жиронды—было, съ ея точки зрѣнія, такимъ-же проявленіемъ трусости и малодушія, какъ принятіе конституціи изъ рукъ правительства, запятнавшаго себя преступленіями.

«Повсемѣстно», пишетъ она, — «стремленіе къ миру, къ спокойствію... заставляетъ принимать конституцію, чудовищную по своимъ недостаткамъ,—которую, еслибы она и не имѣла ихъ, нельзя было принять изъ недостойныхъ рукъ. Въ своемъ тупоумномъ оцѣпенѣніи, большинство націи думаетъ утвердить справедливость, миръ, безопасность, позволяя нарушать ихъ по отношенію къ своимъ представителямъ» [2]).

Г-жа Роланъ не находила словъ достаточно краснорѣчивыхъ, чтобы заклеймить правительство террора, поработившее Францію. Между представителями его всѣхъ ненавистнѣе ей былъ Робеспьеръ. Къ Дантону, который, съ перваго знакомства, произвелъ на нее впечатлѣніе современнаго Сарданапала [3]), къ Фабру [4]),

[1]) «Каннъ», пишетъ г-жа Роланъ, «покидаетъ депутатовъ, которыхъ принялъ такъ гостепріимно; побѣдители, господствовавшіе въ собраніи, которое осмѣливаются еще называть конвентомъ,—объявляютъ ихъ измѣнниками отечеству; имущества ихъ конфискуютъ, арестуютъ ихъ женъ и дѣтей, стираютъ съ лица земли дома ихъ... Преступленіе торжествуетъ надъ добродѣтелью».—Mémoires de m-me Roland, t. 2-d, p. 69.

[2]) Mémoires de m-me Roland, t. 2-d, p. 69, 70.

[3]) „Воображеніе мое", говоритъ г-жа Роланъ въ „Мемуарахъ", — „часто представляло мнѣ Дантона съ кинжаломъ въ рукѣ, подстрекающимъ голосомъ и жестомъ толпу убійцъ, болѣе робкихъ или менѣе свирѣпыхъ, чѣмъ онъ;— или-же, подобно Сарданапалу, — упоеннымъ совершенными злодѣяніями». Mémoires de m-me Roland, t. 1-er, p. 114.

[4]) «Фабръ, облеченный въ монашескую рясу, вооруженный кинжаломъ, занятый составленіемъ заговора противъ невиннаго человѣка или противъ богача, состояніе котораго онъ хочетъ захватить,—Фабръ такъ подходитъ къ

«типу Тартюфа, облеченнаго въ монашескую рясу»,—она не считала возможнымъ примѣнять нравственныхъ требованій.

Съ иной точки зрѣнія относилась она къ Робеспьеру. Представитель теоріи «Contrat Social», бывшій членъ кружка друзей ея, недавно еще раздѣлявшій взгляды его, Робеспьеръ являлся, въ ея глазахъ, неизмѣримо болѣе достойнымъ презрѣнія и ненависти, чѣмъ «апостолъ» гильотины, Маратъ.—Говоря о политическомъ значеніи убійства его Шарлотой Кордэ, г-жа Роланъ замѣчаетъ: «Не имѣя яснаго понятія о положеніи дѣлъ, она (Ш. Кордэ) дурно выбрала минуту и жертву свою. Есть бо̀льшій преступникъ [1]), противъ котораго долженъ былъ направиться ударъ ея; смерть Марата послужила лишь въ пользу его приверженцевъ [2])».

Событія въ половинѣ іюля 1793 года—неудача инсуррекціоннаго движенія и убійство Марата—непосредственно отразились на судьбѣ сторонниковъ Жиронды въ Парижѣ. Около половины іюля, по требованію тюремной администраціи, проповѣдывавшей идею равенства, — г-жу Роланъ лишили всѣхъ удобствъ ея помѣщенія и вновь перевели въ тѣсную тюрьму. — «Опять я осуждена была видѣть тюремщиковъ», пишетъ она въ «Мемуарахъ»,—«слышать звукъ засова, дышать зловоннымъ воздухомъ корридора, тускло освѣщеннаго по вечерамъ лампой, далеко распространявшей запахъ копоти. Таковы проявленія свободы, таковы гуманныя дѣйствія этихъ людей [3])».

Въ то-же время, г-жа Роланъ лишилась частыхъ посѣщеній друзей своихъ. Шампанье и Гранпрэ, обвиненные какъ соучастники въ убійствѣ Марата, и съ трудомъ оправдавшіеся, могли теперь лишь рѣдко, украдкой видаться съ ней: всякія сношенія съ политическими обвиненными служили въ то время поводомъ подозрѣній и преслѣдованій со стороны правительства.

«Всѣ друзья мои — въ оковахъ или изгнанники», писала г-жа Роланъ, подъ впечатлѣніемъ новаго удара судьбы... «и вотъ немногіе изъ тѣхъ, которые могли приносить мнѣ утѣшеніе, въ свою очередь, подвергаются преслѣдованію».

Административныя учрежденія всѣ переходили въ руки при-

своей роли, что всякій, кто пожелалъ-бы изобразить злодѣя Тартюфа, могъ-бы представить его въ этомъ образѣ». Mémoires de m-me Roland, t. 1-er, p. 116

[1]) Намекъ на Робеспьера.

[2]) Mémoires de m-me Roland, t. 2-d, p. 70, 71.

[3]) Mémoires de m-me Roland, t. 2-d, p. 83.

верженцевъ Робеспьера [1]); отдѣльныя возстанія въ департаментахъ подавлялись одно за другимъ; анархія царствовала въ Парижѣ.

«Вновь возрождаются предъ нами», пишетъ г-жа Роланъ. «преступленія ужасныхъ дней царствованія Тиверія... Жители Парижа, этого новаго Вавилона, бросаются на зрѣлище казни несчастныхъ жертвъ... О мое отечество! во власть какихъ злодѣевъ ты пало [2])»!

Судьба Франціи, разрываемой внутренними смутами и угрожаемой съ внѣшней стороны, внушала ей величайшія опасенія. Она не допускала возможности воспользоваться, въ борьбѣ съ терроромъ, помощью иностранной державы или роялистовъ; всякій компромиссъ съ врагами Франціи являлся, въ ея глазахъ, измѣной отечеству,—измѣной, которая послужила-бы подтвержденіемъ клеветы и покрыла бы безчестьемъ Жиронду. Предрекая предстоящее паденіе правительства террора, благодаря соединенію департаментовъ съ европейской коалиціей, г-жа Роланъ замѣчаетъ:

«Настанетъ, быть можетъ, новая революція,—при помощи иностранныхъ войскъ! Но спасеніе, которымъ я была бы обязана австрійцамъ, такъ-же тяжело, какъ смерть отъ правительства современной Франціи; тѣ и другіе, равно, — враги моего отечества».

Точку зрѣнія г-жи Роланъ раздѣляли и другіе представители Жиронды. Незаконно лишенные политическихъ правъ, принужденные скитаться на далекихъ окраинахъ Франціи, въ ожиданіи конечной развязки, Бюзо и товарищи его рѣшительно отвергли предложеніе Вимпфена, убѣждавшаго ихъ принять помощь Англіи или партіи роялистовъ. Послѣ пораженія при Вернонѣ, они покинули, въ половинѣ іюля, Каны, и, подъ охраной одного батальона, направились къ Бретани, черезъ городъ Кимпэръ.—Но надежды ихъ на поддержку южныхъ департаментовъ не оправдались. Общественное мнѣніе, подъ вліяніемъ пропаганды якобинскихъ коммиссаровъ, все болѣе отдалялось отъ Жиронды Волненія въ Вандеѣ, возмущеніе Ліона, капитуляція Валансьенъ,—всѣ внутреннія и внѣшнія смуты, грозившія распаденіемъ государству, повліяли на усиленіе правительства террора. 27 іюля Робеспьеръ вступилъ въ комитетъ «общественнаго спасенія»; 28 іюля, Бюзо, Барбару, Лувэ, Петіонъ съ товарищами были объявлены измѣнниками отечеству и поставлены внѣ закона [3]).

[1]) Barante. «Histoire de la Convention Nationale», t. 3-m, p. 349.

[2]) Mémoires de m-me Roland, t. 2-d, p. 38.

[3]) Dauban, «M-me Roland et son temps» p. CCXVIII.

Преслѣдуемые со всѣхъ сторонъ, изгнанники не могли оставаться долѣе въ предѣлахъ Франціи, не подвергаясь вѣрной смерти. Представлялся одинъ лишь исходъ для спасенія,—бѣгство въ страну нейтральную, не участвовавшую въ коалиціи противъ Франціи, сочувственно относившуюся къ политическимъ принципамъ Жиронды. Такой страной были Американскіе Соединенные Штаты, и къ нимъ обратились теперь надежды Бюзо и товарищей его.

Г-жа Роланъ, изъ своего заключенія, съ замирающимъ сердцемъ слѣдила за судьбой друзей своихъ. Мечты уносили ее съ ними вмѣстѣ въ Америку, въ эту обѣтованную землю, сулившую имъ свободу и спасеніе. Нерѣдко, передавая въ «Мемуарахъ» свои воспоминанія, она прерывала разсказъ и обращалась къ событіямъ настоящаго, изливала всѣ волновавшія ее чувства тревоги, страха или надежды. Такъ, вспоминая о церковномъ гимнѣ, который она пѣла дѣвочкой, въ монастырѣ Конгрегаціи, она восклицаетъ: «Какъ я желала бы пѣть его теперь въ Америкѣ! Боже! какое выраженіе я вложила бы въ него!» [1])

Но мечта эта уже тогда являлась ей несбыточной и недостижимой. Обращаясь мысленно къ судьбѣ друзей своихъ, она печально прибавляетъ:—«Но, увы! для меня все кончено... Я уже никогда не увижу васъ; и эта разлука между нами, я чувствую,—будетъ послѣдней [2])!»

Порою, вспоминая далекое прошлое,—всѣ печальныя и радостныя событія дѣтства и юности, она находила нравственное отдохновеніе, удаляясь мыслью отъ событій настоящаго.

Въ другія минуты, подъ впечатлѣніемъ всѣхъ потрясеній, переживаемыхъ Франціей, она теряла бодрость духа и впадала въ глубокое уныніе.—«Я почти не въ состояніи продолжать своего предпріятія [3])», пишетъ она въ концѣ августа; «бѣдствія моего отечества подавляютъ меня; потеря друзей заставляетъ меня падать духомъ; непреодолимая печаль охватываетъ сердце мое. Франція представляетъ лишь кровавую арену борьбы между ея собственными согражданами [4])»...

Въ яркой, образной картинѣ г-жа Роланъ описываетъ положеніе Франціи во второй половинѣ 1793 года,—волненія въ Вандеѣ и сосѣднихъ департаментахъ, побѣды внѣшняго врага и под-

---

[1]) Mémoires de m-me Roland, t. 1-er, p. 54.

[2]) Mémoires de m-me Roland. t. 3, p. 76,

[3]) Мемуары и историческія замѣтки.

[4]) Mémoires de m-me Roland, t. 3, p. 69.

чиненіе сѣверныхъ городовъ Франціи; бѣгство французскихъ войскъ и казнь самыхъ знаменитыхъ полководцевъ; бѣдствія низшихъ классовъ—голодъ въ Парижѣ и провинціяхъ, упадокъ промышленности и торговли подъ вліяніемъ законовъ противъ «присвоителей»; всеобщую дезорганизацію, воцарившуюся во всѣхъ отрасляхъ государственной администраціи [1]).

«Опишетъ ли исторія эти ужасныя времена!» восклицаетъ она,—«этихъ злодѣевъ, наполняющихъ ее своими преступленіями, болѣе жестокихъ чѣмъ Марій и Сулла!.. О Брутъ! чья смѣлая рука тщетно освободила испорченныхъ римлянъ,—мы заблуждались такъ-же, какъ ты... Подобно тебѣ, мы мечтали основать царство справедливости и мира: уничтоженіе тиранніи лишь разнуздало всѣ низкія страсти, всѣ самые безобразные пороки!»...

Среди нравственныхъ потрясеній, переживаемыхъ подъ впечатлѣніемъ общественныхъ бѣдствій и личнаго горя, г-жа Роланъ сохраняла настолько энергіи и твердости, чтобы продолжать изложеніе своихъ мемуаровъ. Не одно стремленіе разоблачить истину передъ потомствомъ, возстановить предъ судомъ его честь своей партіи,—не одно это стремленіе поддерживало г-жу Роланъ въ ея задачѣ. Изложеніе политическихъ событій революціи увлекло ее и возбудило въ ней прежній глубокій интересъ къ историческимъ занятіямъ.—«Еслибы я избѣгла общей гибели», пишетъ она Шампаньс въ началѣ октября, «я хотѣла бы заняться современной исторіей; собирайте, съ своей стороны, всѣ матеріалы, которые найдете. Я страстно полюбила Тацита и читаю его въ четвертый разъ, съ новымъ интересомъ и увлеченіемъ».

Между тѣмъ, политическое положеніе Франціи принимало все болѣе безнадежный характеръ, предвѣщая скорое наступленіе конечной гибели Жиронды. Петіонъ, Горзасъ, Бриссо и другіе представители партіи въ Парижѣ были арестованы и томились въ тюрьмѣ, въ ожиданіи смертнаго приговора. Конвентъ представлялъ собой «бурный парламентъ»,—пассивное орудіе въ рукахъ коммуны. Сѣть революціонныхъ комитетовъ покрывала Францію; якобинскихъ коммисаровъ изъ департамента въ департаментъ сопровождала гильотина. Бюзо и товарищи его по изгнанію, съ минуты на минуту, могли быть арестованы и подвергнуты смертной казни. «Я проливаю горькія слезы», писала г-жа Роланъ около половины сентября...—«Всѣ надежды мои сосредоточились на спасеніи тѣхъ,

[1]) Mémoires de m-me Roland. t. 3, p. 69—74.

кого я люблю: теперь спасеніе это болѣе сомнительно, чѣмъ когда либо».

Не получая долгое время извѣстій отъ Бюзо и товарищей его, г-жа Роланъ окончательно убѣждается, что они арестованы и приговорены къ смертной казни. Тогда, въ порывѣ отчаянія, она рѣшилась привести въ исполненіе проектъ, давно представлявшійся ей желательнымъ исходомъ. До этого послѣдняго удара, предчувствуя неминуемую гибель, г-жа Роланъ твердо ожидала судьбу свою; энергію ея поддерживала мысль о предстоявшемъ политическомъ процессѣ жирондистовъ,—надежда публичнымъ обличеніемъ правительства террора пробудить политическое сознаніе своихъ согражданъ и содѣйствовать славѣ Жиронды.

Но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе надежда эта представлялась несбыточной.—«Два мѣсяца ранѣе», пишетъ г-жа Роланъ вначалѣ октября,—«я искала чести погибнуть на эшафотѣ; въ то время еще можно было говорить и примѣръ мужественной энергіи могъ послужить въ пользу истины; теперь все потеряно... преступленіе одерживаетъ побѣду и ослѣпленная масса преклоняется предъ его могуществомъ».

Отчаявшись въ спасеніи любимаго человѣка, г-жа Роланъ рѣшила покончить съ жизнью, представлявшейся для нея, отнынѣ, лишь медленною агоніей. «Быть или не быть», спрашиваетъ она себя, обсуждая вопросъ съ нравственной его стороны [1]).

Она рѣшаетъ его отрицательно. Геройская смерть ея на эшафотѣ не могла уже спасти ни друзей ея, ни общественное дѣло. Нравственный долгъ былъ выполненъ, земная миссія окончена. Продолжать жить и подчиняться деспотизму тирановъ представлялось уже не геройствомъ, а малодушіемъ.

Въ письмѣ къ старинному другу, Шампанье, сообщая ему о своемъ рѣшеніи, г-жа Роланъ передаетъ ему свою послѣднюю волю. Она завѣщаетъ ему самое драгоцѣнное свое достояніе,—«Историческія замѣтки» и «Мемуары».—«Дружба моя», пишетъ она,—«завѣщаетъ вамъ сохраненіе моей памяти... Я умру спокойно, въ увѣренности, что вы возродите меня передъ потомствомъ въ моихъ мемуарахъ [2])».

Рѣшеніе г-жи Роланъ не было минутнымъ порывомъ отчаянія; остановившись на мысли свести послѣдніе жизненныя счеты, она

---

[1]) Mémoires de m-me Roland, t. 4, Dernières pensées.

[2]) Mémoires de m-me Roland, t. 4.

хладнокровно взвѣшивала всѣ послѣдствія своего поступка, тщательно обдумывала всѣ разнообразные и многочисленные интересы, касавшіеся ея семьи.

Въ письмахъ къ Шампанье, Боску и къ Крезе-де-ла-Тушъ [1]), она подробно излагаетъ свою послѣднюю волю, обсуждаетъ способъ матеріальнаго обезпеченія дочери, даетъ подробныя наставленія о воспитаніи ея и устройствѣ дальнѣйшей судьбы ея. Затѣмъ, она обращается съ послѣдними словами утѣшенія къ семьѣ и друзьямъ [2])—«Не сожалѣйте о томъ, что́ прекратитъ мои испытанія; я умѣю переносить несчастье; вы знаете меня и не подумаете, что малодушіе или страхъ внушаетъ мнѣ это рѣшеніе...»[3]) «Я не покинула бы тебя»,—говоритъ она, обращаясь къ мужу,—«еслибы могла помочь тебѣ въ твоемъ несчастьи; но теперь ты теряешь лишь призракъ,—предметъ напрасныхъ мученій».

При мысли о дочери, твердость духа на минуту измѣняетъ ей. «Прости, дитя мое»,—пишетъ она,—«твой образъ разрываетъ сердце мое и заставляетъ колебаться мою рѣшимость. Я не лишила бы тебя матери, еслибъ злодѣи пощадили ее... Но, что бы они ни дѣлали, примѣръ мой останется тебѣ; я сознаю,—это драгоцѣнное наслѣдіе».

У преддверія могилы, созерцая паденіе идеаловъ, явившихся цѣлью всей жизни ея, на развалинахъ той утопіи, которую воздвигли мечты ея,—утопіи свободы и братства,—она невольно, инстинктивно ухватывалась за тѣ утѣшенія, которыя даетъ религія. Представленіе о небытіи не могло гармонировать съ ея умственнымъ и нравственнымъ созерцаніемъ.

Умереть, погрузиться въ нирвану, когда въ ней еще столько

---

[1]) Крезе-де-ла-Тушъ—семья, съ которой Боскъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Послѣ ареста г-жи Роланъ, Боскъ поручилъ дочь ея попеченіямъ этой семьи. («Mémoires m-me Roland»), t. 3, p. 62.

[2]) «Ты, котораго я не смѣю назвать»,—говоритъ она, обращаясь къ Бюзо,—ты, котораго когда нибудь лучше узнаютъ, сожалѣя о нашемъ общемъ несчастьи... печалиться ли тебѣ, если я ранѣе тебя буду въ томъ мірѣ, гдѣ ничто не разлучитъ насъ, гдѣ мы можемъ любить другъ друга, не совершая преступленія. Въ томъ мірѣ, гдѣ умолкаютъ роковые предразсудки, ненавистныя страсти и всякая тиранія? Я буду ожидать тебя тамъ; но ты не покидай этотъ міръ если останется прибѣжище для добродѣтели; живи, чтобы обличать несправедливость... Но если врагъ будетъ преслѣдовать тебя, не допусти, чтобы продажная рука поднялась на тебя: умри свободнымъ!»

[3]) Mémoires de m-me Roland t, 4, Dernières Pensées.

было жажды дѣятельности, столько жизненной энергіи, столько силы любви!

И мысль ея невольно обращалась къ религіозно-поэтическимъ представленіямъ дѣтства ея и юности. Мечты уносили ее далеко, далеко, въ заоблачный міръ, гдѣ нѣтъ несправедливости и зла, гдѣ страданія земной жизни должны найти примиреніе,—«О Высшее Божество!» восклицала она,—«душа вселенной, начало всего великаго и благого; Ты, присутствіе котораго я чувствую въ мірѣ,—прими меня въ свое лоно!» Религіознымъ чувствомъ проникнуты и послѣднія патетическія слова, обращенныя къ Бюзо, и прощальное воззваніе ея къ семьѣ и друзьямъ.

«Простите всѣ вы,—мое дитя, мой мужъ, друзья мои; прости, о, солнце!—своими свѣтлыми лучами вносившее успокоеніе въ душу мою и поднимавшее ее къ небесамъ; простите, уединенныя деревенскія поля, столь часто возбуждавшія во мнѣ чувство умиленія... Простите, мирныя жилища, гдѣ я развивала умъ познаніемъ истины, и въ уединеніи размышленія научалась властвовать надъ своими чувствами и презирать суету суетъ... Прости... нѣтъ, съ тобой однимъ не разстаюсь я; покидая земную жизнь, мы сближаемся съ тобою» [1]).—Этими строками, полными трагизма, заключается послѣднее обращеніе г-жи Роланъ къ друзьямъ, извѣстное подъ названіемъ: «Dernières Pensées».

Новое стеченіе обстоятельствъ побудило ее отказаться отъ проекта, который она такъ хладнокровно взвѣшивала и обсуждала въ письмахъ къ Боску и Шампанье. Въ началѣ октября вышелъ обвинительный актъ Амара противъ 22-хъ жирондистовъ; въ 20-хъ числахъ того-же мѣсяца начался процессъ ихъ. Г-жа Роланъ сочла своимъ нравственнымъ долгомъ воспользоваться послѣднимъ случаемъ публично исповѣдывать profession de foi свою и своихъ друзей.

«Призванная свидѣтельницей, прежде чѣмъ быть обвиненной передъ судебной властью»,—писала г-жа Роланъ Шампанье (25-го октября),—«я принуждена измѣнить намѣреніе, которое я сообщила вамъ въ своемъ завѣщаніи... Итакъ, если этого требуетъ долгъ, я выпью чашу страданій до послѣдней капли».

Обвинительный актъ, гласившій о заговорѣ противъ единства и нераздѣльности республики, противъ свободы и безопасности французскаго народа», незаконная форма процесса, гдѣ обвиняе-

---

[1]) Слова эти, очевидно, обращены къ Бюзо.

мыхъ не допускали представлять защитительныхъ документовъ,—все ясно указывало на судьбу, предназначавшуюся жирондистамъ.

«Я слышала»,—писала г-жа Роланъ Шампанье,—«я слышала обвинительный актъ, это чудовище ослѣпленія или, вѣрнѣе, образецъ вѣроломства. Я не имѣю духу останавливаться на всѣхъ возмутительныхъ его подробностяхъ... Все происходившее представлялось мнѣ тяжелымъ сномъ. Узнаетъ-ли истину потомство, повѣритъ-ли оно всему?»

Г-жа Роланъ не сомнѣвалась въ своей участи и въ участи, ожидавшей друзей ея въ Парижѣ, такъ-же какъ тѣхъ, которые искали защиты въ южныхъ департаментахъ.—«Всѣ мы погибнемъ» писала она (24 октября) Шампанье «...Всѣ мы падемъ жертвой обмана... или, вѣрнѣе, слабости честныхъ людей, вѣрившихъ, что, для торжества добродѣтели, достаточно противопоставить ее пороку...».

Она съ нетерпѣніемъ ожидала своей очереди быть призванной революціоннымъ трибуналомъ; главнымъ опасеніемъ ея было, что процессъ ея отдѣлитъ отъ процесса остальныхъ обвиненныхъ,—что ее лишатъ возможности признать друзей своихъ въ присутствіи ихъ.—«Я хочу заслужить смерть»,—писала она 25 октября, «свидѣтельствуя въ защиту обвиненныхъ при жизни ихъ... Я томлюсь ожиданіемъ, и жду экзекутора, какъ своего освободителя» [1]).

Въ день казни Бриссо, 1-го ноября, г-жа Роланъ была переведена въ тюрьму Консьержери, — обычное мѣсто заключенія политическихъ осужденныхъ, которыхъ ожидалъ смертный приговоръ. На слѣдующій день, ее призвали къ допросу въ канцелярію трибунала. Вмѣстѣ съ другими представителями Жиронды, г-жа Роланъ обвинялась въ стремленіи совратить общественное мнѣніе департаментовъ съ цѣлью разрушить единство республики,—стремленіи, проявившемся, начиная съ эпохи 2-го министерства Ролана. Обвинительный актъ опирался на доводахъ туманныхъ и неясныхъ; за исключеніемъ частной переписки г-жи Роланъ съ нѣкоторыми изъ 22-хъ депутатовъ Жиронды [2]), свидѣтельствовавшей лишь о ея дружественныхъ отношеніяхъ съ ними, фактическихъ доказательствъ противъ нея не было. Г-жѣ Роланъ

[1]) Mèmoires de m-me Roland, t. 2, p. 169.

[2]) Переписка эта была открыта въ бумагахъ депутата Дюперре, служившаго посредникомъ въ сообщеніяхъ г-жи Роланъ съ осужденными представителями Жиронды.

не трудно было опровергнуть главныя обвиненія, но возраженія ея оставлялись безъ вниманія. Прямота и рѣзкость ея отвѣтовъ, при вторичномъ допросѣ, привели въ негодованіе обвинителя, который прекратилъ допросъ, воскликнувъ, что «подобная болтовня только затягиваетъ дѣло».

«Какъ я сожалѣю о васъ», спокойно замѣтила г-жа Роланъ.—«Я прощаю вамъ оскорбительныя ваши замѣчанія... Вы можете казнить меня; но не въ вашей власти лишить меня счастья спокойной совѣсти и убѣжденія, что потомство отмститъ за меня и моего мужа, предавши позору нашихъ гонителей» [1]).

Въ продолженіе восьми дней, проведенныхъ въ Консьержери, г-жа Роланъ привлекла симпатіи всѣхъ окружающихъ, имѣвшихъ случай видѣть и слышать ее. И прирожденное изящество, и привлекательная внѣшность, такъ гармонировавшія съ нравственными ея качествами, мужественная сила характера, въ соединеніи съ женственной мягкостью,—все вмѣстѣ производило неотразимо чарующее впечатлѣніе [1]).—«Всѣмъ намъ», разсказываетъ одинъ очевидецъ,—«она внушала чувство благоговѣнія, смѣшанное съ изумленіемъ. Она часто говорила съ нами у рѣшетки тюрьмы, съ свободой и мужествомъ великаго человѣка... Форма ея рѣчи, ясная, чистая и гармоничная, поражала слухъ необыкновенной музыкальностью».

Она говорила о погибшихъ депутатахъ Жиронды съ глубокимъ уваженіемъ, но безъ малодушнаго состраданія, и даже упрекала ихъ въ недостаткѣ дѣятельной энергіи; упоминая о нихъ, она говорила обыкновенно: «друзья наши»... Но минутами въ ней проглядывали женственныя свойства, и по лицу видно было, что она плакала, вспоминая о дочери своей и мужѣ. Это соединеніе природной мягкости и силы дѣлало ее еще болѣе привлекательной».

---

[1]) Mémoires de m-me Roland, t. 2, p. 176.

[2]) «Не остыла еще кровь 22-хъ жирондистовъ», говоритъ Боскъ, «когда г-жа Роланъ прибыла въ Консьержери. Несмотря на увѣренность въ ожидавшей ее судьбѣ, она была непоколебимо спокойна. Не будучи уже первой молодости (г-жѣ Роланъ было въ то время 39 лѣтъ), она обладала необыкновенной привлекательностью. Она была высока ростомъ и стройна; лицо ея отличалось выразительностью и умомъ; но несчастье оставило на немъ слѣды меланхоліи, умѣрявшей природную живость характера. Подъ внѣшней оболочкой, поражавшей изяществомъ, скрывалась душа истинной республиканки. Нѣчто большее чѣмъ то, что выражаетъ обыкновенно взглядъ женщины, проглядывало въ ея большихъ черныхъ глазахъ». (Mémoires de m-me Roland, t. 2-d, p. 189, 190).

Вліяніе г-жи Роланъ простиралось до послѣднихъ отверженныхъ представителей тюремнаго населенія. По свидѣтельству современника и очевидца, «комната ея, въ этомъ аду, сдѣлалась пріютомъ мира. Одного присутствія г-жи Роланъ среди обитателей тюрьмы достаточно было, чтобы возстановить порядокъ, и эти несчастные, не знавшіе никакой нравственной узды, сдерживались однимъ страхомъ огорчить ее. Вокругъ нея, какъ вокругъ ангела хранителя, толпились женщины.. Г-жа Роланъ давала вспомоществованія нуждающимся и всѣмъ помогала совѣтами и утѣшеніями [1])».

«9-го ноября г-жѣ Роланъ предстояло быть призванной къ допросу въ третій и послѣдній разъ. Зная заранѣе ожидавшій ее приговоръ, она, тѣмъ не менѣе, употребила послѣдніе часы досуга на составленіе защитительной рѣчи. — «Намѣреніе погубить меня явно», писала она, «но я не подамъ лишняго повода для недоброжелательства, и не облегчу задачи обвинителя. [2])»

Послѣ 2-го допроса, 4-го ноября, г-жѣ Роланъ было предложено выбрать себѣ защитника. Она указала на Шово-Лагарда, говорившаго въ защиту 22-хъ жирондистовъ и предлагавшаго ей свои услуги. 8-го ноября, Шово-Лагардъ явился, чтобы переговорить съ ней и передать ей списокъ свидѣтелей. Онъ предупреждалъ ее о козняхъ, которыя могли ожидать ее, сообщалъ планъ своей защитительной рѣчи, пытался внушить ей надежды, которыя, въ глубинѣ души, онъ не могъ раздѣлять. Г-жа Роланъ слушала спокойно и хладнокровно обсуждала средства, приготовленныя для ея защиты. Разговоръ затянулся; было 11 часовъ вечера и Шово-Лагарда предупредили, что ворота тюрьмы закрываются.

---

[1]) Dauban, «M-me Roland et son temps».

[2]) Этотъ проэктъ защитительной рѣчи, которую ее не допустили говорить, напечатанъ въ концѣ 2-го тома мемуаровъ г-жи Роланъ. Г-жа Роланъ, подтверждая свои дружественныя отношенія съ осужденными представителями Жиронды, указываетъ въ своей рѣчи на то, что переписка ея съ ними имѣетъ характеръ не политическій, а частный. «Я не скрывала свои чувства и мнѣнія», говоритъ она въ заключеніи рѣчи. «Я знаю, что въ эпоху Тиберія одна римлянка была приговорена къ смертной казни за то, что оплакивала своего сына; я знаю, что въ эпоху народнаго ослѣпленія и господства партій,—кто осмѣливается назвать себя другомъ осужденныхъ или изгнанниковъ, подвергаетъ себя той-же участи. Но я презираю смерть, страшусь лишь преступленія, и не спасу свою жизнь цѣною низости. Горе тому народу и тому времени, когда признаніе истины подвергаетъ преслѣдованіямъ, и счастливъ тогда тотъ, кто имѣетъ мужество презирать опасность». Mémoires de m-me Roland, t. 2 d, p. 187, 188.

Онъ сталъ прощаться съ ней. Г-жа Роланъ, на минуту взволнованная, встала, сняла съ руки кольцо и протянула ему, не говоря ни слова.—«Но мы вѣдь увидимся завтра, послѣ суда», воскликнулъ адвокатъ, по одному взгляду угадавшій ея намѣренія и предчувствія. «Завтра», сказала она, «я уже не буду существовать! Я знаю ожидающую меня судьбу... Совѣты ваши дороги мнѣ; но вамъ они могли-бы послужить на гибель; меня-же спасти не въ вашей власти... Не приходите въ судъ, я не признаю васъ».

На слѣдующее утро, 9-го ноября, долженъ былъ закончиться процессъ г-жи Роланъ. Въ то время, какъ она ожидала у тюрьмы своей очереди, вокругъ нея собралась толпа женщинъ; всѣ наперерывъ ловили каждое ея слово, каждый взглядъ, каждый жестъ. Тѣ, которыя знали объ ожидавшей ее участи, горько рыдали, призывая на нее покровительство провидѣнія. Г-жа Роланъ казалась спокойной и отвѣчала всѣмъ привѣтливо и ласково. Она не подавала имъ надежды возвратиться къ нимъ, также какъ не говорила объ ожидавшей ее близкой смерти. Въ послѣднихъ словахъ увѣщанія, съ которымъ она обращалась къ своимъ товарищамъ по несчастью, она ободряла ихъ, призывала къ согласію и бодрости духа, къ проявленію добродѣтели среди несчастья. «Прощаясь съ нами», разсказываетъ очевидецъ, «она была радостно оживлена, священный огонь горѣлъ въ ея глазахъ. «Я умираю за отечество и свободу», сказала она, видя горе окружающихъ, — «не объ этомъ-ли мы всегда мечтали [1])»?

Въ то время, когда она говорила съ ними, къ ней подошелъ графъ Бёньо съ порученьемъ отъ Клавьера. Г-жа Роланъ отвѣчала ему въ нѣсколькихъ словахъ, твердымъ голосомъ. Она не успѣла кончить, когда раздался кликъ двухъ тюремщиковъ, призывавшихъ ее въ трибуналъ. Г-жа Роланъ остановилась и, протянувши руку своему собесѣднику, сказала: «Пора намъ проститься. Разстанемтесь друзьями», — и замѣтивши, что онъ взволнованъ и едва сдерживаетъ слезы, прибавила: «Мужайтесь».

Допросъ въ трибуналѣ продолжался недолго. По произнесеніи рокового приговора, г-жа Роланъ сказала, обращаясь къ своимъ судьямъ: «Вы считаете меня достойной раздѣлить судьбу великихъ людей, погубленныхъ вами. Я постараюсь встрѣтить смерть съ тѣмъ же мужествомъ, которое они выказали на эшафотѣ».

---

[1]) Mémoires de m-me Roland, t. 4-me, p. 177.

Толпа зрителей безмолвствовала подъ впечатлѣніемъ удивленія къ ней и состраданія; лишь нѣсколько подкупленныхъ голосовъ кричало: «На гильотину»! — «Я иду на казнь», спокойно и гордо сказала г-жа Роланъ; но тѣ, которые приговорили меня, не замедлятъ послѣдовать за мной... И вы, которые рукоплещите сегодня, будете рукоплескать и тогда [1])».

Былъ холодный осенній день, ненастный и пасмурный, когда, 9-го ноября, къ вечеру, повозка съ приговоренными къ смерти двинулась отъ Консьержери къ мѣсту казни. Путь, которымъ слѣдовала повозка, направлялся вдоль длинной набережной «Mégisserie», мимо дома на углу набережной «Orfèvres» и «Pont-Neuf»,— гдѣ, во второмъ этажѣ, нѣкогда жили родители г-жи Роланъ. Сколько воспоминаній, сколько дорогихъ образовъ должно было возстать въ душѣ ея при видѣ столь знакомой обстановки ея дѣтства и юности!—Какой поразительный контрастъ между тѣмъ счастливымъ, мирнымъ вступленіемъ въ жизнь, — и финальнымъ актомъ, когда бездна революціи, потопивши все, что было ей дорого и свято въ жизни, готовилась поглотить ее въ своей пучинѣ!

И между тѣмъ, то чувство, которое должны были вызвать въ ней эти воспоминанія, было выше мелочнаго раскаянія или суетнаго сожалѣнія о потерѣ личнаго счастья. Вся жизнь ея, представлявшая отъ начала до конца такое связное, гармоничное цѣлое,—вся жизнь должна была утвердить въ ней то чувство глубокаго нравственнаго мира, которое давало ей силу геройски переносить всѣ жизненныя испытанія.

Это нравственное спокойствіе отражалось во всемъ внѣшнемъ обликѣ ея, въ продолженіе длиннаго предсмертнаго пути. Никакого волненія не было замѣтно въ ней. Лицо ея, озаренное внутреннимъ свѣтомъ, поражало глубиной выраженія. Спутникомъ ея былъ Ламаршъ, бывшій директоръ фабрики ассигнацій,—слабохарактерный старикъ, подавленный и уничтоженный подъ вліяніемъ страха смерти. Г-жа Роланъ сжалилась надъ несчастнымъ, утратившимъ всякое самообладаніе; она обратилась къ этому человѣку, незнакомому ей, съ словами сердечнаго участія, ободряя его, поднимая своимъ примѣромъ его нравственныя силы.—Эту миссію великодушнаго самоотверженія она выполнила до конца. Чтобы избавить своего спутника отъ ужаснаго зрѣлища, г-жа Роланъ

[1]) Louvet «Mémoires», p. 202.

отказалась отъ преимущества, предоставлявшаго, въ то время, женщинѣ право первой вступить на эшафотъ. Достигнувши мѣста казни, она сказала, обращаясь къ Ламаршу: «Идите первымъ, вамъ было бы слишкомъ тяжело это зрѣлище».—Затѣмъ, когда настала ея очередь, г-жа Роланъ твердымъ, быстрымъ шагомъ вошла на эшафотъ, преклонилась передъ статуей свободы, возвышавшейся, въ нѣсколькихъ шагахъ, на площади, служившей мѣстомъ казни, и произнесла знаменитыя слова, перешедшія на вѣки къ потомству: «О, свобода, сколько преступленій совершается твоимъ именемъ!» [1]).

Такъ погибла эта замѣчательная женщина, являвшая такое соединеніе качествъ ума и сердца, воплотившая собой поэзію, гордость и славу Жиронды.

Смерть г-жи Роланъ произвела глубокое, неизгладимое впечатлѣніе на ея партію. Для лицъ, всѣхъ ближе стоявшихъ къ ней, съ потерей ея порывались всѣ жизненныя струны. Еще ранѣе, за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, г-жа Роланъ предрекала, что мужъ не переживетъ ея гибели. Предсказаніе ея оправдалось. Когда извѣстіе о казни ея достигло Ролана [2]), рѣшеніе его было принято безповоротно. Вечеромъ, 15 ноября, онъ вышелъ изъ своего убѣжища въ Руанѣ и, въ 4-хъ верстахъ отъ этого города, по дорогѣ въ Парижъ, покончилъ съ собой, вонзивши себѣ ножъ въ грудь. На слѣдующій день онъ былъ найденъ мертвымъ, прислонившимся къ дереву на краю дороги; въ платьѣ его, между прочими бумагами, осталась записка съ слѣдующими нѣсколькими словами: «Прохожій, кто бы ты ни былъ, почти останки добродѣтельнаго человѣка».

Бюзо, скрывшійся за это время, съ Барбару и Петіономъ, въ городѣ Сентъ-Эмильонъ, только въ декабрѣ узналъ о смерти г-жи Роланъ. Горе, по словамъ очевидцевъ, едва не помутило его разумъ. Оправившись отъ страшнаго удара, онъ думалъ, первое время, о самоубійствѣ; его остановило стремленіе отмстить за любимую женщину и погибшихъ друзей. Но судьба не дала ему увидѣть справедливую кару надъ врагами его. Около начала іюля 1794 года, Бюзо, Барбару и Петіонъ, скрываясь отъ преслѣдованій коммиссаровъ, посланныхъ въ Бордо комитетомъ обществен-

---

[1]) «O liberté, comme on t'a jouée!»

[2]) Съ 24 іюня, Роланъ скрывался въ Руанѣ, въ домѣ близкихъ знакомыхъ.

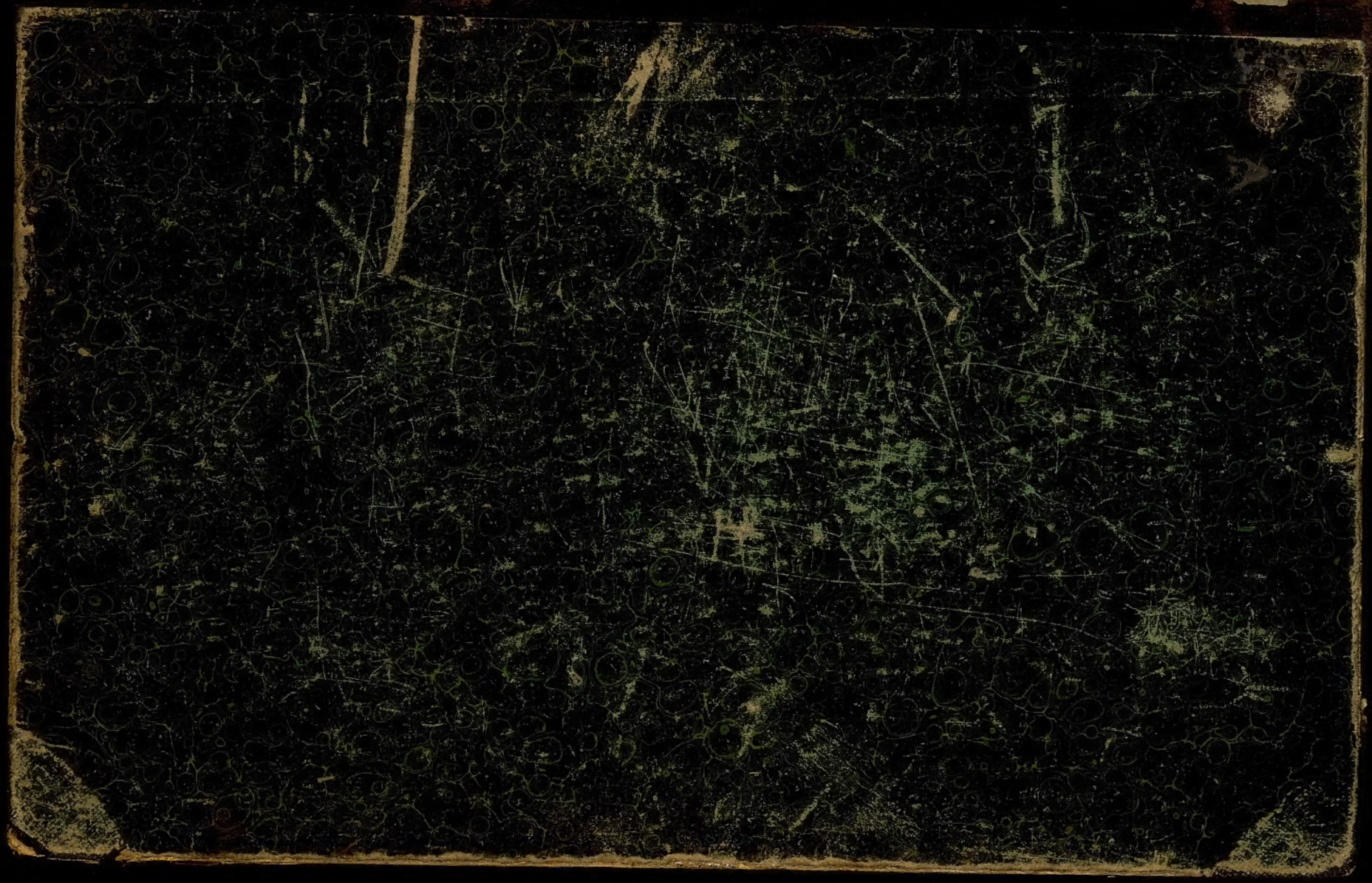
наго спасенія,—должны были покинуть свое убѣжище въ С.-Эмильонѣ. Барбару, тяжело раненый, пытаясь покончить съ собой, былъ схваченъ и казненъ въ Бордо. Два дня позднѣе, въ полѣ, близъ С.-Эмильона, были найдены тѣла Бюзо и Петіона, полусъѣденныя волками.

Лишь два года по смерти г-жи Роланъ, послѣ паденія правительства Робеспьера, явилась возможность предать гласности воспоминанія ея, написанныя въ послѣдніе мѣсяцы заключенія. Въ 1795 году вышло 1-е изданіе мемуаровъ г-жи Роланъ, напечатанное Боскомъ; въ 1800 г.—2-е, изданное Шампанье, свекромъ дочери г-жи Роланъ; въ 1820 вышло изданіе «Мемуаровъ» Баррьера. Всѣ три изданія были напечатаны съ сокращеніями и выпусками, введенными изъ уваженія къ нѣкоторымъ современнымъ личностямъ, затронутымъ въ «мемуарахъ» г-жи Роланъ. Дополненіемъ къ «мемуарамъ», еще болѣе ярко и полно освѣтившимъ нравственный образъ г-жи Роланъ, явилась переписка ея съ Банкалемъ, съ Генріэттой и Софіей Каннэ [1]), и документы, случайно открытые много лѣтъ позднѣе, во 2-й половинѣ настоящаго столѣтія. Въ концѣ ноября 1863 года, къ одному книгопродавцу, въ Парижѣ, явился молодой человѣкъ со связкой бумагъ, найденныхъ въ ящикѣ его отца, любителя старинныхъ книгъ. Мѣсяцъ позднѣе вышелъ каталогъ продававшихся въ книжномъ магазинѣ автографовъ; между ними были поименованы неизданные мемуары Лувэ и Петіона, копія мемуаровъ Бюзо и пять писемъ къ нему г-жи Роланъ. Въ слѣдующемъ (1864) году, явились новыя изданія мемуаровъ г-жи Роланъ,—Фожэра и Добана,—изданія, въ которыхъ впервые воспоминанія и письма г-жи Роланъ были напечатаны безъ сокращеній и выпусковъ.

Такъ исполнилась, болѣе полустолѣтія по смерти г-жи Роланъ, послѣдняя воля ея, послѣднее завѣщаніе; оправдались слова ея, высказанныя, нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, въ знаменитыхъ двухъ письмахъ ея къ Гара и къ Робеспьеру [2]), гдѣ, являясь ихъ обвинительницей, она напоминала имъ объ ожидавшемъ ихъ высшемъ судѣ потомства: «Партіи сходятъ со сцены, вѣчной остается одна истина и справедливость».

Научная библиотека им. Горького

[1]) Изданія 1835 и 1841 гг.

[2]) Письмо г-жи Роланъ къ Робеспьеру, написанное во время заключенія въ S-te Pélagie, не было послано по назначенію. Оно напечатано во 2-мъ томѣ мемуаровъ г-жи Роланъ.

[Y.P]